

Если же статьи нет, то, после 1-го № Весов, буде кафедра окажется подходящею, я не прочь сам написать памятку о великом старике. <...>

Ю. П. БАРТЕНЕВ — П. И. БАРТЕНЕВУ⁷

14 мая 1904. Москва

<...> Вот письмо Петерсона, которое он написал по поводу твоего примечания к письму Достоевского⁸. Его можно, думается мне, напечатать. Он хочет писать воспоминания о Ник. Феодоровиче, я ему отвечал, что ты чтить его, но главная мысль покойника является для тебя, как и для многих, великим скандалом. <...>

П. Я. ЦИРКУНОВ — Н. П. ПЕТЕРСОНУ⁹

7 февраля 1907. Асхабад

<...> Присланные Вами статьи в «Епархиальных ведомостях» прочел с удовольствием¹⁰. Вероятно, у Вас уже отпечатаны, и когда к Вам приеду — прочту. Опасаюсь, что когда пойдет речь о воскресении праотцев покорением космических сил природы, то Владыка не согласится с этой идеей, ибо, по-моему, эта идея противоречит завету Спасителя, обещавшего воскресить умершего в последний день. — Впрочем, теперь наступило время всевозможных переоценок жизни, и идея Н. Ф. будет оценена по достоинству. <...>

Н. П. ПЕТЕРСОН — В. В. РОЗАНОВУ¹¹

19 февраля 1906. Верный

19-ое февраля 1906 г.

г. Верный Семиреченской области

Милостивый Государь
Василий Васильевич!

Решаюсь послать Вам несколько страниц из печатающегося в г. Верном под мою редакцию произведения одного, уже умершего, при жизни неизвестного человека; хотя человек этот при личном знакомстве производил большое впечатление и на таких людей, как Толстой, Влад. Серг. Соловьев. В его бумагах сохранилось собственноручное письмо Соловьева, написанное под впечатлением прочитанной им рукописи Н-лая Ф-ча, в котором он пишет, что готов признать себя учеником его, Н-лая Ф-ча, и что он,

ИЗ ПИСЕМ РАЗНЫХ ЛИЦ

С. А. ПОЛЯКОВ — В. Я. БРЮСОВУ¹

16 декабря 1903

<...> Уехал на Библиотеку, из газет узнал, что умер Евреинов и старец Федор<ов>² <...>

С. А. ПОЛЯКОВ — В. Я. БРЮСОВУ³

17 декабря 1903. Москва

<...> Если увидите Черногубова (он, вероятно, придет к Вам), попросите у него какую-нибудь заметку о «Старце» для первого номера «Весов»⁴ <...>

Ю. П. БАРТЕНЕВ — В. Я. БРЮСОВУ⁵

9 января 1904. Москва

<...> Прослышал я, что для «Весов» Черногубовым сделана статья о Н. Ф. Федорове⁶. Вы знаете, как я был близок к покойному; знаете, что мне известна история знакомства Ч<ерногубо>ва и Н. Ф. и умственно-нравственный обиход первого. Боюсь, что в подобном зеркале величавый лик старца не только будет перекошен, но прямо изуродован до неузнаваемости.

Вы правы располагать Вашим материалом, и я далек от мысли стеснять Вас в этом отношении, но мне бы очень хотелось просмотреть статью раньше, чем она будет пущена во всеобщее пользование. Это необходимо и потому, что 13-го января состоится совещание почитателей покойного о том, как поступить с рукописями его, находящимися в нашем распоряжении. Материал велик и разнообразен.

Не найдете ли возможным доставить мне гранки статьи на некоторое время?

Н-лай Ф-ч, первый не проповедует только Христа, но и указывает, как христианство может быть осуществлено в жизни, на самом деле. Посылаю Вам прилагаемые листы, потому что в них указывается радикальнейший способ разрешения женского вопроса, которым Вы так заняты. Человек, о котором я пишу, — Н. Ф. Федоров, очень долго служивший в Румянцевском Музее в Москве, где заведывал каталожной. Он был известен многим ученым (напр<имер>, Буслаеву), благодаря необычайной глубине и обширности его познаний, а также удивительной проницательности: по своей должности он должен был по требованиям читателей отыскивать по каталогу книги, по этим требованиям он безошибочно определял серьезно занимавшегося человека и самый предмет, которым он занимался, и тогда посылал такому человеку книги, которых он не требовал, но которые освещали предмет его занятий с особой, часто совершенно неожиданной для самого занимавшегося стороны. Таким образом и возникли многие знакомства у покойного Н-ая Ф-ча. Если бы Вы пожелали с ним познакомиться, то можете это сделать по статьям Кожевникова, печатавшимся в «Русском Архиве» с № 2-го за 1904 год, продолжавшихся и в 1905 году, хотя и не в каждом номере, — за два года было десять статей; будут продолжаться эти статьи и в 1906 году, кажется, с 1-го номера; в конце же этих статей будет помещено и письмо Соловьева, о котором я говорил в этом письме.

Считаю нужным указать Вам и на письмо Достоевского ко мне по поводу учения Н-лая Ф-ча, помещенное в № 3-м Русского Архива за 1904 год (подлинник которого хранится ныне в Румянцевском Музее), а также и на мой ответ на примечание к этому письму редактора «Русского Архива», помещенное в № 6-м «Русск<ого> Арх<ива>» за тот же 1904 год. Письмо Достоевского было напечатано еще в 1897 г. в № 80-м газеты «Дон», издающейся в г. Воронеже, но с пропуском того места, где говорится о Вл. Серг. Соловьеве, с которым Н-лай Ф-ч познакомился после уже смерти Достоевского и который в 1897 году был еще жив. Вырезку из «Дона» с письмом Достоевского и с предисловием к нему самого Н-лая Ф-ча, хотя и исходившим будто бы от меня (в виде письма к редактору), я решаюсь послать Вам, с покорнейшей просьбой возвратить мне как эту вырезку, так и листы из печатающейся книги; деньги, которые будут израсходованы Вами на возвращение приложений к этому письму, прошу взыскать с меня наложным платежом.

Примите уверение в совершенном почтении, всегда готовый к Вашим услугам

Н. Петерсон

Адрес мой: г. Верный, Семиреченской области, члену Верненского Окружного Суда Николаю Павловичу Петерсону.

После того как написал это письмо и уже запечатал его, прочитал Вашу статью о Достоевском по поводу 25-летия со времени кончины его (№ 10730)¹² и подумал, нужно ли писать Вам, может ли выйти из этого что-либо доброе, не на разных ли языках говорим мы, подобно тому как это было при вавилонском столпотворении? — Вы говорите, что Христос основал царство вне крови и племени, что самая коренная и самая индивидуально-характеризующая особенность церкви лежит в *бескровности* и в *бесплотности*. — И это Вы говорите о Том, Кто сказал: «Если не будете есть плоти Сына Человеческого (т. е. Его, Христа, плоти) и пить Крови Его, не будете иметь в себе жизни» (Иоанн. IV, 53 и послед.); Вы говорите это о христианстве, величайшее таинство которого есть таинство тела и крови. А таинство тела и крови есть восстановление родства, о котором, будучи родными, мы забыли; в словах же «кто не возненавидит отца и мать *свою*» осуждается лишь исключительная привязанность к *своим*, к *своему* роду и племени, как у евреев, заставляющая их ненавидеть всех остальных, так что утешением Израилю будет не блаженство лишь его, но и страшные мучения всех остальных, которые все были его врагами. Между христианством и язычеством нет противоположности, христианство есть примирение всех и всего, примирение всех антагонизмов, противоречий; язычество (язык-народ) есть народная религия, а христианство — всенародная, всеязычество. Пресвятая Троица — не догмат, а заповедь, заповедь о родстве, о восстановлении родства по образу и подобию Божию; человек в отдельности не может быть образом и подобием Божиим, таким он становится лишь в совокупности всего рода, когда весь род объединится по образу и подобию Пресвятой Троицы, нераздельной и неслиянной, когда и в роде человеческом составляющие его личности будут нераздельны, едины при сохранении полной самостоятельности каждой личности, без слияния личностей в безразличное единство. Бог есть родственная любовь, это Отец, Сын и Дочь (Св. Дух); по образу Божественного Троиединства и человеческого род должен стать многоединым, или *все-единым* существом; как в Боге нет ничего чуждого, только родственное, так и род человеческий должен стать истинным родом, родством единосущным и единокровным всем братьям чрез Христа и самому Троиединому Богу, а не распасться на самоопределяющиеся личности, блюдущие свои права, для которых только смешно, когда им говорят: если тебя ударят по ланите, подставь другую (а между тем так, или почти так, поступил Фемистокл, когда на него замахнулся Еврибиад), если просят верхнюю одежду, отдай и рубашку (над этим глумились в одной прокламации, вышедшей в Верном) и проч. Словом, правовой порядок, цивилизация, гражданственность, обращающие людей из братьев в чужих друг другу, только в сограждан, в сосе-

дей, в товарищей, — есть прямая противоположность христианству, которое есть богоподобная родственность, родство, но только всеобщее, а не исключительная привязанность к своим, к своему роду-племени, эта исключительность и есть еврейство и язычество. Мы не европейцы и не азиаты, мы между Европой и Азией, и если хотим быть христианами, то должны примирить Европу с Азией, [преодолеть] рознь европейскую и насильственное объединение азиатское; должно в нас найти истинное единство без слияния и истинную самостоятельность личностей без розни. Чрез нас должна осуществиться молитва Христа — «Да будут все едино: как Ты, Отче, во Мне, и Я в Тебе, так и они да будут в Нас едино (Иоанн. XVII, 21), чрез нас должен осуществиться образ, данный нам в учении о Троице *Нераздельной и неслиянной*, в основе которого и лежит вышеприведенная молитва Христа — «Да будут все едино». В этом и заключается наша самобытность, мы должны объединить в себе все и всех, в этом и христианство, которого нет ни в Европе, нет и в Азии, и будет оно только в объединении Европы и Азии, Африки, Америки и Австралии, в устранении всех противоречий; тогда мы войдем и в единство с Богом, о чем и молился Христос, тогда будет воскресение и бессмертие.

Но все это будет чрез нас, чрез весь род человеческий, а не само собою совершится, как это можно думать по статье Эльпе — «*Жизнь и Воскресение*»¹³, в фельетоне Нов<ого> Вр<емени> № 10708, от 5 января. Кто этот Эльпе? Я послал ему несколько статей, но никакого ответа не имею.

Г. П. ПЕТЕРСОН — Н. П. ПЕТЕРСОНУ¹⁴

4 мая 1907. Саранск

Милый и дорогой брат и друг Николай Павлович!

Три дня тому назад, к величайшему моему удовольствию, получил я, наконец, книгу незабвенного Н-я Ф-ча¹⁵ и тотчас же отдал ее Сереже для переплета, а сегодня получил ее уже переплетенную и приступаю к чтению, по исправлению опечаток. Не знаю, все ли в этой книге окажется для меня доступным, но постараюсь читать, не торопясь и обдумывая прочитанное. Во время чтения этой книги, без сомнения, мне будет вспоминаться и симпатичная личность самого автора, как бы слышаться его голос, будут припоминяться его беседы в Керенске, в библиотеке, за стаканом чая, возбуждая в душе бодрое чувство и сознание, что даже самый ничтожный человек может примкнуть к великому делу и приносить известную долю пользы. Я помню, как от речей Н-я Ф-ча водворялся в душе моей мир и беспокойство нравственное сменялось душевным равновесием, как и при чтении его произве-

дений, под впечатлением которых я ощущал в себе желание сделаться нравственнее и деятельнее, чем был обыкновенно. И думали ли мы, читавшие в то время написанное им, нередко даже карандашом, на отдельных клочках бумаги, что настанет время, когда из этих листков составитя целая книга, которая познакомит мир с великим общим делом, делом всеобщего спасения, до сих пор незнакомым еще миру, которое теперь сделается, наконец, известным и, м<ожет> б<ыть>, повлечет жизнь по новому руслу, откроет истинный путь и укажет людям истинную и единственную цель.

Спасибо тебе, что ты прислал мне эту книгу, и, не придавая никакого значения этим моим рассуждениям, верь, что я искренне обрадован твоим, или, лучше сказать, Н-я Ф-ча, этим драгоценным подарком. Стану читать и постараюсь вдумываться сколько могу, чтобы понять и по возможности усвоить прочитанное. <...>

В. А. КОЖЕВНИКОВ — Ф. Д. САМАРИНУ¹⁶

26 июня 1907. Исап

<...> Сердечное спасибо и за призыв содействовать делу, ко мне обращенный! Но здесь я снова принужден противоречить Вашему преувеличенному доброму мнению о моей годности для работы в «Кружке»¹⁷. Для систематического какого-либо курса я прямо признаю себя несостоятельным; от отдельных же чтений на некоторые темы не отказываюсь и прилагаю старание кое-что подготовить в этом смысле. До сих пор меня отвлекала довольно упорная работа над окончанием моей книги об учении Ник. Фед. Федорова: для укрепления его мыслей об активном мировоззрении и об управлении природою пришлось делать экскурсии в область новейших естественно-исторических и даже математических теорий, и эта ответственная работа потребовала немалого напряжения мысли и некоторой подготовки в соответствующей литературе. Теперь, выбравшись, с Божьей помощью, из этих натурфилософских дебрей и изложивши письменно результаты своих поисков и дум, я могу обратиться к намеченным для чтений в «Кружке» темам. <...>

Л. Н. ТОЛСТОЙ — Н. П. ПЕТЕРСОНУ

1—2 февраля 1908. Ясная Поляна¹⁸

Милый Николай Павлович,

Если не ошибаюсь, это Вы прислали мне брошюру к 55-летию моему¹⁹. Брошюра эта доставила мне только удовольствие, имен-

но воспоминанием о Вас и дорогим незабвенным Николае Федоровиче. Мне только очень жаль было видеть, что Вы с недоброю относитесь ко мне, тогда как я кроме самого нежного, доброго чувства не испытываю к Вам, а уже не говорю к памяти именно незабвенного, замечательнейшего человека Николая Федоровича. Если я не ошибся, пожалуйста, напишите мне прямо; мне очень дорого будет общение с Вами.

Ясная Поляна

1 февр. 1908.

Очень сожалею, что не могу согласиться с тем, что Вы пишете, так строго разбирая мои очень неважные, слабые легенды²⁰. Не могу согласиться потому, что теперь, стоя на пороге плотской смерти, все больше и больше убеждаюсь в благодетельности плотской смерти и невозможности смерти того духа, которым живу, если живу им, т. е. любовью. «И мы знаем, что мы перешли от смерти в жизнь, если любим братьев. Не любящий брата не имеет жизни вечной, пребывающей в нем. Любящий же брата имеет жизнь вечную, пребывающую в нем»²¹. Я не только верю в это, но всем существом испытываю истинность этого.

Любящий Вас Лев Толстой.

2 февр. 1908.

Н. П. ПЕТЕРСОН — Л. Н. ТОЛСТОМУ²²

29 февраля 1908. Верный

Глубокоуважаемый и бесконечно дорогой мне Лев Николаевич!

Ваше письмо поразило меня, Ваша нравственная высота изумительна, и мне остается только преклониться пред Вами. Но Ваше выражение, будто я «с недоброю» отношусь к Вам, не точно и неверно; не к Вам относимся мы с недоброю, и даже больше того, а к тому заграждению, которое не дает нам сойтись в одном общем деле на благо всех. И какою любовью загорелись бы эти чудные глаза, которые Вы находили злыми, — по Вашим словам в 1899 году²³, — когда они обращались на Вас, — какою любовью к Вам загорелись бы эти глаза, если бы Вы оказали хоть малейшее содействие *призыву к общему делу всех людей*, заключающемуся в посылаемой Вам вместе с сим книге под заглавием «Философия общего дела». После Вашего письма ко мне я не боюсь послать Вам эту книгу, хотя Вы найдете там много злого о себе, но я не сомневаюсь, что Вы найдете в ней и многое такое, что заставит Вас при Вашей изумительной нравственной высоте простить это зло человеку, который выше всего ставил подвиг Моисея, хотевшего лучше страдать с народом Божиим, чем радо-

ваться с египтянами, подвиг Фемистокла, который на совете пред Саламинскою битвою сказал замахнувшемуся на него Еврибиаду: «Бей, но только выслушай». Этот подвиг Фемистокла Н-лай Ф-ч всегда выставлял в объяснение наставления Христа — подставить другую щеку, когда тебя ударят по одной. Н-лай Ф-ч говаривал, что участвующие в одном общем им деле, которому они преданы всем существом своим, не могут обижаться друг на друга, и если бы между соработниками в таком деле случилось бы что-либо подобное, то всегда найдется готовый скорее жертвовать своею личностью, чем общим делом.

Н-лай Ф-ч ставил Вам в вину учение, по которому каждый может спастись один, в одиночку, не нуждаясь для этого в обществе других, каждый внутри себя может создать Царство Божие. По мнению же Н-лая Ф-ча, выраженному, *между прочим*, на 159 стр. посылаемой книги и на предыдущих, «допускать спасение в отдельности, врознь» значит отрицать родство, братство и отечество, заповедь о любви. Есть большая статья, посвященная Вам²⁴, еще не напечатанная, в которой сосредоточены все делаемые Вам упреки, в которой и себя Н-лай Ф-ч обвиняет за то, что вынужден делать Вам эти упреки, а вместе с тем и обращается к Вам с просьбою оказать содействие *призыву к общему делу* — призыву, которому Н-лай Ф-ч посвятил всю долгую жизнь свою, но так и умер, не найдя достойного, по его мнению, выражения этому призыву. По его поручению я представлял в 1896 г. эту статью в Цензурный Комитет, но цензора, несогласные и с Вами, нашли учение, излагаемое в статье, гораздо худшим вашего, а потому и запретили статью²⁵.

Позволяю себе и я обратиться к Вам за содействием — сделать известным возможно большему числу людей призыв к общему всех людей делу, заключающийся в посылаемой Вам книге. Содействие этому может выразиться с Вашей стороны посылкою для напечатания в какое-либо подходящее периодическое издание моей статьи²⁶, вложенной в середину книги, во главе которой стоит заглавие книги Н-лая Ф-ча. А если бы Вы нашли возможным и от себя сказать несколько слов об авторе этой книги, если уже не о самой книге, то этим Вы многих, весьма многих заставили бы прочитать книгу, и может быть, найдется человек, который войдет в идею Н-лая Ф-ча и сумеет выразить ее так, что она всем станет ясна и понятна. Сама по себе книга должна читаться тяжело, в ней много нестройного, в чем нужно винить не автора, а издателей, их неумелость, а также невозможность, за заботами о существовании, всецело предаться великому делу. Однако отдельные места в этой книге удивительны. Прочтите, например, пар<аграф> 13 на 93-й стран<ице> со слов в последней строке: «Вопрос, зачем страдают добрые люди», или же на стран<ице> 192-й (в конце) со

слов: «Все совершенное энциклопедистами» и проч., кончив страницей 198-й; на стран<ице> 76-й со слов: «В исповедании Символа Веры» надо прочесть несколько страниц. Всего, впрочем, не переисчисляй.

Помогите же, Лев Николаевич, сделать эту книгу известною и тем обратите недружелюбие, замеченное Вами в моей брошюре, в самую пламенную преданность, этим Вы сделаете день получения мною Вашего письма, 25 февраля 1908 года, счастливейшим днем моей жизни.

Никакого гонорара за статью мне, конечно, не надо и не надо выставлять под статью моей фамилии. — Должен сказать Вам, что эту же статью еще в октябре я послал митрополиту Антонию с просьбою напечатать ее в одном из духовных журналов с указанием того, что в ней несогласно с точки зрения наших официальных представителей церкви; но никакого ответа от митрополита я не получил. Я хотел бы только, чтобы мне прислан был тот номер журнала или газеты, где будет помещена моя статья, и если возможно, несколько оттисков статьи²⁷.

Покорнейше прошу передать мой низкий поклон и засвидетельствовать мое глубокое почтение Софье Андреевне.

Всею душою Вам преданный

Н. Петерсон.

29 февраля 1908 года

г. Верный, Семиреченской области.

С. М. СЕВЕРОВ — Н. П. ПЕТЕРСОНУ

6 мая 1908. Санкт-Петербург²⁸

6-го Мая 1908 года

С.-Петербург

Воистину Воскресе!

Многоуважаемый, дорогой Николай Павлович!

Принося Вам свои поздравления с сегодняшним Высоко новорожденным²⁹, извещаю Вас, что письмо Ваше от 18-го апреля и 5 экземпляров брошюры Вашей «Правда о великом писателе и т. д.» я с великим удовольствием получил и приношу Вам свою искреннюю благодарность. Счастлив, что Вы меня помните. Действительно, я лично вручил по экземпляру «Философии Общего Дела» сначала Васил. Васил. Розанову, затем редакции «Нового Времени» и затем Мих. Осип. Меньшикову³⁰. Должен Вам сообщить, что я не только «неравнодушен» к книге Великого и незабвенного Николая Федоровича, но что я считаю за особую ко мне милость Божию то обстоятельство, что я встретился в своей жиз-

ни с Николаем Федоровичем, был знаком с ним и лично от него познакомился с его единственно правильным и приемлемым мною во всей его полноте его учением и толкованием учения Христова. Только это толкование считаю за истинно Православное. А книгу Его ставлю в разряд Книг Священных, завершающих собою ряд уже полученных человечеством Ригведы, Зенд-Авесты, Библию, Евангелие, Коран. А посему я и писал уже Владимиру Александровичу³¹ при появлении «Философии Общего Дела», что я приветствую высокий порыв Ваш и его к распространению сей книги и, конечно, единственно правильным и вполне достойным ее, как Откровения, посланного Богом людям чрез Николая Федоровича, считаю ее первое появление в свет в той форме, как Вами было задумано и выполнено «*Не для продажи*». Полагаю, что и душа Великого Учителя Вами обоими довольна.

После того как я после встречи с Ник. Федор. признал себя его учеником, я, конечно, не мог оставаться равнодушным ко всему, что касалось Его и Его учения, старался и сам знакомиться глубже с Его учением и других людей, которые мне казались интересующимися не одними низменными интересами, знакомить с этим учением. Успехом похвалиться не могу, но все-таки двух адептов я приобрел — одного жандармского офицера и одного инженера-механика флота. Я решил отвезти и вручить по экземпляру «Философии Общего Дела» Розанову, потому что мне казалось и кажется, что он принадлежит к числу «ищущих правды» и мне его жаль, а Меньшикову потому, что если бы он заинтересовался этой книгой, то, как самый блестящий фельетонист нашего времени, мог бы заинтересовать ею много людей. Что он сплошь и рядом пишет вздор, это не удивительно, ибо он «гонит деньги» себе в карман, но иногда он кажется мне, так же как и Розанов, так близко блуждающим и проходящим около правды со слепыми глазами, что за него обидно и захотелось ему сказать: смотри, вот где свет! Но, кажется, я ошибся. Вряд ли из этого выйдет толк, и, вероятно, оба они даже не заглянут в подаренную им книгу.

Розанов горд тем, что он сам родит мысли и сам, как паук, тклет свою собственную паутину и даже боится, по-видимому, чужих мыслей, дабы не потерять своей оригинальности. А Меньшиков мне прямо сказал: «Что я буду делать с этой книгой?!» — «Что хотите!» — «Но ведь ее прочесть... разве только если посадят в Петропавловскую крепость!.. Да кто такой этот Ник. Фед. Федоров?» — и на мое краткое разъяснение: «Не тот ли это мыслитель, про которого мне говорил граф Лев Николаевич? что он его высоко уважал?» — «Да, тот самый.» — «Это интересно! Но все-таки что мне с этим делать?» Тогда я ему сказал: «Если бы покойный мыслитель обладал таким даром изложения, каким Вы обладаете, то Его идеи, без сомнения, скоро завоевали бы весь мир». Он криво усмех-

нулся и сказал: «Ну, благодарю Вас, поучусь, поучусь!» — и мы расстались.

«Новое Время» и «нововременцы», которые носят с так называемым великим писателем земли русской (а по-моему, правильнее — великим романистом), как курица с яйцом, конечно, до сих пор не обмолвились о «философе общего дела» ни одной строчкой, несмотря на то что экземпляр был им мною доставлен еще в начале февраля. <...>

С. Н. БУЛГАКОВ — П. А. ФЛОРЕНСКОМУ³²

29 мая 1908. Крым, Кореиз

<...> Надеюсь, что Вы получили книгу Федорова, переданную мне Кожевниковым для предоставления Вам в собственность. <...>

Н. П. ПЕТЕРСОН — Л. Н. ТОЛСТОМУ

2 мая 1908. Верный

2 мая 1908. Г. Верный

Глубокоуважаемый
Лев Николаевич!

Я получил письмо от П. А. Сергеенко, в котором он предлагает мне принять участие в сборнике при альманахе Вашего имени, издаваемом к Вашему 80-летию³³. Я с величайшим удовольствием приму участие в этом сборнике и надеюсь скоро послать г-ну Сергеенко то, что я думаю вложить в этот сборник; но мне хотелось бы, чтобы в этом сборнике принял участие и Николай Федорович. В письме моем в ответ на Ваше я сообщал уже Вам о статье Н-лая Ф-ча³⁴, где он ярко выставил то, что видит у Вас неверного, но вместе с тем он признает Ваш гений, признает Вас одаренным всеми десятью талантами и обращается к Вам, можно сказать, с мольбою — помочь делу, которое должно объединить народ русский не только внутренне, с самим собою, но и со всеми народами; признает Вашу мощь и просит помочь делу, в котором только и заключается спасение, спасение не кого-либо, но спасение всеобщее, всех, не допускающее никаких исключений. (Статья довольно большая, перевод на другие языки будет затруднителен, а потому напечатать ее следует только по-русски). Не согласитесь ли Вы, чтобы эта статья была помещена в сборнике при альманахе Вашего имени. Помещение этой статьи в сборнике и по Вашему настоя-

нию (иначе ее не напечатают) было бы истинно великим, достойным Вас актом. Это свидетельствовало бы, что Вы не желаете одних восхвалений и не боитесь осуждений. Статья, о которой я пишу, находится в руках В. А. Кожевникова, постоянный адрес которого помещен в конце моего предисловия к книге «Философия Общего Дела», а теперь, с мая месяца, адрес его: *Ялта, Исар, собственная дача, Владимиру Александровичу Кожевникову*. Владимир Александрович такой Ваш почитатель, что тотчас же доставит Вам статью, лишь только Вы пожелаете иметь ее. Если же Вы найдете почему-либо неудобным обратиться к В. А. Кожевникову непосредственно, телеграфируйте мне так: «Верный Петерсону вышлите статью», и я тотчас снесусь с Кожевниковым по телеграфу и он, я не сомневаюсь, доставит Вам статью.

Вместе с сим отправляю Вам оттиск моей статьи из Епарх<иальных> Ведомостей о письме Гр. Петрова к митрополиту Антонию³⁵. Покорнейше прошу Вас уведомить меня, послали ли Вы куда-нибудь статью мою, которая была вложена в посланный Вам экземпляр книги «Филос<офия> Общего Дела»³⁶; если она не м<о>жет б<ы>ть напечатана, не откажитесь возвратить ее. Покорнейше прошу засвидетельствовать мое глубокое почтение Софье Андреевне. Всею душою Вам преданный и глубоко Вас уважающий.

Н. Петерсон.

Л. Н. ТОЛСТОЙ — Н. П. ПЕТЕРСОНУ³⁷

6 июня 1908. Ясная Поляна

Милый и дорогой Николай Павлович,

Со страхом приступаю к письму к Вам. Я страшно виноват перед Вами. Статья Ваша, к<отор>ая б<ыла> вложена в книгу Ник<олая> Фед<оровича>, куда-то пропала. Послал ли я ее куда (хотя это сомнительно), или, что всего вероятнее, она в наших книгах и бумагах, дело в том, что я никак не могу найти ее. От этого я так замедлил ответом на Ваше письмо. Мы всё искали и ищем статью. Напишите, пожалуйста, есть ли у Вас копия?

Статью Н<иколая> Ф<едоровича> обо мне я очень рад буду, если напечатают, и сейчас пишу Кожевникову, прося прислать ее Сергеенке³⁸. Вы немножко недобры ко мне, предполагая мое нежелание видеть в печати статью Н<иколая> Ф<едоровича> только п<отому>, ч<то> он осуждает меня. Напечатание ее будет зависеть от издателя. Я же выра<зил> свое желание.

Любящий Вас Лев Толстой.

6 июня 1908.

Н. Н. ГУСЕВ — Н. П. ПЕТЕРСОНУ³⁹
29 июня 1908. Ясная Поляна

Ясная поляна, 29/VI 08. Любезный Николай Павлович, вероятно, получили уже теперь Вашу статью и мое письмо. Статья Ваша Сергеенкой получена и, вероятно, будет напечатана. Книжка Н. Ф. Федорова по своим основным взглядам известна была Льву Н-чу и раньше; но, как Вы знаете, идея о воскрешении не встречается в нем сочувствия, и его вполне удовлетворяет учение о том, что тело наше не может быть бессмертно, а дух не может быть смертен. В этом смысле он понимает и учения величайших мудрецов мира. С уважением, готовый к услугам Н. Гусев.

В. А. КОЖЕВНИКОВ — В. Я. БРЮСОВУ⁴⁰
9 декабря 1908. Москва

9 декабря 1908

Многоуважаемый

Валерий Яковлевич!

С радостью спешу исполнить выраженное Вами желание получить книгу Николая Федоровича и мою: завтра отошлю их Вам заказной бандеролью. Прислал бы их и без Вашего письма; не доставил же книгу Н. Ф-ча раньше потому, что хотелось добавить к ней свои статьи, хотя и очень растрепанные и незаконченные, но содержащие матерьялы, не вошедшие в I том «Философии общего дела».

Зная (и ценя) ширину Вашего дарования, я никогда не сомневался в «искренности и серьезности» Вашего интереса к мыслям Н. Ф-ча. По тем же основаниям позволяю себе надеяться, что Вы не вмените в вину Николаю Ф-чу и излагателю его мыслей, сливавшемуся возможно близко с ним при изложении, некоего попрека новому направлению искусства за то, что, с очень определенной точки зрения Н. Ф-ча на задачу искусства, представлялось нежелательным абсолютным произволом художественного таланта.

Я был бы очень Вам обязан и рад, если бы Вы в «Весах» молвили свое, всегда самобытное слово о книге Николая Ф-ча и, быть может, и моей, если усмотрите в ней, по материалам, некоторое дополнение к первой.

Уважающий Вас В. Кожевников.

С. Н. БУЛГАКОВ — А. С. ГЛИНКЕ⁴¹
12 декабря 1908. Москва

<...> Бердяев едет в Москву. Он уже схватился за Федорова, по моей заметке⁴². <...>

В. Е. ЧЕШИХИН — Н. П. ПЕТЕРСОНУ⁴³
6 января 1909. Рига

6 янв. 1909

Милостивый Государь,
многоуважаемый
Николай Павлович!

Пишу Вам согласно указанию и рекомендации Клавдия Ефимовича Гороховского*. Он сообщил мне о том, что *книга Ваша «Философия общего дела»* может быть получена только от Вас лично, ибо не продается, и заинтересовал меня ею, сообщив, что, по его мнению, главная идея книги — преимущество разума коллективного над индивидуальным.

Мне эта мысль представляется безусловно справедливою. Совершенно то, что безлично. Из всех определений Божества мне кажется всего симпатичнее: «без лиц». «Мы» мудрее «я»: семья мудрее личности, общество мудрее семьи, человечество мудрее общества, природа мудрее человечества, и мудрее всего сущего — Божество. «Общее дело» могущественнее личного. Если не ошибаюсь, философу Гартману принадлежит мысль, что если бы все человечество *одновременно* захотело бы небытия, то «небо свернулось бы как свиток», по выражению Апокалипсиса, и мир исчез бы. Мысль эта парадоксальна, ибо слишком антропоцентрична; если мир есть «представление и воля» (по Шопенгауэру), то для изменения мира необходимо изменение «представления и воли» *всего сущего*, а не только одного человечества. Тем не менее мысль о могуществе «общего» дела меня крайне занимает и смелость выводов из нее меня не останавливает. Высказанная К. Е. Гороховским мысль, что в числе выводов из Вашей философии есть гипотеза о возможности воскрешения мертвых, более привлекает меня к Вашему сочинению, чем отпугивает от него.

Моя просьба: выслать мне эту книгу, по адресу, напечатанному в заголовке этого письма.

Примите уверение в совершенном уважении.

Всев. Чешихин.

* Он в Риге; мы встречаемся в семье доброго моего знакомого Перре, на падчерице которого женат К. Е. Гороховский.

Н. П. ПЕТЕРСОН — В. Е. ЧЕШИХИНУ⁴⁴

Середина января 1909. Верный

М. Г. Всеволожский Евграфович! Я был рад получить Ваше письмо, интерес к изданной мною книге не может меня не радовать, так как эта книга не мысль только, не идея, а призыв к делу, — мне было приятно также узнать, что К. Е. Гороховский не забыл такого азиатского захолустья, как наш Верный, даже в Риге, городе вполне европейском. Но я должен сказать, идея изданной мною книги совсем не такова, как сообщил это Клавдий Ефимович, во всяком случае, в ней гораздо больше того, что усмотрел Клавдий Ефимович. Индивидуальный разум так же важен, как и коллективный; да не было бы и разума коллективного, если бы не было — индивидуального; без индивидуального разума — было бы безразличие, безразличное единство, т. е. было бы ничто. Вся история рода человеческого есть борьба восточного единства, единства, достигаемого насильем, принуждением, пред которым все индивидуальное стирается, уничтожается, с западным индивидуализмом, ведущим к розни, раздору и борьбе. А между тем человек не может отказаться ни от индивидуальной свободы, лишь бы она не вела к розни, к раздору и борьбе, ни от стремления к единству всех индивидуумов, но к единству, достигаемому не путем насилия; требуется, чтобы свобода индивидуума не была свободой исполнять свои прихоти, что и ведет к розни, к раздорам и борьбе, а единство не было бы принудительным, чтобы это не было насилие, приводящее всех к прокрустову ложу, чтобы равенство, к которому приводит такое единство, не было [далее не сохранилось].

М. Н. ПЕТЕРСОН — Н. П. ПЕТЕРСОНУ28 июля 1909. Москва⁴⁵

<...> Да, какова теперь будет судьба 2-го тома? Ты говоришь, что Вы с Кожевниковым можете разойтись: прекратить переписку. Интересно, что-то он тебе написал. Из всех моих разговоров с Кожевниковым я вывел, что он смотрит на учение Н. Ф. почти исключительно как на философию, совершенно забывая, что это прежде всего — общее дело. Ему тоже кажется, что у Н. Ф. благодати оставлено слишком мало места, и он ждет философа, который ей воздал бы должное. <...>

<...> Из сопоставления того, что есть в Ф. О. Д. об языке, с мнениями других авторов, я выводов, можно сказать, не делал, сделал только намеки на выводы, — но я вынес то впечатление, что создание общего языка — не химера, хотя современное языкозна-

ние и не ставит этого целью. Коренное различие Н. Ф. с другими авторами в том, что те занимаются своей наукой из любопытства, — Н. Ф. смотрит на нее, как на необходимое средство к исполнению общего дела. Отсюда разный взгляд на задачу: там — как появился язык, здесь — создание общего языка⁴⁶.

С. М. СЕВЕРОВ — Н. П. ПЕТЕРСОНУ

3 сентября 1909. Новый Петергоф

<...> Очень интересно было бы познакомиться с Вашей перепиской с Вл. Ал. Кожевниковым. Как интересно, что Вы оба стали ссориться. Полнее моя аналогия Ник. Федор. с Христом. Вы, конечно, Петр, горячий, ревностный и чистый сердцем. Вл. Ал. — Павел, апостол язычников, как Владимир — просветитель язычников русских, Павел — книжник и фарисей. Они тоже ссорились и обличали друг друга. Да простят мне и Христос, и Ник. Федор. эту аналогию, если она только нуждается в прощении. А впрочем, Павел сказал: «Блажен, кто не осуждает себя в том, что избирает»⁴⁷. Я себя не осуждаю. <...>

В. Е. ЧЕШИХИН — Н. П. ПЕТЕРСОНУ

14 сентября 1909. Рига

14 сент<ября> 1909

Многоуважаемый Николай Павлович!

Из письма Вашего от 27 августа я вижу, что Вас огорчила моя печатная заметка о книге Н. Ф. Федорова⁴⁸. Весьма сожалею. Книга, в общем, замечательная, и я очень благодарен Вам за ее присылку. Я читал о ней лекцию в кругу своих знакомых этим летом и не прочь посвятить ей публичную лекцию. В сущности, Вам огорчаться нечего: Вы прислали книгу Н. Ф. Федорова человеку, искренно интересующемуся «общим делом» воскрешения мертвых и относящемуся к этому делу с вдумчивою серьезностью. Этого достаточно для самого пылкого почитателя Н. Ф. Федорова; а что мы с Вами не сходимся в деталях (особенно в вопросе, может ли честолюбие быть источником истинно-благородных поступков), это, конечно, неважно.

Вот Вам несколько новых афоризмов из моей записной книжки, вызванных размышлениями по поводу «общего дела» (как видите, духовное зерно Н. Ф. Федорова пускает ростки):

«Воскрешение мертвых... Фламарион уверяет, что в мироздании повторяются миры, и даже несчетное множество раз. К чему

комбинировать атомы самому человеку? Природа уже комбинирует их! Чтобы встретить предка, достаточно найти двойника земной планеты в тот или иной миг ее существования, прошедшего или будущего. Итак, задача воскрешения мертвых проще, чем думает Федоров. Она состоит в полной победе над пространством и в возможности передвижения *ad libitum*⁴⁹ в любой уголок вселенной.

* * *

Связь воскрешения мертвых и братства. Для чего живет человек? — для братства воскрешения мертвых. Почему умирает человек? — потому, что не знает братства и не умеет воскрешать мертвых. Смерть есть недостаток любви; жизнь есть любовь. Какая прекрасная связь! Как прекрасен мир в его первоосновах!

* * *

Перемещение во времени (переезд на время в прошедшее и будущее)... Как осуществить его?.. Я думаю, так. Надо научиться комбинировать атомы так, как они были скомбинированы у нас, скажем, десять лет тому назад. Если скомбинировать эти атомы таким именно образом, то мы исчезаем для глаз окружающих нас лиц и живем в прошедшем (повторяя однажды прожитое) столько времени, сколько держится данная комбинация атомов. Если же человек научится предвидеть будущее и находить атомистические формулы своих потомков, то аналогичными способами он будет мочь переноситься и в будущее.

Кто победит материю, тот победит и время, и пространство... Впрочем, к чему побеждать материю и время? Достаточно победить пространство — остальное сделает для нас сама мать-природа, — ибо, ввиду множественности миров, всегда можно найти во вселенной желательную комбинацию атомов в желательном моменте времени. Задача воскрешения предков есть задача установления сообщения с самыми отдаленными уголками звездных пространств.

* * *

Задача сообщения с звездами — задача воскрешения предков (см. предыдущие афоризмы). Как приступить к ней? — По-моему, с опытов над светом, — ибо лучи света — мост между землею и небесными пространствами. О, если бы свет оказался материей (теория Ньютона) и проводником электричества! Ведь тогда можно было бы послать телеграмму на Марс и получить оттуда ответ (я верю в обитаемость Марса)! — с этого началось бы «общее дело» Н. Ф. Федорова!

* * *

Пока не будет на земле братства, земное человечество не выйдет из пределов своей планеты, т. е. не научится воскрешать мертвых, и понятно, почему: нынешнее каинское человечество, проникнув в эту тайну, завело бы каинские свои порядки и в небесных пространствах и развратило бы миры получше паршивой нашей вертушки (мысль, прекрасно развитая Достоевским в рассказе «Сон смешного человека»)... Тайна времени и срока — и да будет она благословенна!

Кстати: о том, что Соловьев посещал Федорова, мне говорил один москвич лет 10 тому назад. Они, наверное, были лично знакомы.

С почтением: Всев. Чехихин.

А. А. ГИНКЕН — Н. П. ПЕТЕРСОНУ⁵⁰

1 декабря 1909. Санкт-Петербург

Многоуважаемый Николай Павлович!

Обращаюсь к Вам с покорнейшей просьбой, если Вас это не затруднит, переслать мне под бандеролью наложенным платежом книжку Н. Ф. Федорова «Философия общего дела».

Если книга эта не особенно дорога, прошу Вас выслать мне в двух экземплярах. Здесь нигде не мог достать. Обращался к Л. Н. Толстому и П. А. Сергиенко, который и указал на Вас.

Уважающий Вас А. Гинкен.

С. М. СЕВЕРОВ — Н. П. ПЕТЕРСОНУ

7 февраля 1910. Санкт-Петербург

<...> Кто меня огорчил несказанно, так это Вл. Ал. Кожевников. Я ошибся, назвав его Павлом! Он просто Иуда Искариот! Он был у меня и, конечно, я пристал к нему с вопросами. Когда же выйдет II-й том? и почему он все отвлекается и впадает в искушение то Буддою, то от него происходящим по прямой линии монашеством? И он мне таких вещей наговорил, что де это очень трудно, что Новоселов, Самарин находят, что учение Ник. Федор. несогласно с Православием, что он, В. А. Кожев<ников>, должен искупить свою вину перед Православием, что Булгаков, у которого умер сын⁵¹, после того как он прочитал «Философию Общего Дела», впал в отчаяние и сказал ему, Вл. Ал-чу, что учение Ник. Федор. потому противоречит Православию, что в учении Ник. Фед. ничего не гово-

рится о благодати, что он, Вл. Ал., писал Вам, прося разъяснений, и что Вы ему на это ничего не разъяснили и не указали на места, где бы говорилось о благодати⁵². Я слушал эту ерунду, прямо выпучив на него глаза! И сказал ему: «И вы мне это говорите! И вы не нашли сказать этому слизняку Булгакову? А Промысел Божий? А самое появление Ник. Федор. и его толкование разве это не есть проявление благодати?» Он смешался, но закончил разговор, что он не думает издавать II-й том и над ним не работает, будучи занят своими трудами, чтением лекций (и прочей белибердой), что самая работа над II томом столь трудна, почти невозможна, что он не уверен в том, что учение Ник. Фед. не противоречит Православию. Я замолчал, чтобы его не изругать ругательски, как моего гостя. Но подумал: Бедный старик Николай Федорович! Какого Иуду Искариота он имел в числе своих ближайших учеников! Какой удивительный тип! У него все и всегда только Том Первый! А продолжение тью-тью! «Философия чувства и веры» том I-й. Николай Федор. Федоров. Том I. «Философия общего Дела». Т. I. и нигде нет конца! Ясное дело, что он только тешит сам себя и ему главное, чтобы весь свет знал, какой он, Влад. Алекс. Кожевников, умный и ученый муж, высосавший всю книжную премудрость и поражающий всех бесконечными и бесчисленными ссылками на всевозможные сочинения на всех языках мира. А ведь, в сущности, эта страшная скорлупа только прикрывает отсутствие внутри ореха. Своего нет ничего! Всем обязан Великому! И заинтересовал собою, имея внутри мысли Великого! Компилятор, не более того! А теперь, когда он отрекся от Великого, что же осталось? Скорлупа и ореховый табачок! Свищ! и ничего более! Его «о значении христианского подвижничества»⁵³ что это такое, как не пережевывание собственной какой-то верблюжьей жвачки из четвертого желудка — опять в рот и опять жевать с глубокомысленным видом! Я написал ему кратко на открытке! Человечество давным-давно прошло уже через опыты монашества. Призывать к нему вновь, имея Великое учение, жалко в особенности тому, кто написал некогда: «Жизнь лишений, жизнь аскета, праздных битв с самим собой»⁵⁴ и т<ак> дал<ее>. Он мне ничего не ответил. Да и что он мне может сказать. Он хорошо знает, что я знаю его 40 лет, ибо мне 45, и что я за это время раскусил его настолько, что, как учитель Чичикова, могу повторить: знаю насквозь, как он сам себя не знает! Для него Ник. Федор. был только ступенькой к его собственному возвеличению. Чужою мудростью прославленный, попал в кружок Самариных и прочих крепостников и обскурантов и теперь тешит себя, читая лекции каким-то идиотам. Но полагаю, скоро его раскусят! А конечно, когда Великий умер, трудно сидеть в Львиной коже! <...>

С. Н. БУЛГАКОВ — А. С. ГЛИНКЕ⁵⁵

6 июня 1910. Кореиз

<...> Владимир Александрович приезжал ко мне однажды. Читали ли Вы его книгу о Федорове и что думаете о ней? Следует ли ее переиздать в нашей Библиотеке русских мыслителей?⁵⁶ <...>

С. М. СЕВЕРОВ — Н. П. ПЕТЕРСОНУ

14 июля 1910. Новый Петергоф

<...> Из письма Вашего усматриваю, что Вы, должно быть, не получили одного моего письма, именно того, где я писал Вам, что я брошюру «К делу умиротворения»⁵⁷ получил и передал ее художнику Алексею Яковлевичу Соколу. В настоящее время он занят в Полтаве писанием картины «Государь на Полтавских торжествах беседует с представителями народа». Брошюру он прочел и очень заинтересовался, но сказал, что сейчас, пока не окончит заказанной ему картины, ничего не может писать другого. Предлагаемый в брошюре сюжет считает настолько трудным, что пока, не думая серьезно над ним, не представляет себе, в силах ли он с ним справиться⁵⁸. <...> Владимир Александрович был у меня в Петербурге на Святой. Мы говорили опять о «философии общего дела», и он первый мне сказал, что как только окончит свой труд о буддизме, то думает заняться вторым томом. Не понимаю этого человека, то сам мне говорил, что кончить «Философию общего дела» и издать второй том нельзя, то теперь говорит, что думает об его окончании. <...>

Н. П. ПЕТЕРСОН — Л. Н. ТОЛСТОМУ⁵⁹

24 сентября. 1910. Верный

Глубокоуважаемый
Лев Николаевич!

Еще раз решаюсь послать Вам статью мою «*Единение людей может ли быть целью жизни человеческой*», написанную по поводу Вашего письма к славянскому съезду в Софии и отзыва об этом письме Меньшикова⁶⁰. Мне хотелось бы, чтобы Вы увидели, как я бываю счастлив, когда могу в чем-либо согласиться с Вами, и как мне тяжело, как мне больно и обидно — обидно за Вас самих, — когда я вынужден бываю писать то, что Вы просите не писать Вам. Во всяком случае около Вас немного таких, которые любили бы Вас так искренно, как люблю Вас я. Вместе с статьею по пово-

ду Вашего письма посылаю (заказным бандерольным отправлением) две статьи мои по поводу книги Родионова «*Наше преступление*»⁶¹, так прославленной Меньшиковым... Очень бы рад был, если бы Вы прочитали и эти статьи. Покорнейше прошу засвидетельствовать мое глубокое почтение Софье Андреевне и всем Вашим. У нас в Верном пасынок Вашей старшей дочери Татьяны Львовны, но я никогда его не видал, потому что в так называемом обществе, в клубах и спектаклях (театров у нас нет) не бываю.

Душевно Вам преданный

Н. Петерсон.

24 сентября

1910 года

г. Верный, Семиреченской области.

Л. Н. ТОЛСТОЙ — Н. П. ПЕТЕРСОНУ

5 октября 1910. Ясная Поляна⁶²

Ясная Поляна, 5 окт. 10 г.

Получил Ваше письмо, милый Николай Павлович, и узнал в нем Вас и все то, что я люблю в Вас и что истинно достойно любви ото всех. Статьи Ваши прочел и со многим согласился, с основным же мыслью Вашей (о спасении, спасении в том смысле, как Вы его понимаете), как всегда, к сожалению, не могу согласиться — ни с Вами, ни с дорогою для меня памятью Николая Федоровича. Вы находите, что мысль моя о том, что избавление, освобождение от зла есть та религиозная основа жизни, которая соединяет и может соединить людей, несправедлива, что эта основа недостаточна. Основа эта ведь есть не что иное, как любовь, то самое чувство, которое свойственно всем людям, как каждый это сознает в себе и как это мы яснее всего видим на детях.

Любовь есть Бог, Бог есть любовь, как выражает это апостол Иоанн⁶³ и как мы все — я, по крайней мере, — вполне сознаем. И потому, с моей точки зрения, вся деятельность наша, преимущественно усилия неделания, должна быть направлена на соединение всех, которое составляет сущность и цель любви. Достигается же эта цель очень определенной деятельностью, деятельностью воздержания себя и исправления себя от всех тех грехов, соблазнов и суеверий — блуда, корыстолюбия, недоброжелательства, гордости, тщеславия, мстительности, ложных церковных [и] научных учений, — которые препятствуют достижению цели любви — единения.

Вот все, что я хотел сказать Вам. Не помню, когда и о чем я просил Вас не писать мне⁶⁴. Мне даже очень совестно, если я ког-

да-нибудь просил Вас об этом. Пожалуйста, пишите мне обо всем, что вам близко к сердцу и в особенности о том, в чем Вы не согласны со мной и критикуете меня. Это всегда, в особенности от таких искренних людей, как Вы, полезно, а потому и приятно. Книги Николая Федоровича у меня нет, и поэтому, пожалуйста, пришлите мне ее. Непременно внимательно перечту ее.

Прощайте!

Искренно любящий Вас

Лев Толстой.

ВС. АНИЧКОВ — Н. П. ПЕТЕРСОНУ⁶⁵

8 декабря 1910. Санкт-Петербург

Глубокоуважаемый Николай Павлович!

Вы, наверное, совсем уже отчаялись получить от меня письмо. Очень извиняюсь, что так долго не писал, но совсем у меня не было времени «переварить» возникшие в Верном под Вашим влиянием мысли. Да и теперь я еще далеко не дочитал до конца «Философию Общего Дела», читать ее уж очень трудно, да и времени свободного мало, но все-таки во время досугов я берусь за нее и читаю с все возрастающим интересом. Эта книга как раз разрешает один из т<ак> наз<ываемых> «проклятых вопросов» — о смысле жизни.

Впервые мне над этим вопросом пришлось задуматься около года тому назад, по поводу самоубийства одного товарища. Он отравился без всяких внешних на то причин: в жизни ему «везло», в Университете хорошо учился и вдруг выпил цианистого кали<я>. Самоубийство это подействовало на всех окружающих, в том числе и меня, прямо ошеломляюще. Действительно: зачем жить, подвергать себя всевозможным страданиям и беспокойствам, если так просто и легко покончить с жизнью. Разве эти страдания и беспокойства окупаются счастьем? Нет, ибо оно преходяще. Тогда я для решения всех этих вопросов выдумал себе теорию, что жизнь моя принадлежит не мне, а человечеству. Я буду удовлетворен, если моя жизнь и деятельность будут составляющей, хотя бы ничтожно малой, одной из составляющих сил, из которых получается равнодействующая, двигающая человечество вперед.

Вперед, но куда? Каков истинный прогресс (движение вперед)? Этих вопросов я разрешить не мог, и т. д. значение всех моих рассуждений приводилось к нулю. Все эти вопросы разрешились или, вернее, находятся в процессе разрешения «Фил<ософи>ей Общ<его> Д<ела>».

Человечество должно двигаться по пути объединения в одно общество, устроенное не на каких-либо олигархических или анархических принципах, а на принципе родственности по образу Троицы, нераздельной, но и неслиянной. Общим делом этой единой семьи должно быть установление господства человеческого разума над слепыми силами природы.

Пока только до сих пор я могу принять учение Н. Ф. Федорова. Воскрешение для меня еще не совсем понятно, это для меня еще — утопия, и только.

Затем я человек не религиозный; я религией мало интересуюсь, ибо смотрел на нее всегда с точки зрения метафизической. Пока я еще не выработал себе взгляда на моральную сторону религии. А по Н. Ф., как я понимаю, религия является скорее моральной системой (догмат — заповедь).

Я думаю, что все это и еще многое другое станет мне ясным при дальнейшем чтении «Фил<ософии> Общ<его> Д<ела>». Надеюсь, что Вы мне разрешите и впредь иногда писать Вам об этих вопросах. Извините, что пишу без плана и стиля: пишу, как могу. Покамест хотел бы Вам сказать несколько слов вот по поводу чего: мне все кажется, что Вы одобряете современный административный строй и думаете, что «власть имущие» не могут и не хотят вредить общему делу и что, наоборот, ученое сословие является его врагом. Я с этим не согласен; приведу пример: в Одессе жил проф. А. В. Класковский, метеоролог (Вы о нем слышали, наверное). Он, между прочим, организовал целую сеть сельских метеорологических станций и положил начало целой науке «сельскохозяйственной метеорологии». Ведь это как раз может служить началом общего дела! А градоначальник Толмачев, боясь, что он будет препятствовать «истинно русскому» Левашову попасть в ректоры, выслал его из Одессы, и т<аким> о<образом> оторвал его от любимого дела. И таких примеров можно много найти! <...>

ВС. АНИЧКОВ — Н. П. ПЕТЕРСОНУ

11 января 1911. Санкт-Петербург

<...> Все-таки я люблю Толстого, даже считаю его великим: великим писателем. Кажется, мы с Вами в этом не сходимся. Насколько я Вас понимаю, Вы не признаете наших писателей «великими писателями земли русской» оттого, что они лишь копаются в грязи нашей действительности, а не дают ни одного светлого типа, не говорят нам, что делать. Мне кажется, что последней цели удовлетворяют скорее всего сочинения вроде «Фил<ософии> Общ<его> Д<ела>», и прежде всего сама эта книга, а возьмите, напр<имер>, «Войну и Мир». Какая там масса образов и не все ведь отрицательные!

Это и есть, по-моему, изучение человеческой природы, которую нужно направить на добро, это есть даже воскрешение, мысленное, конечно. Ведь это подходит под цель искусства, даваемую Ник. Фед-чем, если не ошибаюсь. Вот еще об воскрешении в искусстве: слова человека вполне современного, даже, пожалуй, западника, художника Ал. Бенуа. В своей рецензии о постановке «Бориса Годунова» он пишет, что игра артистов в этой опере воскрешает наших предков, и притом не русских определенной эпохи, а русских всех вообще. Воскрешение в таком смысле, культ предков я понимаю, и не только понимаю, но считаю необходимым (в этом меня убедило чтение книги Ник. Фед-ча), в реальном же смысле все-таки как-то просто не могу представить. С мыслью же о долге отцам и об уплате этого долга воскрешением тоже вполне согласен, но думаю так, что уплата эта может быть произведена победою над смертью и культом предков как символом воскрешения (сюда же и история и искусство). О воскрешении я не понимаю одного места из Ник. Фед-ча на стр. 112 «Фил<ософии> Общ<его> Д<ела>». Там сказано: «Те, которые считают общее дело воскрешения фантастическим, не могут говорить о победе над язычеством». Мне кажется, что для этого вполне достаточно регуляции, как это сказано там же, несколькими строками выше: «Регуляция есть истинное, а не мнимое только торжество над языческими богами» и т. д. <...>

Я читал в «Фил<ософии> Общ<его> Д<ела>» статью о библиографии⁶⁶, и она мне очень понравилась. Особенно мне понравилась мысль о том, что студенты должны работать самостоятельно под руководством профессоров. Но мне кажется, что энциклопедия тоже имеет значение. Чтобы разобраться в библиографии данной отрасли знания, надо быть хотя бы энциклопедически-поверхностно знакомым с ее основами. Современная педагогическая литература уже в значительной степени идет по такому пути. Напр<имер>, курс физики Хвольсона⁶⁷. Одно из главных его преимуществ — богатейшие литературные указания (расположены в хронологическом порядке). Это как бы соединение энциклопедии с библиографией.

Я вполне с Вами согласен, глубокоуважаемый Николай Павлович, что между нами устраняются все разногласия. Я прямо поражен величию основной идеи Ник. Фед-ча — идеи Общего Дела. Это единственное, что может дать смысл жизни. В этом смысле я даже говорил уже в одном кружке. Но меня, по-видимому, плохо поняли, т<ак> к<ак> я очень горячился. Я думаю изложить письменно кое-какие мысли и прочесть там. Я думаю говорить об общем деле спасения от зла (голода, болезней и смерти) как смысле жизни, о свободе и долге и о преимуществе жизни над смертью (это оттого, что весь вопрос возник из-за самоубийств). <...>

А. П. БАРСУКОВ — Н. П. ПЕТЕРСОНУ⁶⁸

25 января 1911. Санкт-Петербург

Милостивый Государь

Николай Павлович!

Покорнейше благодарю Вас за присылку книги «Философия Общего Дела» (Т. I-й) с помещенными в ней произведениями незабвенного Николая Федоровича. Я счастлив, что мне удалось в жизни встретиться с этим необыкновенным человеком и пользоваться его лаской.

Прошу Вас принять высылаемую с этою же почтою, заказною бандеролью, последнюю (посмертную) книгу моего брата «Жизнь и Труды М. П. Погодина»⁶⁹.

Примите уверение в моем совершенном почтении и готовности к услугам

А. Барсуков.

С-Петербург. 25 января 1911 г.

С. М. СЕВЕРОВ — Н. П. ПЕТЕРСОНУ

13—21 февраля 1911. Санкт-Петербург

<...> Написав Вам, что в армии идет большая работа и многое проведено в жизнь, я имел в виду то, что видел и слышал лично и как член Общества ревнителей военных знаний. Например: мне как бывшему гренадеру Московского полка, было весьма приятно видеть на полигоне офицерской стрелковой школы совершенно новые способы стрельбы, там разработанные и преподаваемые всем капитанам Русской армии. Способы, дающие возможность теперь стрелять и попадать так, как в мое время мы не только не умели и не могли, но даже и не мечтали ни о чем подобном. Новые изобретения в области радиотелеграфирования применительно к подводной и воздушной минной атаке и обороне и беспроводному телефонированию, фотографические и кинематографические снимки местности во время полета с летящего аэроплана, прибор ротмистра Скалона для дневной и ночной стрельбы без промаха, это удивительнейшее изобретение русского офицера, и масса других интересных новостей военного дела, новые способы воспитания солдата, с ведением показательных культур земли и злаков по способу Демчинского⁷⁰ и других, все это дает право сказать, что армия не стоит на мертвой точке, а в ней идет, хоть часто и невидная, но кипучая работа. Недавно я был в Обществе ревнит<елей> на сообщении сенатора, инженера генерал-лейтенанта фон-Вендриха «Колониальная политика “Тунис”». Между прочим, он рассказал нам об искусственном производстве дождя в Тунисе вблизи озер Шотт

при помощи Тур плювижэн-инженера М. Дэссолье (см. «Франс Колониал»). Это — башни от 20 до 300 метров, конической формы со спиральными трубами, идущими с поверхности воды кверху, для сбора паров, обращающихся в тучи (см. «Ж<урналь> дэ Деба» № 11 — 1911 г.). Я невольно подумал при этом: вот бы кому сообщить о способе Каразина — это инженеру М. Дэссолье в Тунис. Этот наверно бы попробовал осуществить способ, осмеянный Аракчеевым⁷¹ столь прочно, что до сих пор не нашлось в России людей, дабы его испробовать.

Тут-то Вы, дорогой Николай Павлович, и напророчили себе землетрясенице, написав мне: «чтобы расшевелить современное человечество, нужны бедствия и не такие, как Сицилийское землетрясение». Написали Вы мне это 15 декабря, а в скорости Вас и потрянуло. Я получил Ваше письмо, когда из телеграмм в газетах стало уже известно о землетрясении в Верном⁷². И я позволю себе опять с Вами не согласиться на основании исторического опыта человечества. По-моему, никакие бедствия, ни даже сама смерть не в силах образумить человечество. Ведь до сих пор все люди умирали, все настолько к этому привыкли, что даже самая мысль о бессмертии здесь на земле и о возможности всеобщего последовательного воскрешения кажется людям, впервые с подобными мыслями сталкивающимся, безумием. Точно так же человечество уже видело на своем веку такие катастрофы, как Всемирный потоп, гибель Лемурии и Атлантиды, такие землетрясения, как погубившие древнейшие цивилизации Крита, Ниневии, Вавилона, такие извержения, как Кракатоа, моментальную гибель сорока тысяч людей в Лиссабоне, и что же — как с гуся вода. По-моему, все эти побуждения, как уже испытанные, недействительны. Надо пробовать другие. Надо путем последовательного воспитания поколений внедрить в умы и головы людей эти идеи, возможности бессмертия здесь на земле и возможности и долга воскрешения всех прежде умерших. Надо добиваться, чтобы хотя эта идея перестала людям казаться неисполнимой, чтобы человечество пожелало взяться за осуществление оных. Сказало бы сознательно: «А ведь можно и не умирать! А ведь можно и вернуть жизнь умершим, начав от последних до первых и постепенно усиливаясь с присоединением каждого воскрешенного поколения». Решаюсь здесь познакомить Вас с моей попыткой объяснения одной Евангельской притчи, которая меня смолodu еще смущала и все объяснения которой моим отцом, законоучителями и даже самим Великим в его книге «Философия общего дела» меня не удовлетворяли, не снимали, по-моему, с «Хозяина дома» Христовой притчи возможности обвинения Его (да простит мне Господь) в самодурстве. Вы уже догадались, конечно, о какой притче я говорю⁷³. Я долго над ней думал, и вот что занесено в моей записной книге: «9 янва-

ря 1910 года. От Матфея глава 20 ст. 1—16. Вчера после утренней молитвы я прочел эту главу и мне кажется, что стихи от 1 до 16 включительно ясно подтверждают правильность толкования Николаем Федоровичем учения о воскрешении как деле, предназначенном Богом людям. И когда последние смертные люди, исполнив великий завет Бога, станут первыми бессмертными людьми, а первые смертные люди, общими усилиями и трудами, Промыслом Бога направляемым, станут последними бессмертными (будучи воскрешены, начав от последних до первых), то не ясно ли, что первые по жизни, ставшие бессмертными последними, не могут претендовать и обижаться на позванных к исполнению общего дела последними и ставших первыми вошедшими в бессмертие, в Царство Небесное. И безусловно прав и справедлив Хозяин дома, который вышел рано по утру нанять работников в виноградник Свой и, договорившись с работниками по динарию на день, рассчитавший всех по динарию, ибо динарий и есть — бессмертие — плата — приз — общего дела, указанного Богом всем людям. Дорогой Николай Павлович: может быть, это мое мудрование и ошибочно, пока я читал его только одному Владимиру Александровичу в бытность его у меня в прошлом январе, и он сказал, что можно и так мыслить, но мне было бы очень интересно знать мнение Ваше и мнение хотя бы одного какого-либо духовного лица из числа Вами уважаемых. У меня нет здесь таких знакомых духовных лиц, ибо неперемное условие [получения этого мнения] — их знакомство с «Философией Общего Дела», а у Вас в Верном наверно большинство знакомо с ней. Относительно общины я должен сказать, что я читал все, что написано в «Философии Общего Дела», но остаюсь при своем мнении. Сказано в Писании: по плодам их узнаете их. Либо эта община не та, каковой должна была бы быть, а Вы и Николай Федорович говорите об общине идеальной идеальных людей, просвещенных истинным светом знания и сознательно стремящихся к указанной Богом Цели, но ведь таковой общины пока еще не существовало в действительности, это пока еще идея, либо эта община уже показала себя в истории и ни к чему кроме одичания людей не привела. В таком случае надо попытаться устроить ее по новому плану, плану П. А. Столыпина, путем создания отдельных культурных семей, ячеек, и затем уже их объединения в одной общей цели. Про помочи и толоки я тоже читал⁷⁴, но мне странно, что и Николай Федорович, и Вы, нападая на города и горожан, как бы забываете, что обыденные храмы на Руси именно в городах и горожанами строились, а не в деревнях и селах, да и не могли строиться по самой простой причине, по недостатку в них людей и рук для однодневной постройки храма, а если, может быть, и строили часовенки, то, конечно, брали пример с горожан и города, а не наоборот. В летописях, естественно, упоминается

о постройках обыденных храмов в Москве, в Новгороде, в Вологде, а о деревнях не приходилось читать. <...> Общины крестьянские я видел в Тамбовской губернии, Козловском и в Липецком уездах и затем в Можайском Московской. Не знаю, что хуже. Это такое безобразие, что всего переворачивает при одном воспоминании. И разве эти дикари, продукт общинного быта, способны к восприятию великих идей? Чтобы пожелать вечной жизни, надо иметь представление о хорошей жизни, а тут старики и старухи молятся Богу о ниспослании им смерти как милости. Очень часто приходилось слышать: «Хоть бы Господь скорее прибрал». Общая старческая молитва общинников. И этим людям начать говорить о воскрешении отцов, сочтут за издевательство. А вот если перевести, что необходимо, Философию Общего Дела на английский и немецкий языки, то уверяю Вас, что там, в Англии, Америке и Германии найдется среди земледельцев неизмеримо больше людей, которые поймут и примут учение Великого, и им стремление воскресить предков будет доступно и не покажется издевательством. Нашим же общинникам единственная отрада — в учении о Страшном Суде как единственном возможном удовлетворении их чувств поруганной на земле справедливости и мстительности, и надежде на рай, откуда они с лона (непрерменно с лона) Авраама будут, как бедный Лазарь, взирать на муки в аду богатых, притеснителей и грешников. А сверху все это припечатывается текстом утешающим: «Мне отмщение и Аз воздам»⁷⁵. А посему перефразируя Вас, я скажу: чтобы сохранить и развить все доброе, что заключается в человеческой душе, нужна культура и земли, и условий окружающей жизни, и самой души, и тогда только можно возвыситься до такой сознательности, на которую поднимает учение Великого. А для диких общинников оно — бисер перед свиньями. <...>

Я очень заинтересован Вашей идеей об издании Алфавитного указателя. Это превосходная мысль. Это необходимо сделать. Необходимо также перевести первый том на английский и немецкий языки и издать второй том творений Великого, обеспечив его от возможной гибели в рукописном виде, от пожара ли в деревянной квартире Владимира Александровича, или Вашей от землетрясения. К сожалению, Владимир Александрович, который мог бы чудесно перевести на английский, а уж на немецкий тем более, не находит нужным этим заняться, а предпочитает пожинать лавры, читая какие-то лекции семинаристам по буддизму или занимаясь перепечаткой вторым изданием своей брошюры «Исповедь атеиста» ле-Дантека, которую он мне опять вчера прислал⁷⁶. Конечно, это ему легче, чем издать 2-й том Великого. Скорблю, что не имею возможности оказать этому необходимейшему, по-моему, делу издания и переводу 1-го и 2-го томов самой примитивной поддержки,

то есть денежной. Заметки в «Новом Времени» читал и возмущен был до глубины души⁷⁷. И так же как и Вы, ждал опровержений и разъяснений Владимира Александровича, но увы, не дождался. А по-моему, это был его долг перед священной памятью Великого. <...>

М. Н. ПЕТЕРСОН — Н. П. ПЕТЕРСОНУ

13 апреля 1911. Москва

<...> На третий день, по традиции, я пошел к Кожевникову. Он мне, между прочим, сказал, что книгоиздательство, кажется, «Путь», задумало выпустить в свет серию русских мыслителей и признало, что без Николая Федоровича эта серия была бы не полна. О Н. Ф. берется писать Бердяев⁷⁸. О том, какие при этом возникают затруднения и опасения, скажу лучше при свидании.

Недавно в «Русск<их> Вед<омостях>» появилась заметка, что вышел новый выпуск журнала «Библиотекарь», в котором «литературная справка г. Гинкена о покойном библиотекаре Румянцевского Музея Н. Ф. Федорове дает полную характеристику этого библиотекаря-идеалиста»⁷⁹. До Москвы этот журнал еще не дошел; как появится, непременно куплю и привезу. <...>

К. П. АФОНИН — Н. П. ПЕТЕРСОНУ⁸⁰

27 апреля 1911. Воронеж

Дорогой Николай Павлович!

Посылаю Вам «изображение» незабвенного учителя и утешителя Ник. Фед. Федорова⁸¹.

История этого изображения такова. В конце марта месяца я прочитал в «Рус<ских> Ведом<остях>» объявление о содержании 1 кн. за 1911 г. журнала «Библиотекарь». Между прочим, в этом объявлении говорилось, что в книге имеется портрет Н. Ф. и статья о нем.

Известию этому я сильно обрадовался, так как не имел никакого изображения Н. Ф. и не знал даже, что оно существует. Немедленно написал в редакцию письмо о высылке книги. Получив книгу, пошел к Сергею Никаноровичу Прядкину поделиться своею радостью.

Он предложил мне снять у фотографа несколько копий для Вас, для Владимира Алекс<андровича> Кожевникова и для нас с ним. Мне ничего не оставалось, как задушевно поблагодарить С. Н.

«Портрет», к сожалению, мало похож на Н. Ф. той поры, когда я знал его, в 1899 и 1900 гг. Тем не менее он для меня дорог.

Сергей Никанор<ович> вот уже больше года плохо себя чувствует, сильно ослаблен, а работы у него много, и он напрягает последние силы. А работать надо: четверо детей, из коих двое слишком много причиняют ему горя [и] страданий...

Он убедительнейше просит вас выслать ему: 1) 2-й том трудов Н. Ф. 2) Ваши статьи о Никол. Фед. Исполнением просьбы прервного его обяжете.

Здоровье мое — слава Богу: никто не верит, что мне 45-й год. Не унывал, не унываю и унывать не собираюсь.

Дела же мои денежные — в<есьма> плачевны. Заработок (35 р.) — нищенский.

Но и это пустяки. Плохо одно: становлюсь временами злым. Уверен, что без встречи, благодаря Вам, с Н. Фед., я давно превратился бы в полузверя.

Для меня Н. Ф. такая величина, которую никакая другая не затмит. Это я записал в одиночке в апреле и мае 1906 г.

Не откажите в сообщении нам с Серг. Никанор. о происхождении изображения Н. Ф. (написанного худ<ожником> Пастернаком), копию с которого Вам посылаем.

Ведь Н. Ф. никак не соглашался оставить своего изображения, отказал даже Н. Н. Ге в просьбе написать с него портрет.

Привет Юлии Владимировне и деткам.

Мы все живы и здоровы.

Ваш К. Афонин.

Адрес: Сергея Никанор.: г. Воронеж, Халютинская, собств. дом. Мой: Средне-Смоленская ул., д. № 15.

Р. С. Был у Вашего племянника А. Гр. Петерсона. Принял очень любезно. Собираюсь к нему пойти еще. Может, ему что-нибудь и удастся сделать для меня.

К. А.

И. И. АЛЕКСЕЕВ — Н. П. ПЕТЕРСОНУ⁸²

3 мая 1911. Богородск

Богородск Московской губ.*
Земская больница

Многоуважаемый Николай Павлович!

Простите, что пишу Вам, не будучи лично знаком, но к этому меня побуждает одна хорошая мысль, которая, мне кажется, Вам будет приятна... Я пишу к Вам как к человеку, близко знавшему

* Пишите мне по этому адресу.

Николая Федоровича Федорова, о котором Вы вскользь упоминаете в своих воспоминаниях «бывшего учителя», помещенных в «Толстовском Альманахе», изданном Сергеенко⁸³.

Я давно уже слышал о замечательной личности, какую из себя представлял Ник. Фед., но эти сведения больше были отрывистого характера. Ваши воспоминания дали кое-что, но все же так мало, что хотелось бы больше и подробнее знать о нем. Я обращался к некоторым письменно, но никто не мог мне сообщить о нем ничего определенного. В «Энциклопедическом Словаре» о нем ни слова. Тогда я обратился к Петру Алексеевичу Сергеенко с просьбою поделиться со мною сведениями о Федорове, но он мне пишет, что сам ничего не может сообщить, но просит написать Вам, замечая, что Вы с удовольствием дадите мне сведения о Ник. Фед. и поделитесь своими воспоминаниями о нем. Вот почему я пишу Вам как другу замечательного человека, которого так мало, к сожалению, у нас знают, но кого забыть было бы просто преступлением для русского общества. Желание знать о Ник. Фед. продиктовано не простым любопытством. — В наше время, тусклое и бесцельное, так мало тех ярких светочей, на которых с удовольствием сосредоточил бы свое внимание. Общество живет одним только днем, злободневными, мелькающими, как в синемаатографе, впечатлениями, и дальше своей улитки не хочет взглянуть, а тем более вспомнить тех людей, что составляли бы в другой стране предмет если не преклонения, то добросовестного, по крайней мере, изучения, не давшего бы исчезнуть в памяти людей образу такого человека. *Ник. Фед.* — та яркая звездочка на темном фоне современности, на которой отдыхает глаз, утомленный и политической, и злобою, и всем тем, чем живет современный интеллигент. Кроме того, я сам уроженец г. Богородска Моск<овской> губ<ернии>, где прожил Ник. Фед. некоторое время⁸⁴. Так что Богородск с его серенькою провинциальною, лишенною ярких красок жизнью должен не только *знать* о нем, но *гордиться* им как человеком, когда-то жившим в нем. Но, конечно, ни второго, ни первого на самом деле нет, ибо никто не знает о нем. И было бы так хорошо напомнить хотя бы жителям провинциального городка о том, что среди той же серости, «провинции» жил человек, который стремился к правде, красоте, к Богу. Такие напоминания нужны, *необходимы*. Они заставляют оглянуться на себя, немножко «почиститься» и отбросить формулу «что так жи<вут> и жили все». — Нет, не все. А вот среди той же обстановки жил человек, который стоял выше ее и не признавал этой формулы.

Я мог бы попросить своих знакомых порыться в архивах училища, где, м<ожет> б<ыть>, что-нибудь есть относящееся ко времени жизни в Богородске. У нас в Богородске издается маленькая газетка, и вот в ней можно было бы что-нибудь написать о Ник.

Фед. и так<им> образом напомнить о нем и восстановить чистый образ светлой личности, так несправедливо забытой. — Если Вы, уважаемый Николай Павлович, сочувствуете моей идее, я горячо прошу отозваться на мое письмо. Я просил бы Вас сообщить, сколько для Вас можно и необременительно, обо всем, что касается личности Ник. Ф., в чем бы это все ни выразалось (в своих личных воспоминаниях, воспоминаниях других лиц и т. д.). Прошу Вас помимо личных воспоминаний указать и печатные источники, из которых также можно было бы что-нибудь узнать.

Желательно иметь больше сведений, касающихся жизни Ник. Фед. в Богородске, но и все остальное так важно и необходимо. Повторяю, все это нужно не для личного самоудовлетворения (конечно, я не скрою, как мне самому хочется узнать о Федорове), вышеприведенные строки, думаю, пояснили, хоть и не совсем ясно, мою мысль.

Конечно, было бы чудесно, если бы Вы сами составили маленькую статейку. Но я не смею Вас просить об этом. Присылайте самый черновой материал, и я использую его с большою благодарностью. Как жаль, что нас отделяет такое громадное расстояние, иначе можно было бы переговорить обо всем лично.

Где можно было бы видеть портрет Ник. Фед.? Нет ли у Вас каких-нибудь снимков? Не поделитесь ли Вы копиями некоторых писем его к Вам?

Пока письмо заканчиваю.

Думаю, что откликнетесь на мою просьбу и сообщите просимые мною сведения. — Если же все-таки по какой-нибудь причине Вы не могли бы или не желали сообщить мне то, что я прошу, я все-таки прошу Вас не отказать известить меня об Вашем отказе, чтобы мне не беспокоиться неполучением Вами моего письма.

Пока всего наилучшего.

Шлю Вам сердечный привет и *с нетерпением жду от Вас ответа*.

Уважающий Вас

Иван Иванович Алексеев.

Москва, 3 мая 1911. *Петр Алексеевич Сер<геен>ко просит меня передать Вам его любовь*, что я с удовольствием и исполняю.

Я писал Вам все о Богородске, но, конечно, знать о Ник. Фед. должны и за пределами этого городка.

Все почтовые расходы оплачу с первого почтою и в этом прошу не беспокоиться.

С удовольствием сообщу Вам все, что могло бы интересовать Вас, о Богородске, где Вы когда-то жили⁸⁵, так и вообще, оказать Вам какую-либо услугу, в чем бы она не выражалась.

И. И. АЛЕКСЕЕВ — Н. П. ПЕТЕРСОНУ

1 июня 1911. Богородск

Глубокоуважаемый Николай Павлович!

Получил Вашу открытку и через некоторое время книгу Федорова — «Философия Общего Дела». — Если бы Вы знали, как я благодарен Вам за нее. Надо Вам сказать, что я после посылки письма к Вам был у Вл. Ал. Кожевникова (до сего времени незнакомого), где и получил некоторые сведения о Ник. Фед. Вл. Ал. был так любезен, что дал мне изданную им книгу о Ник. Фед., служащую как бы введением к присланной Вами «Философии Общего Дела». Я первую внимательно всю прочел и такой рой мыслей она подняла во мне, что трудно сказать, что больше всего меня поразило в мировоззрении Ник. Фед.

Скажу только, что редкая книга заставляла так много раздумывать и размышлять о прочитанном. Так дорого и ценно то, что всюду, во всех, очевидно, статьях Н. Ф-ч упирает на *действие*. Этот призыв к *делу*, действию так нужен сейчас, когда общество наше русское, разочарованное неосуществившимися надеждами, впало в какое-то оцепенение, буддийское созерцание, фатализм, положение «на все наплевать». И поэтому так нужно, чтобы мысли незабвенного философа-праведника стали общедоступными, общеизвестными... Я слышал от Вл. Ал. Кожевникова, что Бердяев предполагает писать его биографию осенью... Это так нужно. Еще более нужно собрать том воспоминаний о нем, чтобы со смертью немногих оставшихся в живых близких ему людей не ушло в могилу все то, что придает личности покойного такой светлый ореол праведности.

Меня поразило и привлек взгляд на регуляцию природы, на задачи воспитания и взаимоотношения педагогов и учеников. Взгляд на воинскую повинность, долженствующий перевернуть все вверх дном, прямо поразителен. Вот разрешение вопроса войны и мира. Вот что нужно было положить во главу проповеди образовавшихся недавно в Москве и С<анкт>-П<етер>б<урге> обществ мира, призывающих к разоружению.

А новое освещение вопроса о *гуманизме*, о прогрессе, о формуле Сократа «познай самого себя», о нравственной обязанности всех образованных делиться обязательно своими знаниями с малообразованными не в виде подачек каких-то, что происходит в наших воскресных школах, а путем всеобщей учебной повинности, вроде воинской.

Теперь я, узнав квинтэссенцию учения Н. Ф-ча, начал читать присланную книгу «Философия Общего Дела» и думаю прочесть ее летом... Мне бы очень хотелось иметь еще 1 экз. этой книги и книги, изданной Кожевниковым, для того чтобы передать их

в местную городскую библиотеку. Надо обязательно, чтобы местные жители заинтересовались личностью Федорова.

С грустью должен сообщить, что Ваш поклон бывшему ученику Н. Ф-ча мною передан быть не может: В. И. Елагин года 3 тому назад застрелился. Его брат Н. И., упоминаемый Вами, также умер, но я не теряю надежды отыскать лиц, знавших Н. Ф-ча. Завтра иду в училище осматривать архив: м<ожет> б<ыть>, там хоть что-нибудь найду.

Одно, знаете, меня не удовлетворяет в учении Н. Ф-ча: это о воскрешении предков. Вернее, не самое учение о этом, которому я сочувствую и верю в него. Но я никогда не мог понять (из книги Кожевникова), как, какими путями *само человечество* (не Бог) может воскресить своих предков буквально, реально, как об этом говорится, напр<имер>, в Евангелии. Какими мерами этого достигнуть. Этих «практических» (грубо выражаясь) приемов и доказательств верности их я не мог найти у Кожев<никова>. Мож<ет> быть, найду их в «Фил<ософии> Об<щего> Дела». Также почему так мало [внимания] Н. Ф. уделяет вопросам *пола*, этому, как-никак, могучему источнику жизни, правильного регулирования он ждет давно... М<ожет> б<ыть>, об этом есть в других еще не напечатанных статьях?

С интересом прочел Ваши брошюры о книге Родионова: «Наше преступление» и письмо к Вам Толстого⁸⁶. Думаю книгу Р<одионова> приобрести и прочесть ее... Нельзя ли как-нибудь добыть портрет Н. Ф-ча и где это можно сделать? *Нельзя ли у Вас?* Пока больше ничего не пишу. Спешу отослать это письмо. Уважающий Вас И. Алексеев.

1 июня 1911.

И. И. АЛЕКСЕЕВ — Н. П. ПЕТЕРСОНУ

20 сентября 1911. Москва

Многоуважаемый Николай Павлович!

Не знаю, получили ли Вы от меня письмо, которое я Вам послал минувшим летом, по крайней мере, я не получал на него до сих пор ответа.

Я опять прошу, как и тогда, о высылке для библиотеки города Богородска сочинений Ник. Фед. Федорова. Вышел ли II-й и следующие томы его сочинений? Также вышел ли Ваш сборник, посвященный Федорову⁸⁷, о котором Вы мне сообщали в одном из писем? Было бы очень интересно его прочесть.

Недавно мне пришлось видеть портрет-набросок Федорова, приложенный к статье: «Идеальный библиотекарь» в журнале «Библиотекарь» за 1911 год № 1. Я слышал, что с Ник. Фед. была сня-

та посмертная маска. Интересно, где она сейчас хранится? И есть ли с нее снимки фотографические? Я слышал, что художник Пастернак имеет в виду в скором времени приступить к портрету Ник. Фед. — масляными красками⁸⁸.

Недавно я просмотрел архив Богородицкого Училища за 1863 и 1864 годы, но ничего особенно интересного там не нашел... Вы просили сообщить год рождения Н. Ф.-ча. В 1863 году, как говорится в формуляре, Н. Ф-чу было 35 лет, следовательно он родился в 1828 году. Встречал среди бумаг и ваши подписи...

Я часто думаю теперь, что так нужна биография Ник. Ф-ча, написанная простым ясным языком, биография не философа и мыслителя, а просто человека. Философов и мыслителей у нас много, а людей, как ни странно, так мало. Такие книги имеют и будут иметь громадное воспитывающее влияние.

Вот бы Вы взялись за это дело, по образцу биографии доктора Гааза, написанной *Кони*⁸⁹, которая, конечно, Вам известна.

Вообще, мне кажется, и у Гааза и у Ник. Ф-ча много общих черт, заставляющих с особою любовью и теплотой останавливаться на светлом имени Ник. Ф-ча.

Книгу сочинений I том все еще не прочел, но читаю в свободное время понемногу и удивляюсь его мысли... Недавно еще проф. Булгаков в вышедшем II томе своих сочинений поместил статью о Ник. Ф-че под заглавием: «Загадочный мыслитель», с краткими выдержками из его сочинений⁹⁰.

Вообще, начинают мало-помалу интересоваться именем Н. Ф-ча в нашем обществе.

Мне все вот хочется, чтобы в г. Богородске заинтересовались памятью Ф-ва.

Недавно я, единственно с этою целью, написал маленькую статью о Федорове и поместил в издающуюся в г. Богородске газету под заглавием «Светлой памяти философа-праведника»...⁹¹ Хорошо если бы Вы хоть что-нибудь написали для этой газетки и тем напомнили обществу о когда-то жившем замечательном человеке...

Да, я, кажется, Вам не говорил в письме, что я студент-техник... М<ожет> б<ыть>, Вы думали, что я уже пожилой человек... Думаю, что наши письменные сношения останутся по-прежнему такими же хорошими...

Повторяю, что чем больше знакомлюсь с жившим когда-то Н. Ф-чем, тем все больше удивляюсь, как о нем мало и почти никто не знает... Это м<ожет> должно быть только в России...

Пока всего наилучшего.

Жду вашего письма.

И. И. Алексеев.

1911, 20 сентября.

В книге Кожевникова говорится, что Н. Ф-ч, будучи в Рум<янецвской> б<ibliote>ке, привлек к работе одного японца. Вы не помните, кто это? Не *Кониси* ему фамилия? С этим японцем — переводчиком на русский сочинений Лаотзы я немного знаком⁹². Теперь его в Москве нет...

И. И. АЛЕКСЕЕВ — Н. П. ПЕТЕРСОНУ

5 декабря 1911. Москва

Москва, Покровская ул., Рыкунов пер., д. 59/23

Многоуважаемый Николай Павлович!

Ваше письмо от 11 ноября я получил и спешу Вам на него ответить. Но прежде я хочу поблагодарить Вас за хорошее, сердечное письмо... Я очень рад, что мои строки Вам понравились, хотя я думал иначе. Рад и в будущем писать Вам, ибо учением Ник. Ф-ча я поражен, как новым откровением. Но повторяю, что в то же время не могу искренно сказать, что мог бы принять его во всем его объеме. Все так грандиозно, что как-то не веришь в возможность выполнения миром людей этого завета, как его изображает Н. Ф-ч, хотя логически приходишь к тому, что соглашаешься с доводами его.

Вчера на собрании христианского студенческого кружка, членом которого я состою, я познакомился с Вашим сыном Михаилом Николаевичем... Как-нибудь соберемся вместе и поговорим, хотя едва ли это осуществится в ближайшем будущем, ибо мы живем на противоположных концах Москвы и оба сильно заняты. Ну да важно только то, что есть знакомый человек, с которым можно поговорить по интересующему вопросу, а когда это произойдет, не суть важно. Надо больше обдумать, дать *выстояться* мыслям, и потом уж дать им ход... Я вижу, что Вы употребили очень много времени на письмо ко мне и уже за это благодарю, и сам я только боюсь Вам много писать, не помешаю ли я Вам в ваших занятиях. Ваш сын говорил мне, что, наоборот, Вам будет приятно, если я буду писать, вот почему я и решил все-таки обратиться еще к Вам...

Сначала должен сказать, что для меня теперь стал довольно ясен взгляд Н. Ф-ча на половой вопрос. Из него я вижу, что он не относился к браку отрицательно. — Да, так важно различать девственность *отрицательную*, *пассивную*, которая, в конце концов, не такая уж заслуга и — *положительную*, где пассивности, инертности места нет, где вопрос идет о *действии*. И я скажу даже — *легче* для человека быть в положении II города. Легче *брать* позиции, хотя и под огнем, чем только *оборонять* их. В действии душа

закаляется, в бездействии слабеет, разжижается, делается «студенистою».

Новый взгляд на смерть так важен именно для нашего современного общества, обремененного литературным излишеством, как были обременены ими римские патриции перед упадком Рима. — Мне недавно пришлось просмотреть сочинения *Жоржа Роденбаха* (Москва, изд. Саблина, т. I и II), где писатель говорит о смерти как о чем-то опьяняющем, он сравнивает ее с цветком ядовитым, но в то же время красивым, запах которого человечество вдыхает как амброзию⁹³. Он примиряется со смертью, восхваляя ее в гимнах, но этого мало, он ее опозитивизировал, что уже совсем плохо... Какая, действительно, противоположность: *Федоров* и *Жорж Роденбах*... Меня привлекает в учении Н. Ф-ча и то, что он не относится отрицательно к науке, отводя ей такое громадное место. У нас религия часто обращается в какой-то мистицизм, теософию, во что-то донельзя *отвлеченное*, и я знаю, что многих такой взгляд отталкивает от нее. Я не отрицаю внутреннего религиозного опыта, но нельзя заполнять религию им, иначе мы можем прийти в положение индийского факира, застывшего в созерцании, позабывшего в таком состоянии *всех* остальных людей и чуть ли, собственно говоря, и себя... И вот так важна эта ясно сформулированная формула: «жить надо не для себя только, но и не для других, а со всеми и для всех». С первой частью многие согласятся, но вторая на вдумчивого человека производит странное впечатление... «Как, вы отрицаете альтруизм!», — сказал мне один студент, когда ему повторил вот эту *основную* мысль Ник. Ф-ча...

Еще мне дорого в мыслях Н. Ф-ча это его отношение к природе. С его *регуляцией* я вполне согласен и всецело к ней присоединяюсь. Так важно установить его взгляд на природу, которую человек *смеет* сделать такою, какою он хочет... Тон пресмыкающегося — человека должен перед *слепую* природою перемениться. Не возвратиться к природе, не отказаться и от мысли, а *внести мысль* в природу. Какое грандиозное зрелище, какой простор необъятный открывается для науки, для ученых... Вот *приложение* их мышления, чего теперь не замечается. При чтении книги Федорова хочется унести в высь, *не покидая и землю*, голова поднимается *кверху*, в противоположность чтению, например, сочинений *Руссо*, когда, по словам *Вольтера*, хочется ползти на четвереньках...

Вот опять два имени и оба говорящие об природе — *Руссо Жан* и *Федоров Николай*... Какая противоположность, какое различие в взглядах, и при сопоставлении сразу чувствуешь правдивость и справедливость слов П-го, а не I-го... Вообще, хорошо бы было делать такие сопоставления. Из них как-то яснее видна необходи-

мость такого федоровского, если можно сказать, взгляда на природу, смерть и т. д.

Меня очень интересует, как относится наше духовенство к взглядам Н. Ф-ча, если только виднейшим представителям его они известны?

Еще вот что: нельзя, конечно, отрицать того, что часто и почти всегда на то или иное направление мышления и следующей за ним деятельности, вытекающей из этого мышления, влияют какие-нибудь случаи из личной жизни* этого человека или события из жизни общества или целого государства... И вот, следя, с какою силою убеждения Н. Ф-ч громит смерть, убеждая, что она есть следствие греха и, следовательно, не есть что-то абсолютное, является мысль, не было ли в жизни Н. Ф-ча случаев, которые бы обострили этот вопрос?.. Конечно, это относится уже, пожалуй, скорее к будущей монографии о нем, но разъяснение этого вопроса облегчит самое понимание учения Ф-чедоро>ва... Мне кажется, что-то произошло в жизни Ф-чедоро>ва, что заставило обратить его внимание на ту сторону, которую все обходят (т. е. вопрос о смерти). <...>

<...> Меня интересует очень: знает ли кто-нибудь из крестьян, не испорченных городской жизнью, об учении Н. Ф-ча. Очень было бы плохо, если бы это учение годно было только для нас, интеллигентов... Как отнесется к нему простой русский крестьянин? Все великое и верное всегда *просто*, и если его поймет неученый мужик, то можно сказать, хотя, конечно, не окончательно, что оно достойно по крайней мере внимания. Несомненно, всецело этим критерием нельзя руководиться, но такое *испытание* проделать, как мне кажется, необходимо. Был ли проделан такой опыт? <...>

* * *

Об старушке Ал. Корнил. Михайловой я просил узнать (я давно не был сам дома), но до сих пор еще ничего не получил, получу — сейчас же сообщу. — Я получил сведения, что в г. *Рязани* (Садовая ул. соб. дом) живет вдова бывшего биб<лиотека>ря *Мария* Константиновна Лебедева⁹⁴, интересно было бы обратиться к ней за сведениями относительно Н. Ф-ча. Прошу выслать, если можно, копии писем к Вам Толстого, где он упоминает о Федорове.

* Напр<имер>, смерть любимого человека.

Я очень благодарен за будущую высылку Ваших статей. Так как печататься они, м<ожет> б<ыть>, будут еще долго, то я бы очень просил Вас выслать *то, что напечатано сейчас**, остальное Вы могли бы любезно послать после. Мне очень хочется с ними ознакомиться, тем более что на Рождество будет свободное время.

Я не помню, как я писал, когда говорил, что призыв Н. Ф-ча есть в известном роде насилие. Не помню, к чему это я относил... По всей вероятности, я хотел вот что сказать, и если не говорил в письме, то все равно скажу здесь. — Есть люди, много жившие, уставшие от жизни, много видевшие и испытывавшие, и для них смерть является *благом*, и в этом их упрекать, конечно, нельзя. Помните «*Иова*», умершего «в старости, насыщенной днями»⁹⁵. И вот мне кажется, если мы воскресим этих людей (если это, действительно, когда будет), воскресим *без их согласия* и *их воли*, то не будет ли это в известном роде *насилие*. Вот что я хотел подчеркнуть, с вашими же словами о братстве людей, о единении, осуществление чего мы видим в Пресвятой Троице, я совершенно согласен.

Вот и все, что я, кажется, хотел Вам сказать. Думаю, что поймете... Повторяю, я признаю книгу Н. Ф-ча очень ценною, которую нельзя обойти, и я удивляюсь, что о ней ничего не было слышно. Я ведь случайно о ней узнал окольными путями, и мне стоило многих трудов добраться до Вас, чтобы ее получить... Если нападки на книгу и будут, то, мне кажется, особенно смущаться не надо, я всегда повторю для себя слова *Ломброзо*:

«Книга, не встречающая никакого сопротивления, не может иметь большой ценности».

Думаю на днях отправиться к Вл. Ал. Кожевникову за его книгой для Богородской б<иблите>ки, которую он мне обещал, когда я был у него один раз весной. М<ожет> б<ыть>, кто-нибудь из Богородских жителей заинтересуется мыслями Николая Федоровича.

Много ли к Вам обращаются по поводу этой книги? Интересно знать, какое отношение встречают эти мысли в нашем обществе...

Ну, кажется, Вам надоел своими писаниями. Рад буду от Вас получить письмо.

Всего наилучшего.

Уважающий Вас

И. Алексеев

5 декабря 1911.

<...> (Я спрашивал своего знакомого японца о Ник. Фед. Он его хорошо помнит и отзывается о нем самым лучшим образом. Его познакомил [с Н. Ф-чем] покойный *проф. Грот*⁹⁶).

* Прошу сделать надпись мне *на память*.

С. Н. БУЛГАКОВ — В. Ф. ЭРНУ⁹⁷

11 января 1912. Москва

<...> Создалось очень трудное положение относительно Николая Александровича⁹⁸, отчасти связанное с этой злосчастной поездкой «в Италию». Уже не говоря о том, что он решил писать монографию о Федорове, захватив с собой в качестве орудия производства лишь первый том «Философии общего дела», причем, когда я написал ему, что, по отзыву Кожевникова, до выхода второго тома, время которого совершенно неизвестно, монографии писать нельзя, он написал мне полное упреков, даже угроз, до крайности огорчившее меня письмо (я предлагаю ему теперь вместо монографии написать статью о Федорове для сборника о русской философии)⁹⁹. <...>

П. А. ФЛОРЕНСКИЙ — В. А. КОЖЕВНИКОВУ¹⁰⁰

15 марта 1912. Сергиев Посад

<...> На днях взял я (почти случайно) Н. Ф. Федорова и Вашу книгу о нем (которые читал ранее невнимательно) и был поражен и устыжен, до какой степени основные идеи Федорова тождественны с тем, что я пишу и говорю о лекциях, особенно о Канте. Стыдно стало, собственно то, что я не использовал Федорова ни в сочинении своем¹⁰¹, ни в лекциях, а до столь многого доходил «своим умом». Когда выйдет его 2-й том? Вероятно, там именно будут статьи и по философии, — мне наиболее интересные? Мне почему-то думается, что Вашего 2-го тома о Федорове так и не будет. Да? <...>

П. А. ФЛОРЕНСКИЙ — В. А. КОЖЕВНИКОВУ

15—17 марта 1912. Сергиев Посад

<...> У меня свой Федоров — отец Серапион¹⁰². Но, как бы там ни было, ведь не мог же какой-нибудь канцелярист заменить Вас при Федорове, или меня при Серапионе¹⁰³. Потребовались именно Вы, потребовался я. Да, это келейничество; но не лучше ли быть со смирением келейником одного порядочного человека, чем растратить, с гордынею, свое время и свои силы на 1000 проходимцев. <...>

С. Н. БУЛГАКОВ — В. Ф. ЭРНУ¹⁰⁴

19 марта 1912. Москва

<...> Сборник о русских мыслителях, то есть о тех, о которых не будет или не может быть по тем или иным причинам монографий

(Киреевский, Чаадаев, Федоров и подобные) имел в виду главным образом Николая Александровича¹⁰⁵. Но по-видимому, этот проект становится излишним. <...>

М. Н. ПЕТЕРСОН — Н. П. И Ю. В. ПЕТЕРСОНАМ

12 апреля 1912. Москва

<...> От Кожевникова узнал, что папа согласился приехать в Крым¹⁰⁶. Я очень рад этому. Узнал также, что Ты, папа, хочешь посылать «Фил. Об. Д.» в предсоборную комиссию, и думаю, что этого делать не следует: я вижу по тому, что делается в Братстве¹⁰⁷, что из этого в лучшем случае ничего не выйдет, т. е. на книгу не обратят внимания, — но скорее всего признают еретической и это, несомненно, повредит делу. В этом я вполне согласен с Кожевниковым. Он хотел Тебе телеграфировать, чтобы Ты этого не делал. <...>

Д. Ф. ПОПОВ — Н. П. ПЕТЕРСОНУ¹⁰⁸

Начало мая 1912. Пенза

Многоуважаемый Николай Павлович!

В июне 1911 г. во время пребывания своего в г. Нижнем Ломове Пензенской губернии у Елизаветы Павловны Добротиной¹⁰⁹ (в качестве депутата от Округа для производства испытаний) имел возможность познакомиться с Вашей брошюрой — «Правда о гр. Л. Н. Толстом»¹¹⁰, — а затем, под влиянием ее, и с первым томом изданных Вами произведений Н. Ф. Федорова, высланном мне благодаря любезному содействию Елизаветы Павловны.

Впечатление, какое производят взгляды Н. Ф. Федорова, трудно описать: его понимание христианства, отношения между религией и наукой, человеком и природой — является для читателей подлинным откровением и, нужно думать, истинным светом.

В предисловии к книге сделаны были ссылки на статьи В. А. Кожевникова о Н. Ф. Федорове, напечатанные в «Русском Архиве» за 1904, 1905, 1906 гг.; они были добыты, и при чтении их выяснилось, что в первом томе заключаются не все произведения Федорова. Позвольте побеспокоить Вас как издателя его сочинений просьбой ответить, изданы ли Вами еще томы, кроме первого, и если изданы, то оказать содействие при приобретении их, хотя бы в одном экземпляре, беспокоить Вас приходится потому, что издание Ваше не назначается для продажи. Если бы это Вас не затруднило, просил бы Вас выслать книгу с наложенным платежом, или как

найдете удобным, по следующему адресу: Пенза, Реальное Училище, преподавателю Дмитр. Филиппов. Попову. Книга по получении будет сдана для хранения и общественного пользования в фундаментальную библиотеку Пензенского Реального Училища. Весьма желательно было бы также знать, как и где приобрести Ваши брошюры о Н. Ф. Федорове, как близко знавшего его и его учение.

Знакомство с произведениями Н. Ф. Федорова особенно ценным является для педагогов, чтобы при преподавании, невольно, быть может, не положить ложных основ в миросозерцание юношества.

Примите уверение в искреннем к Вам уважении.

Преподаватель истории и географии Д. Ф. Попов.

Е. Н. ТРУБЕЦКОЙ — М. К. МОРОЗОВОЙ¹¹¹

8 июля 1912. Бегичево

<...> Я сейчас читаю книгу Кожевникова о Феодорове, а потом прочту и самого Феодорова. Проглотил нужное из Киреевского и Хомякова. Словом, думаю по возвращении из Москвы начать уже и переработку книги¹¹² <...>

М. Н. ПЕТЕРСОН — Н. П. ПЕТЕРСОНУ

25 июля 1912. Москва

<...> 15-го июля был у меня проездом в Пензу Д. Ф. Попов. Когда Ты ему посылал телеграммы в Пензу¹¹³, он был в Петербурге на педагогической выставке.

Он произвел на меня очень симпатичное впечатление. Его интерес к Ник. Федор. мне кажется прочным. В Пензе он успел заинтересовать им нескольких своих учеников — реалистов старшего класса и молодых людей, слушающих вечерние курсы, на которых Попов читает историю. Он хотел Тебе написать в Воронеж¹¹⁴. <...> Он очень сожалел, что ему не удалось с Тобой встретиться, и в будущем непременно желает с Тобой увидаться. <...>

Е. Н. ТРУБЕЦКОЙ — М. К. МОРОЗОВОЙ

30 июля 1912. Бегичево

<...> Работа моя пока стоит: читаю Федорова! Этот яркий, во многом утопист; а тебе понравился бы, хотя в слишком большом количестве он надоедает, тем более что пишет скверно. <...>

М. Н. ПЕТЕРСОН — Н. П. ПЕТЕРСОНУ

7 августа 1912. Москва

<...> О внутреннем опыте жду от Тебя чего-нибудь. Я думаю, что если, действительно, благодаря аскетическим подвигам и достигается внутреннее ощущение Христа в себе, то этот путь не единственный и, т<аким> обр<азом>, не обязательный, а, наоборот, исключительный и временный. Главный же и обязательный, для всех обитий и никого не исключаящий путь — общее дело — как его понимает Н.Ф., — с исполнением этого дела, несомненно, связано ощущение, что Христос с нами, и оно не меньше, чем аскетическое, а, вероятно, больше и сильнее. Разве не доказывают этого построения обыденных церквей, когда каждый человек, участвовавший в построении, какой бы он до того времени ни был, перерождался, становился лучше, чище, сильней, чувствовал в себе действие силы Божией. И сейчас же, по-моему, видно, насколько этот путь предпочтительней. При аскетическом пути человек ищет уединения («был бы все в уединении», — говорит странник у М. А. Новоселова: «Забывтый путь», [стр.] 32¹¹⁵) и не исполняет заповеди Божией о единении. А другой путь требует объединения и делания. Это — можно ли сомневаться? — и есть тот именно путь, который завещал Христос. Сейчас я нашел у Н. Ф-ча место, которое прямо говорит против того, о чем ратует М. А. Новоселов. Это относительно слов Лютера: «О, человек! Представь себе Христа и созерцай...» (стр. 187). «Если от такого представления, созерцания, зависит спасение человека, то ч<елове>к д<олжен> вполне отдаться созерцанию или же как можно чаще отдаваться ему; впрочем, даже и такое ограничение не м<ожет> б<ыть> допущено и доказывает лишь противоречие, заключающееся в самом учении о спасении верою». И далее: спасению всецело отдаваться можно лишь тогда, когда «всякое дело обращено будет в средство спасения». <...>

В. А. КОЖЕВНИКОВ — Ф. Д. САМАРИНУ

31 августа 1912. Исаар

<...> Приезд Н. П. Петерсона отвлек все мое внимание и занял все время работою над редактированием II тома произведений Николая Федоровича Федорова. Полтора месяца мы с Петерсоном усердно работали: распределили между собою рукописи и приготовили к печати каждый отдельно взятые на долю каждого статьи, это брало все время, а именно от 8, иногда от 7 час. утра до 5 вечера, конечно, с перерывом для обеда и маленького отдыха; а по вечерам происходила совместная проверка и поправка сде-

ланного. Работа была трудная: по клочкам рукописей и по многочисленным вариантам воссоздавать статьи и придать им упорядоченный вид. Но было и много привлекательного в этом воскрешении многих ценных, а нередко высоко талантливых мыслей. Слава Богу, дело прошло быстрее и, думается, удачнее, чем ожидалось. К печати готово до 500 страниц, так что по осени надеюсь приступить к печатанию (остается не приготовленной к изданию только переписка, очень важная по содержанию). Мне думается, что этот II том окажется значительно отличающимся от I-го и будет легче читаться: краткие и очень разнообразные статьи, часто блестящие остроумием и оригинальностью выражений, при обычной у «старика» вдумчивости, производят совсем иное впечатление, чем тяжеловесные большие статьи I-го тома. Я очень счастлив, что Бог помог выполнить эту сторону лежавшего на мне долга. <...>

Д. Ф. ПОПОВ — Н. П. ПЕТЕРСОНУ

23 ноября 1912. Пенза

<...> Относительно Иннокентиевского братства могу сообщить следующее: оно состоит при Соборе; члены его — преимущественно священники, преподаватели духовных учебных заведений; оно имеет очень хорошую — едва ли не лучшую в Пензе — библиотеку, состоящую при Соборе же; заведует библиотекой в настоящее время — преподаватель духовной семинарии г. Хвощев; для членов открыта она 3 раза в неделю; с месяц тому назад заходил в библиотеку, говорил о Н. Ф. Федорове и о том, как можно его и о нем сочинения приобрести для библиотеки; на днях постараюсь еще повидаться с Хвощевым.

Недели две тому назад получил из Питера следующее требование от бывшего нашего Пензенского реалиста, теперь вольнослушателя сельскохозяйственных курсов, слышавшего о Н.Ф. Федорове: «Пришлите мне и, если можно, то поскорее Федорова. Полный том. Мы из-за него тут такой спор с хозяином, курсистами и курсистками подняли, что образовали целый кружок для его изучения. Весь Питер обегали и не нашли. И все ждут от меня с нетерпением, когда его пришлют. Решили прочесть и даже, может быть, издать. Так вот, не можете ли прислать, и поскорее...» Так как тогда в Пензе было всего два экземпляра, то последовал ответ с указанием на «Русский Архив» за 1904, 5, 6 г., статью Булгакова в книге «Два града» — «Загадочный мыслитель» — и с советом обратиться за книгой к г. Кожевникову по сообщенному адресу. Теперь имею возможность удовлетворить их требование, если оно еще не удовлетворено из Москвы...

Недавно о Н. Ф. Федорове прочел главу в статье Трубецкого о Соловьеве, помещенной в «Вопросах Философии и Психологии», в последней книжке...¹¹⁶

Буду просить Вас, Николай Павлович, сообщить, в каком положении вопрос о печатании второго тома Н. Ф. Федорова, переиздании книги г. Кожевникова; многие спрашивают. Весьма интересуюсь отзывом, полученным Вами от моего односельчанина о впечатлении от учения Федорова. <...>

NB. Посылаю еще отзыв о Н. Ф. Федорове, принадлежащий молодому человеку, кончившему в прошлом году реалисту, теперь слушателю невропсихологического института. Указан способ осуществления дела всеобщего спасения — физический (регуляция мира), но не усмотрены другие, у Федорова имеющиеся, хотя, м<ожет> б<ыть>, менее разработанные: мистический (способы привлечения верой через нас Промысла), личный (трудовое совершенствование разумом индивидуальности), общественный (создание и подготовка больших и малых общественных союзов, по типу Троицности устроенных, на началах самодержавия вместо гнета или законодержавия, взаимознания и (вместо) денег) бескорыстно-добровольного чувства любви (вместо) необходимости или выгоды) и археологический (воскрешение в мысли и <1 нрзб.> предков...). Вера (не личная только, а соборная) без общего дела мертва... См. также отзыв о Н. Ф. в статье Трубецкого: он осуждает внесение элемента имманентности в понимание учения христианского. Тогда вера остается без общего дела...

И. П. БРИХНИЧЕВ — Н. П. ПЕТЕРСОНУ¹¹⁷

15 декабря 1912. Москва

Милостивый государь!

Посылаю Вам журнал «Новое Вино»¹¹⁸. Из него Вы увидите, как много [сходного] в нашем учении с учением Федорова.

Поэтому — очень прошу Вас выслать нам (возможно скорее) портрет покойного философа для помещения в журнале. Его книгу и Вашу о нем (для отзыва). А также было бы недурно, если бы Вы написали статью о нем (характеристику личности и учения).

С почтением

Иона Брихничев.

Адрес:

Москва
Садовая Каретная
Д. 8, кв. 22
Редация «Новое Вино».

Д. Ф. ПОПОВ — Н. П. ПЕТЕРСОНУ

Начало января 1913. Пенза

<...> Н. Ф. Федоровым заинтересовались директор учительской семинарии, помощник инспектора духовной семинарии; взяли 1-ый том. Интересуюсь, как подвигается печатание второго тома и буду ждать с нетерпением выхода его в печать. Может быть, следует к Вам обращение относительно 1-го тома для библиотеки Семинарии Духовной и Учительской...

Адрес того крестьянина, о котором Вы писали в последнем письме: станция Рязанско-Уральск<ой> ж<елезной> дороги Кораблино с передачей в село Пехлец — крестьянин Василию Николаевичу Хомутскому...¹¹⁹ Приходится по случаю 300-летия дома Романовых готовить слово; ваша книга и Н. Ф. Федорова воодушевляют и много помогают, особенно идеи добровольия, всечеловеческого родства и общего дела регуляции слепой природой... <...>

Недавно была лекция Гусева¹²⁰ о Л. Н. Толстом; показалась незначительной после всеобъемлющего Н. Ф. Федорова; задал несколько вопросов Гусеву о Н. Ф. Федорове, из которых видно, что Гусев, а м<ожет> б<ыть>, и Л. Н.) книги Н. Ф. Федорова не знал в подлиннике; Гусев сказал, что Л. Н. учению Н. Ф. не сочувствовал, но глубоко уважал как человека...

Д. Ф. ПОПОВ — Н. П. ПЕТЕРСОНУ

Конец января 1913. Пенза

<...> К 21 февраля готовятся юбилейные по училищам торжества 300-летия Романовых; при подготовке речи много помогает ваша книга и статья о самодержавии Н. Ф., и слово будет составлено в их духе...

Библиотекарь соборной библиотеки брал на Рождество 1-й том Н. Ф. и заявил, что обратится к В. А. Кожевникову с просьбой относительно 1-го тома для библиотеки Иннокентиевского братства. <...>

Д. Ф. ПОПОВ — Н. П. ПЕТЕРСОНУ

17 марта 1913 г. Пенза

Глубокоуважаемый Николай Павлович!

Вышел 2-ой том Н. Ф. Ф. Как читатель и почитатель его, от имени своего и других, мне знакомых, приношу Вам глубокую бла-

годарность как издателю 2-го тома. О том же писал В. А. Кожевникову.

В. А. Кожевников любезно прислал мне 2-ой том, а затем еще 20 экземпляров для распространения в Пензе, согласно моему желанию. Половина их уже разошлась, остальные думаю передать, вместе с 6-ью полученными от Александры Семеновны экземплярами Вашей книги, в книжные магазины Пензы и в книжный земский склад и более чем уверен, что скоро они будут распроданы. <...> От читателей буду беспокоить вопросом, может быть лишним, будет ли переиздан 1-ый том и когда можно ожидать 3-го тома...

Заинтересовался Н. Ф. Ф. — известный в Пензе наш общественный деятель Н. Ф. Езерский, член 1-ой государственной думы, взял у меня 1-ый том, обещал изучить и даже прочесть о нем реферат в Обществе имени Лермонтова. Сообщу, если реферат состоится. Лично с благоговением читаю 2-ой том... <...>

НВ. Речь, составленная в духе Н. Ф. Ф. («новославянофильском»?), имела успех: искренне благодарили...

Н. И. ДОРОФЕЕВА — И. П. БРИХНИЧЕВУ¹²¹

1913. Первая половина года. Москва

Ну вот, дорогой мой! После праведных трудов могу с тобой побеседовать. Была я у Черногубова целых 4 часа, говорили, говорили... Конечно, больше он говорил. Все точно я воспроизвести не могу, но постараюсь... Во-первых, я сказала, что вот в Одессе живешь ты, Горский и другие. Вам дороги идеи Федорова и Вы хотите продолжать, развивать их и действовать в этой области. Он говорит, что никаких у него материалов не имеется — все, что у него было, он передал Кожевникову — говорил написать Петерсону, т<ак> к<ак> у него больше всех сведений и писем. Показал мне маску Федорова и рисунок с него Пастернака. Если редакции надо иметь, то пусть укажет размер фотографии* и ассигнует сколько-либо для этого денег — а он, Черногубов, снимет у Фишер — ему недорого сделают, т<ак> к<ак> много он дает работы им. Писать он ничего ни в какой форме и ни в каком случае не может по разным причинам и соображениям. Но когда ты будешь в Москве, просил тебя зайти к нему — он с большим удовольствием поговорит о Федорове, о Соловьеве Вл. и др.

Познакомился я, говорит, с Н. Ф. вот при каких обстоятельствах. Я очень увлекался Фетом-Шеншиным, потратил почти 6 лет на собиране сведений из его биографии, разных фактов и пр. данных, ездил по разным городам, где был Фет, и работал в Ру-

* В «Весах» изд. «Скорпион» за 1904 год они есть¹²².

м<янцеvском> Музее, — Федоров заметил, с каким рвением я стараюсь воспроизвести все, что касается умершего Фета, понравилось ему это, и тут завязалось это знакомство. Интересовался Николай Федор. незаконнорожденностью Фета (это мое выражение, я не помню, к<а>к с<каза>л Черногубова по эта мысль), относился к этому факту с участием, т<ак> к<ак> и сам он незаконнорожденный — он сын одного из кн. Гагариных и, кажется, крестьянки. Один раз, — рассказывал> Ник. Федор., — кн. Гагарин повез его к графу Ростовцеву, а я, говорит, убежал из приемной.

Всю жизнь, говорит Черногубов, я смотрел на Ник. Фед. с раскрыт<ым> ртом, с большим любопытством, и думал, что никогда уж не увижу больше такого человека.

Никогда Ник. Федор. не занимался собой, он ходил в коротеньких штанах, в нижней рубашке, на шее какой-то черный платок 40-х годов и коротенькое пальто черное с выцветшей спиной, или веселенькое серенькое, — приобреталось все это на Сухаревке, подержанное, ютился в комнатах всегда, и не в комнате даже, а скорей на шкаф какой-то похоже. Он умер — ему было за 80 лет, не было спереди зубов, но мощь, а главное юношеские, огненные глаза. Наша прислуга говорила — вот пришел этот старик с страшными глазами. Я, говорит, думаю, что он был мощней, чем пророк Илья. Федоров говорил, пересыпая свою речь иностранными словами и пр., словом, профессорским языком, и какой жалкий и беспомощный был, когда выходили какие-нибудь старообрядцы, — с ними он совсем не знал, к<а>к держать себя. Всех, всякого считал своим врагом, кто не соглашался с ним, и не о чем больше было говорить ему с ним... Чем талантливее был противник, тем вреднее он считал его для себя. Очень был нетерпимый, страшно подозрительный, невозможный, больше двух дней трудно было ужиться с ним... Не был он тихим философом, это был гневный пророк...

За последнее время не мог переносить Толстого, сжимал кулаки, с пеной у рта ругательски ругался — ненавистным, «лицемер», говорил, «ух», ругался бранными словами... О Соловьеве говорил Черногубову — это иезуит, говорит, вы подальше от него. О Кожевникове — утром, говорит, отдает дань православию: стоит на коленях, а вечером защищает католицизм — пишет статьи, рефераты...¹²³ Друзей у Ник. Фед. не было... был он аскет... к жизни не приспособленный, как 9-тилетний мальчик... Область чувств у него была узкая, не то что у Достоевского, кот<орый> написал, что разделяет его взгляды, — нет, он не разделял их и не понимал Федорова. Достоевский широкий, разбросанный, а Федоров, как выстрел, прямой, в одну цель... Никаких споров и возражений Федоров не принимал и не признавал. Если согласен с ним — он слушает тебя и наматывает это на стержень своего единения

с людьми, а если нет, то ты враг ему... Федоров был атеист, были близки ему Шопенгауэр, Гар<тман>¹²⁴ и т. п., но ему не нравился конец их теории, погружение в небытие — он говорил, так нельзя — надо попробовать все, а если не удастся — ну тогда другое дело. Люди ничем не рискуют — ведь в крайнем случае — в могилу будут сходить вместо полуживотных-полулюдей — ряды ученых, благородных. У него единственная надежда была не на Бога, ни на силы природы, а только на людей, если люди воскресят... Не признавал он ни православия, ни самодержавия... а рассуждал так... если загнали нас в казарму — ну и что ж, принимаем казарму, но заниматься в ней мы должны совсем другим делом... люди все должны быть солдатами (признает он так армию), но бороться должны не с себе подобными, а с силами природы... Ну а если армия напала на Англию и грабит, уничтожает ее — это хорошо, т<ак> к<ак> Англия средоточие торговли, а коммерция враг его.

Ну, Иона, маленький перерыв, пришел Костя от [1 нрзб.] с «Дон Жуана» и оборвал мою мысль...

Федоров, употребляя формы и термины православия и самодержавия, поступал к<а>к великий — желая объединить всех и все, он не порывал ни с православием, ни с самодержавием.

Черногубов говор<ил>, что разошелся с Кожевниковым после [того], к<а>к тот издал книгу Федорова (он сделал из него православного, каким Федоров никогда не был). Ник. Фед. не был теистом... Никаких записей он после себя не оставил — кроме переписки¹²⁵. Писал он иногда на клочках бумаг, это были коротенькие фразы или без сказуемого, или без существительного — ему, Федорову, только понятные... Говорил же он горячо, все его существо говорило с ним... Никогда его не видели с беллетристической книжкой, никогда он не читал и стихов и не любил их.

Кожевников, говорит Черногубов, скупой, потратил 1000 целковых на 1-ю книгу Федорова, а вторая уж 2-50 стоит — значит, давай обратно — а письма, говорит, я думаю, он даст и сначала в журнале напечатать.

Ну ты слишком знаешь Кожевникова, чтобы писать мне тебе со слов Черногубова.

О Соловьеве Вл. говорил — это был талантливый приват-доцент<ент> М<осковского> у<ниверситета> — каким теперь многие, многие могут быть, успех его не от его философии, а всецело сложился благодаря физико-поэтической стороне — Соловьев кокетничал со всеми и всем... он снимался всегда красивым, делал кра-

сивую прическу, делал красивые усы и бороду... Ходил в длинном черном сюртуке, был очень изящный — главным образом пользовался успехом у дам — у него не было ни учеников, ни просто женщин-поклонниц, у него только Магдалины, напр<имер>, такие, к<а>к Толстая, Дурново, Хитрово¹²⁶ — все в жизни перепробовали, ничего не осталось и приняли последнюю позу сидеть у ног прелестного молодого учителя — к<а>к теперь Елизавете не к лицу жемчуг, бриллианты и балы и она надела старое одеяние и деревянный крестик...¹²⁷ Соловьев — не философ, это поэт... Он знал наизусть всех поэтов и всегда их цитировал... обильно пересыпал свою речь «крепкими выражениями» — за что дамы особенно его любили... Однажды я, говорит Черногубов, поехал к Фету, чтоб взять переписку из стола Соловьева с Фетом — Соловьев дал ключ, это спустя 7 лет после смерти Фета... Открываю стол и о, изумление! целая грудка женских писем к Соловьеву и пахло запахом, к<а>к из парфюмерного магазина.

Если б Соловьева остричь, снять бороду и усы, надеть короткие брючки, к<ак> у Федорова, и посадить на Малой Царицынской где-нибудь — то Соловьев бы лопнул и от него не философ, а остался бы только приват-доцент<ент> М<осковского> у<ниверситета>.

Судьба подшутила над ним все же... Когда он умер, его остригли, обрезали усы — у него отвратительные негритянские губы — ну уж тут не от него зависело.

Он не был ученик Федорова — с его учением он флиртовал, к<ак> с многими другими.

Ну я устала.

Кажется все.

Ты поговоришь с ним лично и тогда сможешь извлечь кое-что интересное и для печати.

Целую крепко.

Прошу извинить промахи.

Нина.

Жду дальнейших указаний.

Н. П. ПЕТЕРСОН — Е. Н. ТРУБЕЦКОМУ¹²⁸

21 июля 1913. Зарайск

<...> Теперь можно с точностью установить, что произведение Федорова, вызвавшее первое письмо Соловьева, было прочитано

Соловьевым осенью 1881 года¹²⁹. К этому времени это была тетрадка, заключавшая в себе 150—200 четвертинок, т. е. около 40—50 листов, писчей бумаги, с отогнутыми полями; тетрадка эта написана моим некрасивым, но четким и убористым почерком; и лишь впоследствии она разрослась почти вдвое или даже больше, но все главное и тогда уже в ней было, и было ярче, определеннее, чем в окончательной редакции: Федоров имел недостаток увлекаться частностями, в сторону и ослаблять общее эпизодическими вставками. И времени, употребленного Соловьевым для прочтения этой тетрадки («Прочел я Вашу рукопись с жадностью и наслаждением духа, посвятив этому чтению всю ночь и часть утра» — из первого письма Соловьева), было совершенно достаточно, чтобы прочитать ее внимательно, а не просмотреть только. И вот я смело говорю, что, прочитав эту тетрадку, Соловьев был совершенно согласен с тем, что в ней было изложено, он согласен был именно с самым способом осуществления всеобщего воскрешения, потому что вся суть учения о воскрешении именно в этом способе, и не понять этого Соловьев не мог, иначе пришлось бы заподозрить его еще в большей непонятливости, чем Вы меня. Сам Федоров в одном из своих писем, которое будет напечатано в 3-м томе, говорит, что учение о воскрешении «не догма, а метод в противоположность мистицизму, который есть догматизм без всяких доказательств»¹³⁰. С этим методом и познакомился Соловьев, прочитав тетрадку, о которой сказано выше, и выражая согласие со всем прочитанным, он соглашался именно с тем методом, способом, которым должно быть совершено воскрешение. Иначе что бы значили слова, которыми Соловьев кончает свое письмо; — признав Федорова своим учителем и отцем духовным, Соловьев говорит: «Но Ваша цель не в том, чтобы делать прозелитов или основывать секту, а в том, чтобы *общим делом* спасти все человечество, а для того прежде всего нужно, чтобы *Ваш проект* стал общепризнанным. Какие средства ближайшие могут к этому повести — вот о чем, главным образом, я хотел бы с Вами поговорить при свидании».

Но согласие Соловьева было ненадолго; вскоре Соловьев одумался и представил разные возражения. Однако и после этих возражений, сходясь с Федоровым и беседуя с ним, Соловьев опять приходил к полному с ним согласию, и это до такой степени, что однажды Федоров спросил Соловьева, почему же он, признавая воскрешение целью, в которой весь смысл жизни человеческого рода, не хочет сказать этого прямо и сделать призыв к осуществлению этой цели? И на этот вопрос Федоров услышал такой ответ: «А что тогда скажет М. М. Стасюлевич, он назовет меня сумасшедшим»...¹³¹ Соловьев больше всего боялся показаться смешным, а в наше время, время полного развала, когда все разбились

на отдельные единицы, ничего не может быть смешнее мысли, что «*чрез нас, чрез разумные существа, природа достигнет полноты самосознания и самоуправления, воссоздаст все по ее слепоте разрушенное и разрушаемое и тем исполнит волю Бога, Создателя своего, делаясь Его подобием*» (из письма Федорова, которое будет напечатано в 3-м томе)¹³². Мысль эта смешна для нашего времени уже потому, что для осуществления ее требуется полное объединение всех живущих, всего рода человеческого, требуется полное единство всех при полной самостоятельности *каждой личности*, единство без гнета и самостоятельность без розни, требуется обращение всех в познающих и *всего* в предмет знания, а для этого требуется устранить разделение на ученых и неученых, на образованных и необразованных, на интеллигенцию и народ, и прежде всего должна быть уничтожена привилегия знания, присвоенная себе сословием ученых. Только обращение всех в познающих уничтожит и имущественное неравенство. И разве эта мысль не смешная утопия для нашего времени?! И вот, по временам, логически соглашаясь с Н. Ф. Федоровым, что только в этом — цель и смысл жизни человеческого рода и всего мироздания, В. С. Соловьев не мог решиться открыто сознаться в том, что он согласен с этой смешной мыслью, и, между прочим, боялся, что М. М. Стасюлевич назовет его сумасшедшим и не пустит за свой круглый стол. Оказывается, что у Стасюлевича был определенный день в неделе, когда за его круглый стол собирались избранные, допускался в среду их и В. С. Соловьев, но он там играл, по-видимому, роль *enfant terrible* и, очевидно, считал это за особую честь, в кругах же москвичей, славянофильствующих и свободных от этого недуга, принимали Соловьева за человека серьезного, важного. У Стасюлевича позволяли и извиняли Соловьеву некоторые вольности; но он знал, что это имеет свои пределы, и серьезно, прямо, открыто, а не туманно выраженное признание долга воскрешения, требующее дела, осуществления, ему там не простили бы.

Вот каково было отношение Соловьева к идее Федорова. Это только я и хотел сказать в своей заметке, напечатанной ныне в 3-й книге журнала «Вопросы Философии и Психологии», и никогда не считал Соловьева правоверным учеником Федорова, что и выразил в словах: «*по крайней мере тотчас по прочтении рукописи* и Соловьев был увлечен реализмом Федорова» (стр. 407-я). Для меня, однако, несомненно, — повторяю это еще раз, — что, сходясь с Федоровым, Соловьев с ним соглашался и соглашался не в идее только, но и в самом способе осуществления этой идеи, хотя отойдя от Федорова и встретившись с г-м Лопатиным, он мог, по

свойству своей природы, смеяться над тем, что сейчас лишь признавал*.

На стр. 418-й Вашего мне ответа Вы говорите, что Федоров, «хотя и называет воскрешение смерти нелепостью, — мечтает при помощи знания сложить тела отцов, какие они имели при кончине, — иначе говоря, — воскресить тело непрославленное, душевное»¹³³. «И это не случайность», — говорите Вы дальше, — «для мыслителя, отвергающего все мистическое как колдовство: к иному результату, кроме оживления трупов, естественный, научный способ воскрешения привести не может».

Что же, однако, это значит? Пока в человеке — дыхание жизни, он не труп; почему же, когда в то, что стало трупом, возвратится дыхание жизни, почему это все-таки будет труп, почему это будет оживлением трупа, а не того человека, который только потому обратился в труп, что от него отлетело дыхание жизни? И почему это будет, по Вашим словам, воскрешением смерти? Воскрешение Лазаря было ли воскрешением трупа? Разве воскрешенный Лазарь имел тело прославленное? И разве при всеобщем воскресении все восстанут в телах прославленных, а не в тех, в которых умерли?! В таком случае что же это будет за воскресение — не будет ли это — новое творение? Но творение есть дело исключительно божественное, и как же можно говорить при этом о каком-то богочеловеческом деле воскрешения, как можно говорить при этом (стр. 419-я Вашего ответа мне) о воскрешении как о деле *совместном, совокупном* Бога и человека?! По мысли Федорова, согласно с мыслью пророка Иезекииля и, надо думать, со вселенско-христианской, мертвые воскреснут в тех именно телах, в которых умерли; но, по мысли Федорова, они будут воскрешены теми, которые уже достигли бессмертия, т. е. такого состояния, при котором не будет непрерывной траты и обновления, не будет нужды питаться другими организмами, умерщвляя низшую тварь (Ваши слова), не будет и деторождения, т. е. умершие будут воскрешены теми, которые успели и сумели *преобразить* свою плоть из тела душевного в тело духовное, — почему же воскрешенные, хотя они и воскреснут в той же плоти, в которой умерли, почему

* На стр. 413—414 ответа мне князя Трубецкого говорится: «Мне приходилось неоднократно говорить с Соловьевым о Федорове, начиная со 2-й половины восьмидесятых годов. Хорошо помню, что он говорил с величайшим сочувствием о поставленной Федоровым цели, но при этом относился весьма скептически к его естественнонаучным способам воскрешения мертвых. Л. М. Лопатин, на которого сылаюсь с его разрешения, заявил мне, что над этими “естественнонаучными способами” Соловьев даже *посмеивался* (конечно, как над чудачествами любимого и уважаемого им человека)».

они должны остаться в том же состоянии, в каком были, и не могут дойти до такого *преображения* плоти, до какого дошли их воскресители? Не вернее ли будет допустить, что воскрешенные достигнут своего *преображения* с помощью своих воскресителей легко и скоро, хотя бы воскрешенные и были Нерон, Атилла или же какой-либо каннибал?¹³⁴

Я должен сказать, что Федоров ни на какие научные изобретения в деле воскрешения не рассчитывал; на стр. 287-й I-го тома «Филос. Общего Дела» говорится: «Не нужно думать, чтобы мы надеялись на открытие какой либо силы, специально назначенной для восстановления жизни; мы полагаем, что обращение слепой силы природы в сознательную и есть это средство». Точно также низводить Христа с неба усилиями науки Федоров не дерзал и не собирался*, так как верил обещанию Спасителя, что Он будет с избранными во Имя Его, а, по мысли Федорова, для дела воскрешения, для дела Христова, Который говорил о Себе — «*Я воскрешение и жизнь*»¹³⁵, — надлежит собрать весь род человеческий.

И как возможно приписывать Федорову, будто в деле воскрешения он рассчитывает только на одностороннее действие человека без участия Божественной благодати, когда — по его мысли — осуществляя дело воскрешения, род человеческий исполняет лишь волю Божию и есть лишь орудие Бога в этом деле. И почему нелепа и кощунственна мысль, что воскрешение может и должно быть достигнуто естественными силами, естественными средствами, — ведь все эти силы и средства *Бога создание, предназначенное к совершенству*. Совершенство создано быть не может; всякое создание, творение, как тварь, т. е. нечто несамостоятельное, уже по этому самому не может быть совершенством; но Господь, создав мир, природу, вложил в свое создание все необходимое для достижения совершенства; и из него же, из этого мира, как Еву из ребра Адама, Бог создал существо, одаренное разумом, т. е. способностью познать созданное Богом, и, познав, взять в свое управление природные силы; Господь создал это существо как свое орудие для действия чрез него на мир, на естественные силы природы. Познание и есть наука, которая будет не пустым, ни на что не нужным занятием только тогда, когда поставит своею целью внесение разума и жизни в слепую и мертвую природу. В настоящее же время наука, при настоящем ее направлении, когда пути ее расходятся с путями Христа и галилейских рыбаков, — как это Вы признаете в 7-ой главе Вашей книги о Соловьеве, в которой говорите о

* На стр. 419 вышецитированной статьи говорится: «Ясно, что никакие научные изобретения не могут прославить тело человека славою божественною...» «Не ясно ли, что никакими усилиями науки нельзя низвести Христа с неба...»

влиянии на него Федорова, — конечно, игра, не стоящая свеч. Для воскрешения, как понимает его Соловьев, требуется, по Вашим словам (стр. 420-я ответа мне), полное и коренное изменение не только законов жизни, но и самых законов вещества, и это возможно только для творческой силы Божества. «Тварь воскрешая, с этой точки зрения, в полном смысле слова тварь новая», — говорите Вы. Не следует ли заключить из этого, что, по мысли Соловьева, Бог создал не то, что было нужно, а потому все созданное и должно погибнуть? Хотя при этом и говорится о каком-то воскрешении, но что же это за воскрешение, если воскрешенное есть в полном смысле слова тварь новая? Так ли это?

По мысли Федорова, всеобщее воскрешение есть полное преобразование вселенной, но силами того же вещества, которое создано Богом. В зачаточном состоянии такое преобразование содержится в мире и теперь, хотя в настоящее время, по слепоте природных сил, жизнь и попирается жизнью; когда же эти силы прозреют (прозрение уже началось в человеке, который есть та же природа, но обладающая сознанием, способностью оглянуться, посмотреть на себя), тогда этими самыми силами и преобразится мир, и силы вещества будут уже не умерщвляющими, а живородящими. И почему мысль Соловьева, который обвиняет Бога в неудачном творении, ожидает или даже требует от него нового творческого акта и тем устраняет человека от всякой серьезной деятельности, обрекая его на одну суету, — почему эта мысль шире мысли Федорова, который никакого обвинения на Бога не возводит и, признавая человека орудием Божественной воли, открывает пред человеком безграничное поприще деятельности?

Затем Вы указываете на различие взглядов Соловьева и Федорова на грех, вопреки высказанному мною мнению, что Соловьев был, надо думать, — как я выразился, — согласен с Федоровым, утверждающим, что *незнание* и есть величайший смертный грех, а не с князем Трубецким, полагающим, что «с христианской точки зрения смерть есть последствие греха, а не *незнания*». <...>

Должно, однако, сказать, что, признавая *незнание* за смертный грех, Федоров возлагал надежду не на теоретическое, бездейственное знание, которое и Федоров считал вполне совместимым с понятием злого духа. Теоретическое лишь знание, не прилагаемое к делу, к жизни, ничего не дает, ни от чего не спасает и не удерживает; при таком знании люди вынуждены делать не то доброе, которое хотят, а часто то злое, которое ненавидят, как это сказано еще апостолом Павлом¹³⁶. По мысли Федорова, *знание проактивно*: всякое знание есть лишь проект, который должен быть осуществлен. Так, знание астрономическое, астрономические исследования есть не что иное, как рекогносцировки в иные миры, которые должны стать поприщем деятельности человеческого

рода; человек должен приобрести и несомненно приобретет, способность посетить и населить все миры вселенной. Лингвистика суть попытки создать общий язык, необходимый при общем деле, [— язык], в основе которого должны быть положены забытые корни прародительского языка.

По мысли Федорова, всякий делающий должен быть и исследователем того дела, в котором участвует, должен быть исследователем и учителем, вводящим в свое дело подрастающее поколение. По его мысли, все учреждения — судебные, административные, правительственные и общественные — должны образоваться из себя ученые общества, изучающие, по архивным документам, прошлую жизнь свою в видах установления причин тех жизненных явлений, которые вызвали необходимость данного учреждения, чтобы, действуя на причины явлений, дать жизни должное направление, чтобы, действуя на причины возникновения, например, преступлений, — число которых растет непомерно и души суды наши, — уменьшить, а затем и совсем их уничтожить. По мысли Федорова, учителя всех учебных заведений, не только высших и средних, но и низших, должны быть исследователями той местности, где находится учебное заведение, — во всех отношениях, и вводить в эти исследования учащихся, т. е. — при всеобщем обязательном образовании — всех рожденных и живущих, без всяких исключений. Все добытое такими исследованиями, опытами и наблюдениями, метеорическими, сейсмическими, астрономическими и всякими другими, должно восходить из низших учебных заведений в средние, из средних в высшие и из высших, наконец, в одно центральное учреждение, в Академию, выводы которой из всех таким образом полученных наблюдений должны нисходить обратно во все высшие, средние и низшие учебные заведения, которые все должны быть в постоянных взаимоотношениях. В конце концов все учреждения составят одно и всеобщее обязательное образование сольется со всеобщее обязательной повинностью защиты отечества, т. е. с воинскою повинностью, которая из орудия борьбы с себе подобными обратится в орудие борьбы с слепыми силами природы, с голодом, болезнями и самою, наконец, смертью. Весь род человеческий преобразится, таким образом, в союз отцов и матерей для воспитания, *образования* сынов и дочерей, в союз отцов и матерей, воспитывающих, *образующих* сынов и дочерей, как одного сына (под сыном разумеется и дочь), сына единокровного, носящего в себе образ *Отца*. «Таков первоначальный смысл “образования”, ныне произвольно понимаемого и применяемого в деле просвещения», — говорит Федоров на стр. 78-й I-го т-*ома* «Философии Общего Дела».

При такой организации знания, науки, т. е. *ума человеческого*, теперь в разброде находящегося, при такой организации, обнима-

ющей весь род человеческий и направленной к осуществлению дела Христова, *воскрешения*, при участии, следовательно, Самого Христа, Бога Нашего, согласно Его обетованию, вначале невидимом, а затем ясно ощущаемом, будет ли что-либо невозможное, недостижимое для этого ума, который, по Вашим словам, действует только там, *где может?* И неужели же Дух Божий, Который *«дышит, где хочет»*¹³⁷, не захочет воодушевить этот ум и сделать его всемогущим? И неужели же эта мысль, изложенная здесь по необходимости слишком кратко, мысль, открывающая[ся] человеку, не в отдельности каждому, а союзу людей, постепенно расширяющемуся на весь род человеческий, менее широка, чем мысль Соловьева, по которой человек лишен всякой возможности действовать и должен оставаться лишь в ожидании, не будет ли он удостоен Божественной благодати, а как достигнуть того, чтобы быть удостоенным, неизвестно, да, по всей вероятности, никакое достижение и невозможно, вопреки словам Самого Господа, что Царствие Божие нудится, силою берется, потому что благодать будто бы дается по избранию (*«Дух дышит, где хочет»*), а не по заслугам, не по труду.

По мысли Федорова, истинное знание требует, чтобы исследования производились *всеми, всегда и везде*, а опыты не ограничивались бы лабораториями и физическими кабинетами, приложение же добытого этими учреждениями не должно ограничиваться приложением лишь к фабричному и заводскому производству; по его мысли, самыми необходимыми и наиболее полезными участниками в научных исследованиях и наблюдениях будут крестьяне-земледельцы; и только чрез крестьян-земледельцев найдут свое приложение самые высшие и широкие научные выводы, не имеющие ныне никакого приложения не потому, что они не приложимы, а только потому, что настоящая жизнь наша слишком узка; для нашей настоящей, теперешней жизни совершенно достаточно кое-какой грамотности и четырех правил арифметики; да и это нужно только горожанам, крестьянам же земледельцам, пока они не стали наблюдателями и исследователями того дела, которым занимаются, не нужно ни грамотности, ни арифметики, поэтому окончившие курс сельских школ вскоре опять становятся безграмотными.

Из Ваших слов, что *«высшее знание, которое управляет стихиями, — насколько такое управление возможно, — неизбежно является делом умственной аристократии»* (стр. 424-я Ответа мне), я заключил, что Вы совсем не знакомы с Федоровым, иначе Вы этого не сказали бы и признали бы, что учение о воскрешении есть самое демократическое, исключающее все аристократическое. В одном письме, которое будет напечатано в 3-м т<оме>, Федоров, между прочим, говорит: *«Меня чрезвычайно удивляет, почему это самое*

демократическое учение, которое бессмертие, принадлежащее человеку будто бы по праву рождения, заменяет бессмертием, приобретаемым трудом, трудом не эгоистическим, трудом общим, совокупным, братским, трудом не для самого себя, а для родителей, предков, тех самых, которых народ своими причитаниями старается вызвать из могил, — заменяет работою над прахом, тленом, вместо чистенького труда над своею душою, над мыслями, вместо исключительной заботы о спасении своей души, — почему это учение, никогда не отделяющее себя от других, желающее трудиться для всех и со всеми, т. е. со всеми живущими для всех умерших, — почему это учение признается самими аристократами, не молодыми, а старыми, гордостью, и особенно философами и учеными. Эти последние уже самоотверженно готовы пожертвовать своею будущею жизнью, в которую не верят, для блага потомства»¹³⁸.

После всего сказанного я считаю себя вправе не согласиться с Вами и утверждать, что признание, сделанное Соловьевым в первом письме его к Федорову, в котором Соловьев говорит, что цель федоровского проекта заключается в том, *«чтобы общим делом спасти все человечество»*, и что *проект этот «есть первое движение человеческого духа по пути Христову»*, — слова эти вовсе не были преувеличением и результатом поспешного, поверхностного знакомства с произведением Федорова, как Вы это говорите, но искренним признанием величия того, с чем познакомился Соловьев. Самое название прочитанного *проектом* и самое признание цели этого проекта в том, *«чтобы общим делом спасти все человечество»*, свидетельствует, что, прочитав данную ему тетрадку, Соловьев понял ее надлежащим образом. К сожалению, Соловьев обладал свойством, поддавшись искреннему влечению ума и сердца, переходить потом в настроения иного сорта под влиянием соображений *«публичного свойства»*, как он выразился в одном письме к Н. Ф. Федорову (пред рефератом о средневековом мировоззрении), а также, вероятно, и под влиянием соображений *«свойства личного, личного самолюбия и т. п.»* Такие переходы в отношениях к Федорову у Соловьева были не один раз. Я думаю, что и обещание приехать в Керенск Соловьев не исполнил вовсе не потому, что не попал в Липяги к Цертелеву¹³⁹, а просто потому, что после данного обещания ему пришло в голову соображение, не слишком ли большою с его стороны любезностью будет такое посещение.

Просить Вас самих напечатать это письмо я не решаюсь, но считаю долгом предупредить, что оно будет опубликовано. Ваш ответ я не могу, *не должен* оставить без возражения.

Г. Зарайск, 21 июля 1913 года.

Е. Н. ТРУБЕЦКОЙ — Н. П. ПЕТЕРСОНУ¹⁴⁰

28 июля 1913. ст. Пятовская

Милостивый Государь
Николай Павлович

Очень Вам благодарен за пространное письмо Ваше. Всякие попытки освещения в печати отношений Федорова и Соловьева я, разумеется, могу только приветствовать, хотя, конечно, всякие истолкования этих отношений, бросающие тень на характер покойного В. С. встретят с моей стороны самый решительный протест.

Согласиться с Вами не могу по многим причинам, о которых не могу писать, т<ак> к<ак> это потребовало бы слишком пространного изложения. Скажу лишь вскользь, что идеал «новой твари», отвергаемый Вами, принадлежит не мне, а апостолу Павлу (Галат. VI, 15), что этот же апостол решительно отвергает федоровскую мысль о воскрешении людей в *том же виде*, в каком они умерли (1 Кор., XV 42, 43) и особенно Кор. XV 51 и след. — о *всеобщем изменении* при воскресении. Самое же главное — в том же [что] истинное воскресение есть совершенное *соединение* Бога с человеком, последствием чего является упразднение смерти. Как оно осуществляется, это знают (мистически, а не научно) *младенцы* бесконечно лучше «мудрых и разумных».

Ввиду решительной необходимости сделать выбор между Федоровым и Евангелием, я разумеется, не колеблясь ни минуты, выбираю последнее.

Искренно Вас уважающий
Кн. Е. Трубецкой.

Н. П. ПЕТЕРСОН — Е. Н. ТРУБЕЦКОМУ¹⁴¹

29—30 июля. Зарайск

Буду очень рад, если Вы найдете возможным истолковать отношения Соловьева к Федорову так, чтобы они не бросали тени на характер В<ладимира> С<ергееви>ча, и никакого возражения в этом случае Вы с моей стороны не встретите. Относительно необходимости выбора между Федоровым и Евангелием опять повторю, — только по незнакомству с Федоровым Вы думаете, что нужно делать этот выбор. Я сам из неверия пришел ко Христу и Евангелию чрез Федорова и думаю, что наша интеллигенция, почти сплошь неверующая, придет к вере только чрез Федорова. «Истинное воскресение есть совершенное *Соединение* Бога с человеком, последствием чего является упразднение смерти», говори-

те Вы; Но соединение, а не *слияние*, с Богом и есть идея Федорова, который основу учения о Троице видит в молитве Господа Нашего Иисуса Христа «*Да будут едино как Ты, Отче, во Мне и Я в Тебе, так и они (мир, род человеческий) да будут в Нас едино*». Что касается ап. Павла, то несмотря на высоту и глубину его писаний, у него есть также «ина слава солнцу, ина слава луне, ина слава звездам, но и звезда от звезды разнствует»¹⁴², — не значит ли это переносить и на небо то, что разъединяет нас здесь на земле, возбуждает в нас зависть друг к другу, а зависть родит ненависть и все ужасы человеческой жизни. И как возможно сиять разную славою при соединении с Богом*. Что касается приведенных Вами текстов из ап. Павла, то ни один из них не противоречит учению о воскрешении, а выражение «*новая тварь*» употреблено вовсе не в смысле нового творческого акта. А если младенцы бесконечно лучше мудрых и разумных знают, как осуществится воскресение, т. е. самое важное и главное, то зачем тогда наука, профессора, университеты, зачем тогда освещение в печати отношений Федорова и Соловьева. По мысли же Федорова, узнают это те, кто, достигнув совершеннолетия, т. е. развив свой ум, сохраняют детскую, младенческую чистоту; только разумные и мудрые, а вместе и чистые, в разум истины приидут и будут едино с Богом¹⁴⁴.

А. Ф. ФИЛИППОВ — Н. Н. ЧЕРНОГУБОВУ¹⁴⁵

28 июля 1913. Санкт-Петербург

<...> Добавьте, когда будете отвечать (но прошу приличным, а не тем ажурным почерком, как у Вас бывало) — есть ли у Вас здоровье и хорошее настроение духа и желание вновь встретиться со мной, всегда Вас любившим. Жива ли Ваша матушка, моя — умерла. Я, уже старый, и, вероятно, тоже близкий к смерти, чувствую себя сиротой и каким-то маленьким. Вот что значат матери. Но Вы свою еще берегли, а я... Не хочется вспоминать. <...>

Нельзя ли поручить какому-либо магазину выслать мне материалы о Николае Федоровиче на «Дым Отечества», наложив платеж на посылку?

А. Ф. Филиппов.

* Об ап. Павле говорится в первой статье моей книги — «Н. Ф. Федоров и его книга «Философия» Общего Дела в противоположность учению Толстого «о непротивлении», — и другим идеям нашего времени»¹⁴³.

ИЕРОМОНАХ ВИТАЛИЙ (СТАРКОВ) — Н. П. ПЕТЕРСОНУ¹⁴⁶

1 августа 1913. Пост Сарай

Ваше Превосходительство,
Милостивый Государь
Николай Павлович!

Деньги переведены мною для уплаты стоимости посланных Вами мне двух книг. Зная, какие расходы приходится Вам делать по изданию книг, я считаю даже нечестным для себя не уплатить такой небольшой суммы денег.

Второй том сочинений Н. Ф. Федорова я прочитал весь. Читается он после первого тома легко. Даже внешность издания этого тома много этому помогает. Вы рекомендовали обратить внимание на статьи об искусстве и Музее¹⁴⁷. Как высоко, правдива и жизненна теория искусства Н. Ф. Федорова! Как далеки от нее и ничтожны и теория «искусства для искусства», и разные теории утилитарного искусства. Там цели искусства или бесцельная забава, или служение прихоти и даже похоти. Н. Ф. же дает искусству великое назначение быть священнодействием восстановления всего пораженного тлением и смертью в нетленной, бессмертной и боголепной красоте. Тут и величие задачи, и богатство средств для выполнения ее. И только при этой верховной цели искусства возможно согласие между <н>им и религией, так как всякая другая красота и служение ей считается религией заблуждением и падением. Это же самое возвышает искусство до полного согласия и равенства с отвлеченною наукою, так как здесь искусство является полным и совершенным осуществлением и идей «чистого мышления» (по Канту), и выводов точного знания. Под впечатлением статьи Н. Ф. об искусстве я припомнил некоторые места Священного писания, имеющие отношение к искусству, и меня удивила полная непогрешимость Н. Ф. против Слова Божия. Вот, например, в книге Премудрости Соломона 14 гл. 15 ст. указано начало языческого искусства: «Отец, терзающийся горькою скорбью о рано умершем сыне, сделав изображение его, как уже мертвого человека, затем стал почитать его как Бога, и передал подвластным тайны и жертвоприношения». И вот это творение мертвых подобий и стало уделом языческого искусства, за что оно и понесло тяжелое осуждение и проклятие в Слове Божиим. А вот начало истинного искусства: «И устроят они мне святилище, и буду обитать посреди их. Все (сделайте), как я показываю тебе, и образец скинии и образец всех сосудов ея; так и сделайте» (Исход 25 гл. 8—9 стихи). Вот разница между истинным искусством и ложным: «Благословенно дерево, чрез которое бывает правда! А это рукотворенное проклято и само и сделавший его!» (Прем. Солом. 14 гл.

7 и 8 ст.) Вот отношение христианства к ветхозаветному искусству: «Она (скиния) есть образ настоящего времени, в которое приносятся дары и жертвы, не могущие сделать в совести совершенным приносящего» (К Евр. 9 гл. стих 9). «Но Христос, Первосвященник будущих благ, пришедши с большею и совершеннейшею скиниею, нерукотворенною, то есть не такового устройства... однажды вошел во Святилище и приобрел вечное искупление» (Там же. 11—12 ст.). Я понимаю это как указание на то, что в Ветхом Завете не было совершенного идеала для искусства, а теперь он есть в лице Христа. Вся тяжесть осуждения языческого искусства словом Божиим заключается в указании мертвенности его творений и приписывании им несуществующих качеств и действий и притом характера противоположного богоугодной нравственности. Следовательно, истинное искусство должно творить живые подобию совершеннейшего идеала Сына Человеческого, данного нам в Богочеловеке Иисусе Христе. Наконец, даже и для подтверждения того, что общая и последняя цель всех видов искусства есть восстановление умерших поколений, есть в Священном писании ясные и точные указания: «изреки пророчество на кости сии, и скажи им: “Кости сухия! Слушайте слово Господне”. Так говорит Господь Бог костям сим: вот я введу в вас дух и оживете. Я изрек пророчество, как повелено было мне... и вошел в них дух, и они ожили, и стали на ноги свои — весьма, весьма великое полчище...»¹⁴⁸ Вся 37 глава Книги пророка Иезекииля говорит об этом. Достоин примечания, что дело оживления мертвых костей Бог поручает человеку. А вот Слова и Господа Иисуса Христа: «Истинно, истинно говорю Вам, наступает время, и настало уже, когда мертвые услышат глас Сына Божия и, услышав, оживут» (Ев. Иоан. V. 25). Можно даже полагать, что и это произойдет чрез живущих на земле людей, ибо и это слова нашего Господа: «Аз есмь с вами до скончания века»; «где два или трие собрани во имя Мое, ту есмь посреде их»¹⁴⁹.

В статье «о музее» Н. Ф. имеет целью воплотить в конкретные формы выводы своего учения, показывая и практическую осуществимость и даже логическую необходимость этой осуществимости, без чего утрачивается всякая ценность и самого учения. И с какою убедительностию он это делает! Его рассуждения о всеобщей воинской повинности: о роли ее для метеорической регуляции и насаждения мира в мире¹⁵⁰, я думаю, могут быть лучшей апологией военного дела, и какую бы пользу принесли они обществу для освобождения его от гипноза кошмарных учений и «непротивления злу», и ницшеанского своеволия, и дерзости на все «сверхчеловеков», и заблуждений социализма. В Сараях нашлись люди, заинтересовавшиеся философией Н. Ф. Командир Отдела, подполковник Т. И. Мельников (знает Вас по Асхабаду) читает I-й том, а врач

Н. М. Емельянов читает II-й. Мнение свое пока мне не высказывали. Дождемеры я получил, но до поздней осени наблюдений производить не над чем, так как здесь все лето нет ни дождя, ни других атмосферных осадков, кроме росы. Термометры же пока выверяются в Обсерватории. Занятия в школе, главным образом по причине сильной жары, прекратились до сентября месяца. Относительно о. протоиерея М. В. Колобова¹⁵¹ я точных сведений, после отъезда из Асхабада, не имею. Проводивши Нового Пресвященного из Асхабада, он говорил, что доволен его отношением к нему. А потом до меня доходили слухи, что над о. протоиереем назначено следствие и он переводится из Асхабада в Баку.

Не откажите мне в почтительнейшей просьбе по выходе из печати 3 тома сочинений Н. Ф. Федорова послать мне 1 экземпляр книги.

С совершенным почтением и глубокою преданностью, имею честь быть Вашего Превосходительства нижайшим слугою и смиренным богомольцем

Недостойный иеромонах Виталий.

Пост Сарай

1913 года августа 1 дня.

В. А. КОЖЕВНИКОВ — П. А. ФЛОРЕНСКОМУ

Начало сентября 1913. Исар

<...> Теперь несколько слов по поводу Ник. Фед-ча, хотя слишком обильные, по необходимости, споры о нем с Петерсоном, по поводу его полемики с Трубецким¹⁵², несколько набили мне оскомину в этом отношении, так что я ограничусь сейчас лишь немногими замечаниями, предпочитая более обстоятельную беседу отложить до личного свидания. Во всяком случае, я очень рад, что свое отношение к учению Н. Ф-ча Вы определили и решительно формулировали. Правда, Вы ждете разъяснений и притом от меня! Боюсь, я не возьмусь за трудную задачу давать их для печати, да и если бы взялся за это, я почти уверен, что то, что было бы предъявлено, в качестве разъяснений, не уменьшило бы Вашего отрицательного отношения, а скорее подкрепило его. Дело в том, что едва ли есть возможность произвести удовлетворительное уравнение между *личною* религиозностью и православностью Ник. Ф-ча, которые для знавшего его непосредственно — несомненный *факт*, и степенью религиозности и православности его *доктрины*, за безупречность каковой в этом отношении я не поручусь, хотя старику искренне казалось, что учение его безусловно-религиозно и

чисто-православно. Переоценка естественных средств спасения человечества (самим человечеством) и недооценка значения средств благодатных в учении Н. Ф-ча для меня очевидна, не только в изданном, но и в неизданном и в неписанном, а также и в том, что сквозило в беседах с ним. Он не сознавал сам, каким минимумом Благодати обходился он и на что сводил и этот минимум. Но именно потому, что он этого не сознавал и не видел опасностей, отсюда вытекающих, он и ограничился в писанном тем, что есть, и не ставил дальнейших вопросов об отношении своего всечеловеческого дела к делу божественному. Если же признать, что все существенное, свойственное Н. Ф-чу, уже *высказано* им, тогда это учение не для Вас одного, но и для меня неприемлемо и окажется в противоречии непримиримом с учением Церкви. Петерсон имеет бестактность и самоволие настаивать на том, что будто бы все сказано Н. Ф-чем, что он мог бы сказать, и что это есть своего рода божественное откровение, и писания Н. Ф-ча в этом смысле он признает богодухновенными. Эту уверенность, что все существенное уже Н. Ф-чем высказано и что все высказанное ясно и безупречно, Петерсон, выразил и в переписке с Трубецким. И вот тогда Трубецкой и поставил ему дилемму: «в таком случае приходится выбирать между Евангелием и Федоровым, и я (Ев. Н. Т<рубецк>ой), не колеблясь выбираю Евангелие!»¹⁵³ Я насилу удержал Петерсона от новых полемических выпадов, которые эту жестоку альтернативу распространили бы во всеобщее сведение (через «Новое Время»). Но удерживал я его не по одним тактическим соображениям, а и потому в особенности, что я, знавший Н. Ф-ча не меньше, чем Петерсон, далеко не убежден, что в напечатанном и написанном Н. Ф-м содержится все, что можно вывести из его главных мыслей. Я убежден, что если бы при жизни Н. Ф-ча вскрылись опасности, уже теперь обнаружившиеся, он, с присущей ему осторожностью к самому себе, опять стал бы проверять себя, сознал бы и недостаточность выраженного (в написанном) участия Благодати и, быть может, значительно смягчил бы рационалистически-материалистическую тенденцию своего учения и одумался бы относительно своего нерасположения к мистическому элементу. Я имею основание думать это потому, что словесно и в письмах он многократно высказывал, что «ничего так не боится, как того, что “передовые” и неверующие “пожалуют” его в атеисты, от каковой чести он наотрез отказывается». И вот, чтобы предупредить эту опасность «искажения его» («самого грубого», как он выражался), он и вверил рукописи мне, смотря на них всегда как на незаконченное и несовершенное и высказывая, что он боится не только атеистического усердия таких лиц, которые выведут его в атеисты, но и апологетического усердия Петерсона, которого именно за его опрометчивую решительность в защите счи-

тал опасным, что сейчас (в инциденте с Трубецким) блестяще подтвердилось.

Не знаю, проливают ли эти строки что-либо новое Вам относительно Н. Ф-ча и его собственного отношения к его учению. Я же прибавлю только следующее: в разъяснении затронутого здесь недоразумения, по моему убеждению, вся судьба учения Н. Ф-ча. Опасность истолкования его учения в смысле *только* рационалистическом и материалистическом *есть*; опасность эта велика и в *значительной степени основательно мотивирована*, если ограничиваться тем, что было писано Н. Ф-чем. Доказать возможность переделки учения с сильным уклоном в сторону религиозную (поднятие значения благодатных средств общечеловеческого дела) не легко, а для лиц, лично не знавших старика, едва ли и возможно. Вот почему большие есть шансы за то, что, если внимание к этому учению будет расти, признаки чего имеются, оно будет истолковываться все более и более рационалистически и материалистически, пока из него, как ненужную (органически) привеску, вовсе не выбросят участие Бога в устройении спасения мира. Это будет, с точки зрения Н. Ф-ча, «грубое искажение», но повод к коему им дан (как он и сам мне говорил). Свенцицкий и Брехничев с их увлечением идеями Н. Ф-ча, есть, ими, может быть, и не сознаваемый, переход к такому искажению. Сергей Ник^{олаевич}¹⁵⁴ также вполне допускает в будущем «использование» учения Н. Ф-ча неверующими в вышеуказанном смысле. А с другой стороны, в письмах и личных беседах, я встречаю очень не мало лиц, которые убеждены в глубокой религиозности идей Н. Ф-ча и ценят их именно с этой стороны и допускают, что воскрешение по его учению нельзя понимать как осуществляемое только вещественно, только материалистически. Вот какие трудности возникают и растут с каждым днем! Я ждал сначала полного равнодушия к Н. Ф-чу и даже осмеяния, как сумасбродства. В этом я, очевидно, ошибся. Среди «патентованных» философов он заранее осужден на пренебрежение, ибо совсем не подходит под требования, предъявляемые к типу философа, по школьным правилам созданному. Но среди философствующих разночинцев и плебеев интерес к нему обнаруживается, не говоря уже об отдельных, хотя и не многих, настоящих философских умах, не ограничивающих Софию рутинно-школьными рамками.

Я не касался Вашего главного предубеждения против «Старика» — его «вторжения в *святылище* Смерти»... Вот об этом хотелось бы когда-нибудь побеседовать с Вами лицом к лицу. Здесь — столкновение с «Федоровианством» более коренное, чем всякое иное, и по этому пункту жажду пояснений с Вашей стороны. <...>

Д. Ф. ПОПОВ — Н. П. ПЕТЕРСОНУ

Вторая половина сентября 1913. Пенза

<...> 14 сентября состоялось празднование 1600 летия Миланского эдикта; пришлось приготовить для произнесения в училище речь, и дух Н. Ф. Ф., поскольку им удалось проникнуть изложение, поднимал с собой в новый мир понятий о людях, жизни и целях и излагавшего, и слушателей...

Относительно Вашей статьи¹⁵⁵ могу пока сообщить следующее: три раза была прочитана в трех местах, два раза со взрослыми, один раз с учениками-реалистами; статья вызвала оживленнейший обмен мнений, особенно среди ученического (библиотечного) кружка, постановившего Н. Ф. Ф. сделать своим патроном-покровителем и час-два в неделю читать после уроков его произведения...

Сегодня вечером статья будет прочитана еще в одном доме с добавлением Михаила Николаевича¹⁵⁶, присланным Вами, за которое очень благодарю. Напечатать статью еще не удалось: начну хлопотать всеми мерами в этом направлении через учителей Духовной Семинарии; жаль только, что одного из них, заинтересовавшегося более других, бравшего у меня оба тома на лето, обещавшего прочесть в Семинарии реферат, перевели в августе в Вятку... (Лавров); остается еще один — преподаватель логики и философии... Экземпляры (три) — каюсь — еще не передал в библиотеки Учительской Семинарии и Духовной: находятся пока на руках читателей; боюсь, что из директорских рук они дальше полук не пойдут за незнанием их учителями, а теперь их все же читают*; буду просить у Вас и Вл. Ал. Кожевникова срока с месяц, пока среди преподавателей этих заведений книги Н. Ф. не будут достаточно известны, к чему прилагаются старания... В ближайшем времени почту долгом прислать Вам 5 объемистых писем с жестоким критикой Н. Ф. Ф. одного из местных читателей, пишущего иногда в журналах (юридического содержания). Он выразил желание, чтобы его критика была прочитана и другим читателям Н. Ф. Ф., в том числе и учащимся (кружку); как только это будет сделано, письма перешлю Вам... Думаю, что результат чтения будет несколько иной, чем предполагает автор... <...>

* 1 экзempl<ар> взят до Рождества студентом Сельско-хозяйственно-го института (СПб.); почти специально за ним приехал в сентябре.

В. Н. ХОМУТСКИЙ — Н. П. ПЕТЕРСОНУ¹⁵⁷

Вторая половина октября 1913. Пехлец

Дорогой мой
Николай Павлович!

Посылаю я вам свою рукопись, писал на тему Федорова, писалось легко, а потом очень было чижало. <...> Шлю я вам свой привет и поклон всем и вашему семейству. Будьте здоровы. Желаю вам всех благ, В. Н. Хамуцкий.

ПРИЗЫВ ЖИЗНИ.

Найден:

Смысл и цель жизни

Гениальным человеком, философом Николаем Федоровичем Федоровым,
и его сотрудников, Великих людей, В. А. К. и Н. П. П.¹⁵⁸,
в его сочинении Философия Общего дела, том 1-й

Это Бог говорил устами Николая Федоровича, раскрыть и вразумить всему человечеству смысл и цель жизни. Я по крайней мере нашел его в его произведении, Философия Общего дела, том 1-й. А я искал 30 лет, искал его везде, начал искать я с ученых, начиная с Сократа и других подобных философов, которые говорили и учили: познай себя и далий никуда, и закончил я свое искания Львом Николаевичем Толстым. Этот учил и говорил нам опроститься, духовно возрождаться и неделания; я взял последнее, не делать, не думать о жизни, не верить ни во что и никому. Ни в Бога, ни в религию христианскую, ни в ученых людей, ни в науку, ни в людей, ни в церковь, ни в духовных, да и себе-то я почти не верил, и до того дошел, ни тела, ни души — разом точно сморщенное Яблоко на солнце, в котором ни соку, ни свежести нет, только и видим в нем одни сухие морщинки, и вот я в таком положении и проживал, дорогой мой брат, без души и тела, и только и думал, для чего и на что это всё есть, рождаются, живут, стареют, хворают и всему конец смерть, по учению Ницше, кажется, он говорил: помирает и опять родится, это какое-то колесо безвыходное, одна бессмыслица выходит. Конечно, дорогой мой брат, не один я на свете наверно был похож на сморщенное яблоко, наверно и другие есть, похожие на сморщенное яблоко без тела и души, и тоже повторяют.

На что и для чего все это, конечно, мучительный этот вопрос, на что и для чего и где этому был исход и смысл, в чем — в здравии?

это тоже временно, нонче здоров, завтра болен; в работе тоже — нонча работал, завтра заболел, работа осталась; в науке тоже — поучился, пожил, потом помер; в деньгах тоже нет, в роскоши тоже. Ни жизни, ни смыслу нет, всему этому нам препятствует болезнь, старость и смерть, все наше остается другим и выходит так, ничто иное вертения колеса, одна и тоже и опять снова здорово за вопрос, на что и для чего. Конечно, дорогой мой брат, тогда смысл был бы, если человек не болел, не старился и не помирал, конечно, каждый человек согласился бы не болеть, не стариться и не помирать; то поэтому нужно нам что делать, на первых порах, чтобы не болеть, не стариться, не помирать и иметь смысл и цель жизни, нужно нам всему человечеству соединиться и послушать, изучить учение гениального философа, человека Николая Федоровича Федорова, в его произведении Философии Общего дела, в 1-м томе; Единственно, мы на свой вопрос найдем ответ, на что и для чего <...> когда человечество соединится и покончит с этим вопросом, тогда мы скажем: все это нужно на жизнь всему человечеству, тогда везде и во всем будем иметь смысл и цель жизни. Во-первых, хворать, хворать не будем, во-вторых, стариться и помирать тоже не будем, смерть злая нам будет не страшна, она отойдет в вечную историю, а раз смерти нет, а смысл и цель жизни есть, и будет!

Я сейчас, дорогой мой брат, я возродился душой и телом только по прочтении Н. Ф. Федорова, совершилось чудо надо мной. Морщия на теле не стало, они изгладились, получил свежесть души, разума и тела, весь я целиком оживился, а на прошлую свою жизнь оборотился и посмотрел: я точно хищный зверь был — все давай мне даровое, а я ничего кроме разрушения природных богатств, а создавать что-либо я не мог, взял в девиз существования Л. Н. Толстого неделание; как все была печальна и болезненна и ошибочна моя жизнь, а сейчас я гляжу будущему здоровым телом и душой и во всем я нахожу смысл и цель жизни. Всем нам нужно иметь трудовое, а не даровое, от природы слепой, прошлое все была ошибка моя о смысле и цели жизни, я себя не вино и других, дорогой мой брат, это ошибка была Мирровая — от великих и до малых людей конечно. У руководителей и учителей были только одни слова, да и то без начала и конца, а указывали и учили, всяк по своему, для своей партии, но не для всех людей, у Льва Николаевича Толстого — партия толстовцев, а у Ницше ницшеанцы, а у Маркса марксисты, и так далее, и в этой партийности кроме зла, вражды и разрушения ничего нет, жизненного ничего нет и не видать, только и видно одну смерть, как уничтожает партию за партией за их разрозненность, а все делалось по детскому возрасту и пониманию их. Конечно, дорогой мой брат, если быть здоровым и живым, то для этого нужно быть взрослым

ми людьми, не партийность, [а] нужно было учить и проповедовать одну цель жизни, быть здоровым, общий труд на кормилице нашей землице, борьбу [со] слепой силой природы, за трудовой наш хлеб насущный, один за всех, а все за одного.

Да нам пора уже и стать взрослыми людьми и познать смысл и цель жизни, а на это нужно всем знания; чтобы знания была всем и везде доступна как воздух, тогда каждое существо человеческое будет иметь свое назначение на нашей кормилице землице, и всем найдется дело, каждому свое, на что каждый будет способен, и все человечество объединит свои способности и заявит протест слепой природе, против неурожаев, голодовок, болезней, старости и смерти, от которой все зло у нас происходит на земле, которою мы совсем не умеем управлять по нашему младенческому возрасту. [Чтобы] быть взрослым, нужно быть знающим смысл и цель жизни, а [когда] все человечество узнает смысл и цель жизни, тогда каждый человек приложит свои знания к делу и будет совершен, как наш Отец Небесный, тогда каждый человек не будет в тягость другому человеку, а будем в радость друг другу, и всем будет дело свое назначено — дела разные, а цель и смысл жизни один у всех: борьба за жизнь вечную.

Но никак никто не будет сознавать борьбу за существование, жить и бороться меж собой — это детство наше, а за жизнь вечную — это будет дело уже взрослых, возраст есть знания, а если есть знания, то в нас существует Божественный разум, чрез разум Божественный мы все познаем и соединимся с Богом, станем орудием его святой воли и станем человекобогом, а когда все человечество соединится в человеке божь, тогда все человечество будет творить чудеса, своим трудом и знанием и волей Бога, который не желает смерти детскому возрасту. Да и смыслу нет: Отец небесный живет вечно, а дети мы умираем. Пока мы не совершенны, как отец наш Небесный, до тех пор и будем помирать, но когда будем совершенны, как наш Отец Небесный, тогда мы избавимся от этой смерти, а раз смерти нет, тогда и жизнь вечная будет, ни зла, ни страдания, ни старости не будет и тогда мы будем создавать чрез разум и по своей воле все, что существует и есть на нашей кормилице землице, все, что нужно для жизни вечной всему человечеству. Тогда создадутся люди новые, бессмертные, что смерть взяла, то снова восстановит человечество своим трудом и разумом; земля и небо будут одно целое, всем будет место и дело никто никому не помешает, в пространстве земель много, лишь заселяй и управляй и создавай; что за жизнь, я думаю, будет, одни радости, без конца, а от этого царства жизни мы, по своему детскому пониманию, очень далеко отошли и уходим с великим трудом и страданием земными и все идем по ложному пути.

Конечно, дорогой мой брат, и видим и чувствуем каждый на себе всю тяжесть земную, попробуем воротиться на тот путь истинный, который считали мы ложным, а Христос нас и по сих пор нас зовет: придите все человечество страдающие, я вас успокою и избавлю от ваших всех бед и страданий и смерти! Последуем, дорогой мой брат, за Христом искупителем рода человеческого. Он пришел и возвестил человечеству путь истинный, человечество не пошло за ним по своему непонятию, а которые и пошли, да и то ради пользы личной, как католики и их индульгенции. А почему, дорогой мой брат, не поверить и не подить за Христом, шли же мы с тобой за другими и верили им, хотя опять, с Сократа и до Толстого Льва Николаевича, одно заблуждение у нас получилось, в виде сморщенного яблока получилось, ни души ни тела у нас не осталось, была ошибка великая всех нас людей, а типеря поверим, от всего нашего разума Христу и прибегнем под защиту веры христианской. Вера и Наука выведет все человечество на тот путь, который Христос указал нам; а Гениальный Философ Николай Федорович Федоров путь Христа нам разъяснил в своем произведении, Философии Общего дела, путь к жизни вечной всему человечеству. И будет служить нам маяком вселенская Церковь, этот маяк непартийный, неклассовый, а всего человечества, будет одно стадо и один пастырь.

Бог — отец всех людей, цель Христианства такова, чтобы все соединились <...> все человечество и составляло бы одно целое, а в целом человечестве есть сила Божества, а в розни в одиночку только часть имеет Божества, один в поле не воин! Церковь нам говорит Миром молиться, а не врозь же, а христианская вера и церковь зовет всех молиться и работать над природою слепую, от которой все человечество страдает, что и разъяснил и указал нам великий Гений Н. Ф. Федоров, у него указано нам просто и логично, что делать на первых порах и о чем нам молиться и что желать нам всему человечеству. Конечно, у всех людей будет желание трудиться и бороться за свою жизнь и здоровье, а не за существование; мы сейчас только существуем, а не живем, а когда будем жить, тогда только и будет у нас жизнь бессмертна.

Конечно, дорогой мой брат, христианская религия и церковь всем доступна и всех зовет на тот путь и жизнь, который нам возвестил Христос, только стоит нам всем вникнуть в смысл Христианской Веры и ее догматы, и получим смысл жизни, также и с научной стороны <...> и тоже смысл жизни будет. А вместе взять эти две вещи, вникнуть в Веру христианскую и науку, то получится не токмо смысл, а Гениальность. Не может же быть тело без крови, так и наука без Веры и вера без науки не могут жить, наука и вера — это оно целое, все человечество, а все человечество разумное есть жизнь вечная. Сейчас у нас маленькое недоразумение

есть: Вера и наука поврозь идут, вера для всех доступна, верующих и неверующих, а наука только избранным. А нужно сделать так: как Вера доступна всем, так и наука должна быть доступна всем, как воздух. <...> Соединить науку и веру христианскую в одно целое или вместе — и тогда не будет отрывочности ни в науке, ни в религии, а получится вечный путь. <...> Вера и наука и человечество всё соединятся союзом в пресвятой Троице, нераздельной, на жизнь вечную и на дела радостей; и избавимся мы все непосильных и ненавистных нам дел, и настанет Царство Мира всего человечества, ни злобы ни вражды тогда не будет места.

А сейчас у нас у человечества одно неделание, если и делают, то делишки, на завтрашний день, чтобы провести его по-детски. Чем более просорить рублей, тем будет занятней для дитя. Да придется ли провести тот день, на который я припасал-то рубль на побрякушки? — никто не застрахован от смерти, заболел и помер, и оставайся все, что я приобрел: где же тут смысл и цель жизни? Не делишками нужно жить, дорогой мой брат, а работой, а работы на нашей кормилице землице очень много, рабочая пора настала, даровое мы все взяли, что можно было брать, надо сейчас всего для жизни себя заявлять, на каждый год и день. Лесов нет, хату сделать стало не из чего, и кирпича тоже не стало, лесу нет, обжигать нечем и топить печи нечем, дров нет, соломы нет, не стала родиться на даровщинку. Смерть со всех сторон к нам идет, так и напирает на нас, а мы все забавляемся своими делишками, даже боимся подумать, дать отпор.

Есть люди и работают по своему возрасту, только в одиночку, и очень мало их, а взрослым людям не мешало бы соединиться с малолетними людьми, для рабочей поры, а городу прийти пора к провинции, к селу и деревне, для рабочей поры. И город и деревня не смогут поодиночке вести работу с природой, а вместе все можно и доступно! У нас во время уборки хлеба работает вся семья, и стар и мал: кто косит, кто вяжет сноп, дети тащат паймочки и свяслы, кто сноп тащит, глядишь — и появилась копна хлеба, а одному все это не под силу, и все может пропасть, а может сопреть, тогда голод и смерть единице. А вся наша кормилица землица — общее поле всего человечества, тут должен работать и ученый, и неученый, и простой человек, и интеллигентный, и город и деревня, тогда составится целая семья всего человечества. Кто на что будет способен и кому что под силу будет, тот должен работать во имя жизни всего человечества, один за всех, а все за одного, тогда и будет хлеб наш насущный дан, за наш труд общий, хлеб будет жизненный, будем сыты и живы, от него не будем помирять, а будем жизнь друг другу давать; мало того, и тем жизнь дадим, которых смерть взяла, по нашему неразумению, и восставим, воскресим до единого человек, в правах жизни вечной,

которые и нам давали жизнь, хотя временную, и тогда будет всечеловеческая общая жизнь вечная.

Хотя взять продовольственные дела, неурожаи и голодовки, которые очень часто стали бывать на нашей кормилице землице. И что же делаем мы, дорогой брат? Одни столовые кормежки, ради популярности: такой-то там-то кормит людей голодающих, где едят лебеду. Это все детский возраст. Вы скажите, что же делать нам, кроме столовых, мы бессильны против неурожаев и голодовок и засух. Я очень маленький в понятиях человек, да и то могу указать на одно дело во время засух: чтобы поддержать влагу на полях с хлебами, на это у нас есть ложбины и лоцины, которые нужно с научной стороны все запрудить, поделывать плотины, и тогда за зиму и в половодья они будут полны водой, а вода дает влагу, а влага будет — и растения будет. А где нет лоцин и ложбин и снегу, там проводить воду из рек и водопадов для этой же цели, а там и другие нужны меры принимать, которых очень много может быть, а не столовыми нам заниматься, от которых ни свету, ни радости нет. У Николая Федоровича Федорова много мер можно применять от неурожаев и засух в его произведении «Философия общего дела» том 1-й. Статья «Продовольственный вопрос»¹⁵⁹, со всеми подробностями, которые применимы могут быть от голода и смерти, сказано просто и ясно, что делать нам с неурожаем и засухами. Конечно, время не за горами, что ни в одной стране не будет хлеба, не родится, тогда и купить и продать нечего будет, и поневоле оставим столовые и посредничества-от и наживу, и тогда все человечество очутится в равном достоинстве в <v>сечеловеческом голоде. Конечно, нам доводить до этого будет неразумно всему человечеству, хотя мы по-детски и привыкли ко всему даровому: что дадут Бог и земля, то и наше, а мы ничего сами для этого не делаем ни Богу, ни земле. А человечество стало взрослым, а не детьми; детям все простительно, а взрослому человечеству нельзя прощать его все промахи жизни. Природа по своей слепоте постоянно нам заявляет о себе и наказывает нас, то тем, то другим, то голодом, то мором, не говоря о старости и смерти, точно ничего и нельзя сделать против слепой силы природы. Это теперь стала неправда, что ничего нельзя сделать, — только стоит всему человечеству соединиться и приняться за регуляцию природы слепой силы; и перестать заниматься изделиями всяких побрякушек и забавляться ими, а все свое, занятия каждому человеку нужно употребить на изучение слепой природы и предъявить ей свою борьбу за свою жизнь.

У нас, у всего человечества, есть первая и самая сильная орудие или оружие, Божественный разум, который нам дан разумным Богом в защиту от слепой силы природы, а мы обратили Божественный разум на что? — на городские безделюшки и побрякушки в

угоду бабам, на их детские наряды и забавы. Точно на святки каждый день идет в наряде, кто во что горазд и кто кого перездивит, и до того дошло, что все переутомились, разболелись, изнервничались, и говорим потом: жить тяжело, жить нечем и тесно, жизни нет, одна безвыходность, потом себя убивать стремятся. Сами мы все виноваты по своему детскому непониманию пред своим Божественным разумом, он нас зовет в простор дела и труда, где делов каждому будет достаточно навсегда и везде на земле и на небе.

Жить на нашей кормилице земле и говорить: «жить нечем, делать нечего» — это одно детское заблуждение наше. Конечно, жить нечем и делов нет — это в городах и на фабриках очень жизнь узка и даже замкнута, все люди не могут жить в городах и на фабриках и заводах, все человечество нельзя и невозможно уместить, и делов там не могут все себе найти. А нужно заглянуть всей интеллигенции и городам в села и деревни, и на хутора, где есть ширь и простор, и делов непочатые углы лежат, дожидаются Божественного Разума, который придет, разберет каждое дело по частям — что нужно и что не нужно делать, что полезно для жизни человечества, что вредно и бесполезно человечеству. Борьба должна быть со слепой природой как в продовольственном и санитарном и других дел, а то у нас санитарные дела совсем мало помогают людям в городах, и то с трудом пополам. А что касается сел и деревень, очень печальная вещь: один доктор на всю волость и поезжай большой за десять верст, а должен доктор у больного быть, а не больной у доктора. Санитарные дела должны идти рука об руку с верой и церковью, где церковь — и тут же должны быть и находиться школа медицины, и доктора, в школу доступ должен быть таков, как в церковь, тогда только станет правильно действовать медицина и вступит в борьбу со всеми болезнями и старостию и смертию, которая нас очень страшит, а в сущности совсем не так страшна, да и сейчас ведут же борьбу и вылечивают кой от чего. Хотя смерть и разрушает организм человека, но не совсем, а только очищает его, подсобляет науке в чистом виде его собрать и восстановить снова, мумии сухие, кости чистые и сухие лежат тысячелетия в целостности, значит, есть исход этому когда-нибудь восстановить опять человека или воскресить. А сейчас кой-как и кой-где, да и то в городах одних, да и то за деньги, и это не борьба за жизнь, а детство, и его рубль, и выходит торговля знанием (а знание дается нам чрез Божественный разум), это великий грех людей.

<...> Прочтите статью Н. Ф. Федорова «Санитарный вопрос»¹⁶⁰, и вы узнаете, что делать можно и чего нельзя, сказано просто и ясно, что делать и как устроить это дело, чтобы всему человечеству было в пользу и на жизнь, а когда человек здоров, тогда и ра-

ботает, а все человечество будет здорово и будет работать все, а из работы все сделается, что нужно будет всему человечеству, а все человечество есть своего рода сила, которая может творить чудеса. Ко всему этому нужно присоединить Самодержавие, которое необходимо нам нужно, по нашему несовершеннолетию, Самодержец, как Отец народа и праотец праотцов, живых и мертвых. Мы, по своему малолетству, легко можем уклониться от дела человеческого и пойти на той дорогой, которой нам разъяснил Федоров, а самодержавие нас удержит на одном Божественном пути, который и приведет нас к вечной жизни. Все мы должны быть на службе у самодержавия, каждый человек должен принести свои знания и способности самодержавию и всему человечеству, во имя вечной жизни, и будем бороться с нашим врагом, слепой природой, с помощью веры в Бога и самодержавия и церкви Христовой, и выйдем из мрака к свету, из детства к разуму, и изгладится все наше существование со всеми волнениями и страданиями.

Постепенно все, что есть на нашей кормилице землице смертоносного, и все это смертоносное нужно нам взять за правило всему человечеству превращать в живородящую силу. Не содействовать слепой силе природе, а противодействовать ей нужно, всегда и везде, не в кабинетах и городах, а на просторе и во всех селах и деревнях, по всей нашей кормилице землице. Тогда и будет наша жизнь интересной, все будет новое и интересно везде и во всем, Фундамент откопан о жизни и смысле ее, начало заложено и разъяснено нам Н. Ф. Федоровым.

По прочтении его, все стало старое, неприглядное, настоящая наша жизнь, существование. Говорю я, дорогой мой брат, <...> в прошлом я так не говорил, таким языком, тогда язык был партийный, а сейчас всечеловеческий. Сейчас есть о чем думать и мыслить, и говорить, и делать всему человечеству. Всему настала новая начала жизни. Что было и есть сейчас — отойдет в вечную историю. Сколько будет жизни и смыслу. Неделания и недумания, как у Льва Николаевича Толстого, — не повторится более эта ошибка всего человечества. Были и прошли все наши ошибки жизни, а настало другое время в разумном смысле!

В. Х.

В. А. КОЖЕВНИКОВ — И. П. БРИХНИЧЕВ¹⁶¹

1 декабря 1913. Москва

1 д<екабря> 1913. Москва. И<она> П<антелеймонович>. Я только вчера имел возможность ознакомиться с Вашими 2 книгами¹⁶², и, признаюсь, они повергли меня в немалое смущение. Говорю не о художественной стороне Ваших произведений: с этой

стороны многие из Ваших стихотворений признаю очень удачными и могу только пожелать дальнейшего роста Вашему дарованию. Смущен же я (буду откровенен!) в 1-й книге уж очень гордым и немирным тоном Вашего предисловия¹⁶³, а также и многими мыслями в самой книге. В сборнике же стихотворений — смешана эротика, и часто жгуче чувственная, с религиозными стремлениями, и уж чересчур смелые образы с величайшим светом христианского восприятия. Я далек от неуместной выходки вмешиваться в свободу художественного творчества, каково бы оно ни было. Я только должен откровенно сказать, что обнаруженные свойства Ваших произведений раскрыли для меня их *несоединимость* с духом, симпатиями и целями Н. Ф. Ф-ва. С его аскетическим отношением к чувственности, как и с его великою скромностью личною, совершенно несогласны черты, о которых я упомянул. И вот *это-то* и повергает меня в смущение: как можете Вы продуманно сочетать такие экстазы и такие приписываемые себе правомочия с последованием идеям Н. Ф.? Если Вы настаиваете на возможности такого сочетания, я понужден думать, что Вы *неверно* понимаете учение моего Старца, что Вы не только не вникли в дух его и цели, а *далеко отстоите от них*. А этот вывод заставляет меня с великим опасением смотреть и на то, как проектируете Вы вести Ваше «вселенское дело». Во всяком случае на основании предыдущего, я обращаюсь к Вам с решительной просьбою до выхода Вашего сборника¹⁶⁴ не считать меня участвующим в Вашем деле каким бы то ни было образом и ни единым словом не упоминать в Сборнике, ни в каких-либо объявлениях о нем моего имени и фамилии в качестве лица, имеющего участие в вашем деле. К этому требованию меня обязывает та же искренность и прямота, которая, конечно, движет в данном случае и Вас и которую я, разумеется, вполне уважаю, хотя в данном случае и не могу разделять тех ее выражений, которые сказались в Вашем произведении. В уверенности, что просьба моя будет в точности выполнена, и в надежде, что Вы не истолкуете ее в каком-либо ином смысле, кроме того прямого, который здесь изложен, остаюсь с совершенным почтением В. К.

Н. П. ПЕТЕРСОН — В. В. РОЗАНОВУ

15 декабря 1913. Зарайск

Милостивый Государь, многоуважаемый
Василий Васильевич!

Прочитал в Вашей статье «Идейные споры Л. Н. Толстого и Н. Н. Страхова» (№ 13548-й «Нов<ого> Вр<емени>»), что Страхов писал Толстому: «Буду защищать искусство и науку из всех

сил против вас (Толстого), Соловьева и против Николая Федоровича»¹⁶⁵ (под последним Страхов разумел автора «Фил<ософии> Общ<его> Дела»), и мне стало очень горько, что Вы оставили это место без замечания, не объяснили, как был неправ Страхов в отношении Федорова, который сам всегда упрекал Толстого за его пренебрежительное отношение к науке. Так, на стр. 366 т<ома> 2-го «Фил<ософии> Общ<его> Дела», защищая науку против Толстого, Федоров говорит: «Обличение порока ученых составляет великую заслугу гр. Толстого; но эти обличения не должны переходить в отрицание самой науки; нельзя же кидать в печь шубу, когда завелись в ней блохи, — по образному выражению самого гр. Толстого».

Прошу Вас, прочтите всю статью, откуда это выражение взято, на стр. 362—398-й 2 т<ома> «Ф<илософии> Об<щего> Дела», под заглавием — «*Не-делание ли или же отеческое и братское дело*». — Не раскаетесь, если прочтете, время у Вас будет не потеряно. Статья эта была написана в самом начале последнего десятилетия XIX века, посылалась анонимно Толстому, а затем предполагалось ее напечатать, но цензура запретила печатание. — Какое значение придавал Федоров науке, видно из следующего места 1-го т<ома> «Фил<ософии> Об<щего> Дела», на стр. 143—144: «Стараясь уяснить себе, почему за воскресением Христа не последовало и всеобщего воскрешения, мы имеем целью не христианство оправдать от мнимого противоречия, как это делают верующие в могущество цивилизации и неверующие в силу христианства, а спасти от унижения историю, возводя ее до осуществления «Благой Вести», т. е. мы обвиняем ученых, защищая их собственные труды, осуждаем их за неверную оценку, за умаление стоимости их же трудов, за то, что они унижают свое дело, считая его бесцельным». <...> О великом значении искусства говорится, между прочим, в выписках из ненапечатанных еще статей Федорова в письме, которое я послал месяца полтора тому назад г-ну Энгельгардту, который ничего мне не ответил и в «Новом Времени» не отозвался на это письмо. <...>

Считаю нужным предупредить Вас, что некто Иона Брихничев, один из расстриженных священников, издававший в Москве «Новое Вино», почему-то проникся уважением к Н. Ф. Федорову и готовит какой-то сборник в память его. И мы с В. А. Кожевниковым имели неосторожность дать Брихничеву одну статейку, напечатанную в 1897 г. в Воронежской газете «Дон» и которая будет напечатана в 3-м томе, и еще одно письмо ко мне, написанное еще в семидесятих годах прошлого столетия¹⁶⁶. Дали мы это Брихничеву потому, что в компании с ним по изданию сборника участвует некто Горский, о котором известный Вам Флоренский отзывался очень хорошо, как о человеке чрезвычайно чистом. Но потом

я прочитал произведение Брихничева «Огненный Сеятель»¹⁶⁷, произведение бессодержательное и величайшей наглости, свидетельствующее, что Брихничев с произведениями Федорова совсем незнаком. Это заставляет опасаться, что образ Н. Ф. Федорова в сборнике, издаваемом Брихничевым, будет искажен. О чем я и счел нужным предупредить Вас.

Душевно Вам преданный

Н. Петерсон.

15/XII 1913 г. Адрес мой: Г. Зарайск, Рязанской губ., Николаю Павловичу Петерсону.

В. А. КОЖЕВНИКОВ — П. А. ФЛОРЕНСКОМУ

23 декабря 1913. Москва

<...> Спасибо Вам и автору статьи о Федорове в Декабр<ьской> книжке¹⁶⁸. Статья серьезная, дельная и для выяснения значения Федорова очень полезная. Хорошо вышло сопоставление этой статьи со следующей и даже с 3-ю (Соловьевской)¹⁶⁹. Декабрьская книжка вообще очень интересна. <...>

В. А. КОЖЕВНИКОВ — П. А. ФЛОРЕНСКОМУ

28 декабря 1913. Москва

Дорогой Отец Павел!

Будьте добры распорядиться выслать наложенным платежом декабрьскую книжку «Богосл<овского> Вестника» по адресу: в Зарайск, Рязанс<кой> губ<ернии> Его Пр<евосходительст>ву Николаю Павловичу Петерсону. Он очень заинтересован статьей о Н. Ф. Федорове. <...>

М. М. КРОТКОВ — Н. П. ПЕТЕРСОНУ¹⁷⁰

Конец декабря 1913. Санкт-Петербург

Многоуважаемый Николай Павлович!

Литературы про Николая Федоровича Федорова решительно никакой нет. А это обстоятельство для выяснения объективной оценки учения Н. Ф. имеет немалое значение; благодаря ему является возможность неверно понять и ложно перетолковать действительные его взгляды. Ну это, разумеется, все такие трудности, с которыми всегда приходится встречаться при разработке вопросов, еще совершенно не обследованных. Но дело не в этом. Даже и то, что

пока написано про Н. Ф. (я разумею опыт изложения его учения Владимира Александровича Кожевникова), приходится разыскивать днем с огнем. В нашей Академической библиотеке этой книги не имеется. Просил выписать ее, но когда это делается — неизвестно. В публичной библиотеке был раза 4, там ее все ищут и просят зайти потом как-нибудь. Время же, разумеется, не ждет и идет само собой. Не зная, где в настоящую пору находится Владимир Александрович, я решил обратиться к Вам с просьбой — не можете ли Вы, Николай Павлович, выручить меня из беды — достать необходимую книгу¹⁷¹.

Кстати еще — сообщите (если только я Вас не затрудняю всем этим), не вышел ли 3 т<ом> Федорова. Мне передавали, будто вышел. Сам я всегда просматриваю библиографические новости за каждый месяц и там не встречал. Справлялся и в Публичной библиотеке — но безуспешно.

Н. Ф. с каждым днем все более и более увлекает меня. Удивляюсь глубине и оригинальности мысли этого смиренно-мудрого старика с сердцем Евангельского дитяти. Хотелось бы видеть его портрет. Не сохранился ли он?

Если можете, Николай Павлович, то, пожалуйста, исполните мою просьбу, за что буду бесконечно благодарен Вам.

Уважающий Вас Михаил Кротков.

Адрес мой: СПб. Духовная Академия.

Студенту IV к<урса> Мих. Мих. Кроткову.

С. Н. БУЛГАКОВ — П. А. ФЛОРЕНСКОМУ

20 января 1914. Москва

<...> Я не успел Вам еще сообщить, что в редакц<ионном> заседании Пути решено с рукописью Голованенко¹⁷² познакомиться (это хочет сделать Григорий Алексеевич¹⁷³, но предварительно я переговорю об этом с Вами). Само по себе это есть не отказ и имеет некоторый шанс за принятие, но я не знаю, удобно ли такой ответ сообщить молодому автору, особенно ввиду возможного отказа. <...>

М. М. КРОТКОВ — Н. П. ПЕТЕРСОНУ

21 января 1914. Санкт-Петербург

Глубокоуважаемый Николай Павлович!

Письмо Ваше от 12 января получил только сегодня 21-го. Причина тому та, что оно пришло в мое отсутствие.

Удивляюсь, почему Ваш сын не получил посланное мною письмо с уведомлением о получении книги В. А. Кожевникова. Письмо я послал на следующий же день, как только дошла до меня книга. Вместе с письмом к Вам снова отправляю сегодня вторичное письмо к Вашему сыну. Книга Кожевникова мне пока нужна. В настоящее время приступил к писанию кандидатского сочинения, поэтому иногда приходится адресоваться к ней за справками. Как работа закончится, немедленно же ее вышлю Вам в Зарайск. Покорнейше прошу поэтому немного подождать.

Весьма благодарен Вам, доброжелательный Николай Павлович, за Ваше любезное предложение прислать мне копию с письма Трубецкому¹⁷⁴. Для меня ответ Ваш, конечно, интересен и, если не затруднит Вас исполнение этого предложения, то я с удовольствием желал бы познакомиться с Вашим полемическим ответом.

Статью Голованенко¹⁷⁵ я прочитал бегло, прямо с дороги из дома. Декабрь я не жил в Петербурге, а в глухой провинции, где «Богословского Вестника» не выписывают. Об этой статье я узнал от В. А. Кожевникова, когда проездом через Москву (20 янв.) зашел к нему.

А прогос¹⁷⁶ В. А. Кожевников был болен воспалением легких. Теперь уже почти поправился и ходит.

Благодаря в высшей степени поверхностному чтению статьи многого не могу сказать о ней. Мне только кажется, что хорошо, что находятся люди, интересующиеся Н. Ф. Федоровым и рассматривающие его под своим углом зрения. Точка зрения может оказаться хотя и неправильной, но учение Федорова от этого несколько не пострадает; напротив, благодаря всестороннему освещению оно рельефно выделится на общем фоне религиозно-философских систем, а в возникших полемических спорах лучше раскроется та истина, которая незаметно для большинства скрывается в Философии общего дела.

Что касается Голованенко, то мне кажется, что он не совсем прав, когда, рассматривая Философию общ<его> дела главным образом с гносеологической стороны, забывает отметить нравственную сторону учения Федорова. Между тем философия Федорова как раз ценна в нравственном отношении. И если бы Голованенко выставил на первый план нравственную сторону, то гностицизм Федорова (которому он был противник) в глазах Голованенко получил бы совершенно иное значение...¹⁷⁷

Извиняюсь за причиненное Вам, хотя и невольно, независимо от меня, беспокойство.

Уважающий Вас студент
Михаил Кротков.

Кстати, не знаете ли, Николай Павлович, вышла ли книга Брехничева¹⁷⁸ и где ее можно достать? Я до сих пор никак не могу узнать что-нибудь про нее.

СПб. Духовная Академия
Студент IV курса

Мих. Мих. Кротков.

Н. П. ПЕТЕРСОН — П. А. ФЛОРЕНСКОМУ¹⁷⁹
Январь 1914. Зарайск

Павел Александрович!

Вместе с сим заказною бандеролью посылаю Вам мою заметку по поводу статьи г-на Голованенко в «Богословском вестнике»¹⁸⁰. Очень был бы рад, если бы Вы нашли возможным напечатать ее, конечно, с ответом, как напечатана моя заметка в «Вопросах философии и психологии»¹⁸¹. Для большего выяснения того, о чем трактуется, считаю необходимым послать Вам копию моего письма к князю Трубецкому, посланного ему по напечатании моей заметки и ответа на нее¹⁸². В конце письма я предупреждаю кн. Трубецкого, что письмо мое может быть напечатано, — но письмо это не напечатано и не может быть напечатано, потому что Владимир Александрович Кожевников нашел неудобным его печатать. Посылаю Вам и мое исповедание веры, написанное год тому назад после одного заседания в кружке М. А. Новоселова¹⁸³. Если Вы найдете нужным, то оно могло бы быть напечатано.

В. А. КОЖЕВНИКОВ — П. А. ФЛОРЕНСКОМУ
21 января 1914. Москва

<...> С большим интересом прочел о Ваших недоумениях по поводу Вашего труда об философии от. Серапиона¹⁸⁴. Очень мне понятно Ваше настроение; сходное переживал, и еще переживаю, и я по поводу Ник. Фед-ча, которого высоко ценю, горячо люблю и с которым все же кое в чем существенном не могу слиться воедино. Когда я старался провести его, помаленьку, в наше общественное сознание, я прилагал все усилия, чтобы именно сливаться с ним при изложении его мыслей; и меня даже упрекали в том, что нельзя часто отличить, говорю ли я от лица Ф-ва или от себя. Но я убежден, что только такое, сродственное, созвучное по духу, изложение мыслителя и есть правильное, по крайней мере для начального с ним ознакомления: критике же место в конце. Вот почему я думаю, что и Вы должны бы вводить в понимание Вашего, также

«Загадочного мыслителя» изложением сродственным же, «конгениальным», как говорил Гердер, а не сразу аналитически-критическим. Вижу трудность этой задачи при Вашей теперешней невозможности объединиться с Вашим мыслителем во многом. А все-таки, думается, впереди должно бы идти изложение его, насколько можно более объективное, без расслабления первого впечатления критиком. Пусть его в начале книги узнают и *полюбят* таким, каков он есть *в его целостности* (и с теневыми сторонами); а дальше уже поправляйте сами то, что Вам представляется у него ошибочным или опасным. При Вашей многогранной душе у Вас, я знаю, найдется достаточно созвучного для того, чтобы ввести читателя в понимание мыслителя путем не одного холодного изложения, но и теплого симпатизирующего чувства. А разоблачению диссонансов место в конце... <...>

П. А. ФЛОРЕНСКИЙ — Н. П. ПЕТЕРСОНУ

1 февраля 1914. Сергиев Посад

Редакция
Богословского вестника
Сергиев Посад
Московской губернии
Февраля 1 дня 1914

Ваше превосходительство
Николай Петрович!

Уведомляю Вас о получении Ваших рукописей и вместе с тем прошу Вас ответить на возникающий у меня вопрос такого рода:

Конечно, значительность и таинственность учения и личности Н. Ф-ча заставляет желать возможно всестороннего исследования его учения и его личности. В этом смысле я нахожу не только приемлемым, но и положительно-желанным напечатание Вашего ответа г. Голованенко. Но уместно ли печатать его *сейчас*, когда с февральской книжки начинается печатание уже не краткой заметки, а обстоятельного исследования о Н. Ф. Федорове того же автора, которое будет тянуться печатаньем несколько месяцев¹⁸⁵.

Возможно, что по напечатании этого исследования более определенно выступят мотивы для обвинения Вами г. Голованенко в непонимании учения Н. Ф. Федорова, или наоборот, Вы откажетесь от некоторых из своих обвинений. Я полагал бы, что в интересах спокойного выяснения дела было бы целесообразно дать г. Голованенко высказаться до конца, а потом уже полемизировать с ним. Не думайте, что я просто оттягиваю полемику — я ей

искренне рад, как потому, что она оживляет журнал, так и ради разностороннего освещения учения Н. Ф-ча. За Вами будет оставаться место высказаться о работах (обеих вместе) г. Голованенко по окончании им печатания своего исследования, которое уже находится в наборе.

Покорнейше прошу Вас ответить мне, что Вы думаете о предложенной комбинации. В случае, если Вы ею *недовольны*, я передам это дело на третейский суд нашего общего друга Вл. Ал-ча Кожевникова, и сделаю так, как решит он. Работа г. Голованенко печатается ныне *с его согласия* (он ее, впрочем, не читал и судил о ней по первой его статье).

Благодарю за присылку письма к кн. Е. Н. Трубецкому. Это письмо мне представляется чрезвычайно ценным, и я думаю, что если его неудобно печатать в настоящем его виде, то следовало бы напечатать *не* в виде ответа кн. Е. Н-чу, а в виде биографической справки, весьма важной при изучении биографии Н. Ф-ча. Подумайте, не найдете ли Вы возможным сделать в ней соответственные переделки и напечатать в «Богословском Вестнике»?

Ваш покорный слуга
Священник Павел Флоренский.

Н. П. ПЕТЕРСОН — П. А. ФЛОРЕНСКОМУ

Между 3 и 6 февраля 1914. Зарайск

Милостивый государь
Павел Александрович!

Приношу Вам сердечную благодарность за уведомление о получении посланных Вам рукописей. Что касается напечатания моей заметки по поводу статьи г-на Голованенко, то если г. Голованенко почему-то нашел нужным напечатать свою статью прежде большого труда своего о произведениях Н. Ф. Федорова, то, мне кажется, было бы справедливо поместить и мою заметку по поводу этой статьи, не дожидаясь большого труда, потому что многие, прочитав статью г-на Голованенко и не встретив отзыва на нее, могут отказаться от знакомства с произведениями Федорова, потому что поверят, что дело, к которому призывают произведения Федорова, в самом деле какая-то магия, что в самом деле им устраняется христианская надежда¹⁸⁶.

Если Вы не найдете возможным напечатать мою заметку в «Богословском Вестнике», — прошу возвратить мне ее, я попытаюсь напечатать ее в другом месте в видах предотвращения вредного действия г-на Голованенко на распространение произведений Н. Ф. Федорова.

Относительно письма к Трубецкому, — мне хотелось бы его напечатать, но В. А. Кожевников против этого. 8, 9 и 10 февраля я думаю быть в Москве и переговорю с Владимиром Александровичем о переделке этого письма и о напечатании его в переделанном виде в «Богословском Вестнике». После переговоров с Владимиром Александровичем я сообщу Вам о результатах этих переговоров, а может быть, и пришлю статью. Вы мне ничего не сообщили об исповедании веры признающего имманентное воскрешение, т. е. воскрешение чрез человека? Может ли оно быть напечатано в «Богословском Вестнике» и, конечно, с надлежащим возражением?

В. А. КОЖЕВНИКОВ — П. А. ФЛОРЕНСКОМУ

7 февраля 1914. Москва

<...> Спасибо за извещение о деяниях Николая Павловича. Его «усердия не по разуму» боялся и сам Николай Фед-ч: завещая мне свои рукописи, он вменял мне в обязанность не вверять их судьбу с одной стороны неверующим-рационалистам, которые (говорил он) «не преминут меня пожаловать в генералы от атеизма, — честь, которую я не заслужил, хотя, может быть, и подал некоторый повод думать об этом иначе», — а с другой стороны, не давать рукописи в распоряжение Петерсона, «усердного не по разуму», и, по мнению Н. Ф-ча, в этом смысле более опасного, чем враги, с которыми (добродушно добавлял старик) «мы кое-как еще справимся». Эти предосторожности он не раз выражал в письмах ко мне, которые я принужден, конечно, скрывать от Ник. Пав-ча; а Н. П., не зная этого, часто делал многое вопреки моему мнению и неоднократно ухудшал положение дела, и без того незавидное. Наивность его доходила, напр<имер>, до того, что он писал Столыпину о необходимости положить в основу преобразования строя России идеи Н. Ф-ча; писал о том же Щегловитому¹⁸⁷; хотел писать Саблеру¹⁸⁸; пробовал обращаться и к самому Государю; а недавно послал в том же смысле воззвание к одному члену Гос. Думы, к тому же — кадету. Такое рвение и такая любовь к Учителю сами по себе, конечно, трогательны, особенно если знать, от какого доброго, хорошего человека и настоящего праведника эти чувства исходят. Но «делу» эти порывы не пользуют ни мало, а скорее вредят. Я согласен с Вами, что выступление против Трубецкого имело смысл; но форсировать положение до того, чтобы приводить противника к альтернативе «или Н. Ф., или Евангелие» было вредно, а главное — неосновательно, ибо учение Н. Ф., по его собственному убеждению, вовсе не должно приводить к такому губительному радикализму. Надо признать в этом учении многое недовыясненным,

кое-что необоснованным, кое-что надуманным; надо, наконец, признать и его столкновения в некоторых существенных пунктах с церковным учением, несмотря на искреннее желание автора пребыть православным. Все это должно вести к разъяснению, расследованию учения, ко всестороннему его обсуждению, разумеется, с полною свободою разномнения, свободу, за которую «Старик» всегда стоял явно и энергично. Николай же Павлович, признавши не только учение Н. Ф-ча, но и изложение его «богодухновенным» (как он мне недавно признался в письме), не может спокойно сносить иначе, чем сам, мыслиащих об этом учении, и всех, подряд, обвиняет в непонимании Федорова. Что же бы это было за учение и какая была бы ему цена, если бы действительно его никто не понимал, кроме одного (Н. П-ча), — ибо и меня он причисляет не столько к непонимающим «учения», сколько к изменникам ему, за то, что я не следую совету в каждой статье или каждом чтении начинать и кончать пропагандою идей Н. Ф-ча. Непопулярность и недоступность учения не страшна была многим мыслителям, а многим из них она была прямо желательна; по крайней мере, они на это претендовали и этим похвалялись. Но что сказать об учении, предназначающем себя для всех, непременно для всех, и без содействия большинства себя не утверждающего, и которое было бы в то же время никому не понятно или почти всеми превратно понимаемо?.. Сколько раз я указывал Н. П. на то, что, утверждая это, он «проваливает» Н. Ф-ча, но все мои увещания ни к чему не приводили. То же — и теперь! Выступление свое против Голованенки он от меня скрыл, из опасения, вероятно, как бы я не остановил его. Не знаю содержания статьи, но принципиально вполне разделяю Ваше мнение, что если Гол<ованенко> будет печатать целую работу о Федорове, то, конечно, лучше выждать ее опубликования в полном составе и тогда уже отвечать. На днях Ник. Павл. ко мне явится (8-го он приезжает в Москву), и тогда я употреблю все усилия, чтобы склонить его потерпеть до опубликования статей Г<олованен>-ки; я надеюсь, это мне удастся. Вас же я просил бы не сдаваться на его просьбу сейчас же напечатать его статью, ибо убежден, что это только повредит делу. Я же объясню Петерсону, что Ваш отказ отнюдь не заключает в себе какой-либо несправедливости или предубеждения. Что касается «Исповедания веры» самого Петерсона, то если это есть то, набросок чего он мне раньше читал, то и подавно мне было бы нежелательно видеть эту вещь напечатанною, и я не понимаю, почему редакция «Бог<ословско-го> Вестника» может быть обязываема печатать ее? Поговорю и об этом и немедленно сообщу Вам. <...>

В. А. КОЖЕВНИКОВ — П. А. ФЛОРЕНСКОМУ

Между 26 февраля и началом марта 1914. Москва

<...> Посылаю статью Н. П. Петерсона (по поводу статьи кн. Е. Н. Трубецкого): ей придан теперь вид не письма, а заметки на статью¹⁸⁹. Полемически-резкого в ней ничего нет, а фактические данные не лишены интереса. Ник. Павл. очень желал бы видеть эту статью напечатанною в «Бог<ословском> Вестнике» и просит Вас об этом. Не найдете ли возможным исполнить эту просьбу?¹⁹⁰

От выступления против Голованенко Ник. Павл. пока решил воздержаться. <...>

С. Н. БУЛГАКОВ — П. А. ФЛОРЕНСКОМУ

13 марта 1914. Москва

<...> Статьи Голованенко о Федорове я прочел¹⁹¹. Мне они понравились четкостью изложения, они дают концентрированный букет Федорова и тем самым и имманентную критику. Поэтому, насколько можно судить по прочтенному об остальном, я мог бы поддерживать в Пути эту работу даже для самостоятельного издания. Однако справившись у Гр<игория> А<лексееви>ча¹⁹², «министра-президента», я узнал от него, что хозяйственный план наш на ближайший год-два, рассчитанный на задуманные нами переводы и равно условленные уже оригинальные издания, не допускает расширения, а брошюра о Федорове не есть тот городничий, для которого всегда можно найти место. На основании этой справки и решил дела дальше не вести. Если, паче чаяния, очерк пройдет в «Б<огословском> В<естнике>», то я надеюсь провести через Путь, стало быть, без расходов (почти), иначе нет. Мне жаль Г<олованенко>, но vis major¹⁹³. <...>

А. К. ГОРСКИЙ — В. Я. БРЮСОВУ23 апреля 1914. Одесса¹⁹⁴

Одесса 1914

Апрель 23

Глубокоуважаемый
Валерий Яковлевич!

Вероятно, Вы уже получили и успели в общем ознакомиться со сборником «Вселенское Дело»¹⁹⁵.

Ото всех, кто вчитывался в помещенное там Ваше письмо «о смерти, воскресении и воскрешении»¹⁹⁶ — мне приходилось

и приходится слышать один и тот же вопрос, которого я и для себя не мог разрешить и хотел лично Вас спросить об этом, но позабыл, именно: что Вы разумеете, говоря в заключительных строках письма о *втором пришествии*, которое представляется для Вас наиболее вероятным пределом *пакибытия*?

Идет ли здесь речь о метампсихозе или о чем-то другом? В первом случае вопрос переходит на ту плоскость, в какой он взят хотя бы в статье В. Недзвецкого¹⁹⁷.

Хотелось бы очень вообще узнать о Вашем впечатлении от этой статьи, моей работы о Соловьеве¹⁹⁸ и вообще всего сборника. Листок со списком опечаток, перестановок и пропусков отпечатан только на днях. Без этого нельзя было книги выпустить на рынок.

Сейчас перечитывал я статью Вяч. Иванова в «Трудах и днях» «О границах искусства». В ней подводятся итоги великому спору, начатому когда-то на страницах «Аполлона»¹⁹⁹. Сдача оружия полная. Оказывается, уже красота (в искусстве) мира не спасает и спасать не должна. От реальнейшего теперь к реальному (как и акмеисты?) приглашается художник. Зачем же было скликать рать и с похвальбой идти? Наделала синица славы, а моря не зажгла.

Теперь только я вижу, что внутренняя правота в этом споре была всецело на Вашей стороне, несмотря на ту парадоксальную — нарочито — банальную форму, в какую Вы облекли свою мысль. Вам противен был этот преждевременный шум уже потому, что море Вы захотели зажечь не в шутку.

Вы — во-первых — стоите за теснейшее неразрывное объединение искусства с наукой — во-вторых, ставите им совершенно определенную цель: победу над смертью. А где искусство и наука собраны вместе во Имя такой цели, там, конечно, теургия посреди их.

И *пределов* такому искусству уже нет и быть не может, в чем единогласны были Вл. Соловьев и Федоров.

И *здесь* всякое нисхождение является одновременно восхождением. Никто не восходил на небо, кроме сошедшего с неба Сына Человеческого, всегда пребывающего на небесах.

Если это не очень затруднит Вас, я хотел бы получить хотя краткое разъяснение относительно «*второго пришествия*».

Уважающий Вас

А. Горский.

Одесса, Пироговская, 7.

Р. С. Недавно зародилось здесь молодое издательство «*Полигимния*» с целью объединения южных поэтов и художников.

К маю хотя бы они напечатать стихотворный Альманах «Солнечный Путь»²⁰⁰, а к осени готовится сборник, куда войдет и беллетристика, и статьи по вопросам искусства и культуры.

В первом приняли участие К. Бальмонт, Ал. Биск, С. Городец-кий, Вл. Ленский, Л. Столица, С. Фруг, Дм. Цензор, А. Федоров и др.

Редакции было крайне желательно иметь Ваше стихотворение или хотя бы разрешение поставить Ваше Имя в проспекте на осень.

Кажется, об этом они хотят запросить Вас телеграммой.

А. Г.

М. М. КРОТКОВ — Н. П. ПЕТЕРСОНУ

7 мая 1914. Санкт-Петербург

Многоуважаемый Николай Павлович!

Теперь, когда работа о Ник. Федоров<иче> Федорове закончена и сдана уже профессору для отзыва и оценки, позвольте принести Вам глубокую благодарность за то содействие, какое проявили Вы по отношению ко мне в работе. За Вашу постоянную готовность помочь и за услуги, должен сказать, неоднократно, еще раз благодарю Вас.

Как исполнена работа — самому судить трудно. Более или менее объективный отзыв проф<ессора> покажет это. С своей стороны я постарался сделать все, что мог. Правда, теперь, если бы взялся снова за работу о Федорове, то выполнил бы ее иначе.

Кстати, если интересно Вам знать содержание написанной мной кандидатской работы, то я могу сообщить Вам ее оглавление. Вот оно:

- 1) Н. Ф. Федоров (биографический очерк).
- 2) Общий характер философии Федорова.
- 3) Философия общего дела и ее задачи.

Вопрос о «небратском, неродственном» состоянии мира
(это общее заглавие)

- 4) Небратство.
- 5) Философия розни и ее главные представители.
- 6) Наука перед судом Н. Ф. Федорова.
- 7) Богословие.
- 8) Общество по типу организма.
- 9) Природа (мир) и человек.

Супраморализм (общее заглавие)

- 10) Братство.
- 11) Воскрешение.
- 12) Регуляция природы.

13) Апофеоз Н. Ф. Федорова.

14) Критические замечания к философии общего дела.

Всего вышло 211 печатных страниц.

Вместе с этим письмом присылаю Вам свою брошюру о Федорове. Сначала я думал было бегло набросанные мною несколько строчек о Н. Ф. поместить в качестве заметки в какой-нибудь газете; но потом, когда мне не удалось этого достигнуть, я решил поместить их в «Страннике». В последнем они и были помещены в февральской книжке²⁰¹.

Николай Павлович! будьте добры сообщить мне, что Вам необходимо возвратить из присланного Вами мне. Книгу В. А. Кожевникова, конечно, непременно нужно Вам вернуть. А как быть мне с присланными Вами мне рукописями: 1) ответ Трубецкому 2) Голованенко 3) статья Н. Ф. Федор<ове>: «Как назвать год, когда...»²⁰² К этому еще надо прибавить «Бюллетени литературы и жизни»²⁰³. Может быть, кое-что Вам не требуется и я могу оставить у себя, за что, разумеется, был бы весьма и весьма благодарен Вам. А может быть, требующиеся Вам рукописи можно задержать до лета, когда я на свободе мог бы снять с них копии.

Николай Павлович, будете ли Вы летом жить в Зарайске? Если да, то я постараюсь, если, конечно, возможно будет, побывать в Зарайске и повидаться с Вами.

Уважающий Вас Михаил Кротков.

7/V 14 г.

Р. С. Николай Павлович! я покорнейше бы просил Вас, когда выйдет III т<ом> Н. Ф., прислать мне. Для меня, познакомившегося с ним, было бы весьма интересно все касающееся его, а тем более его произведения. Постоянный мой адрес будет: Ерахтур, Ряз<анской> губ<ернии>, Касим<овская> ул.

Пока же нахожусь в Петербурге, где пробуду числа до 10-го июня.

Н. П. ПЕТЕРСОН — М. Н. ПЕТЕРСОНУ

Июнь 1914. Зарайск

<...> Я перечитываю 2-й том, чтобы выудить все опечатки в нем, и что за удивительные вещи там находятся, например, статья «О православии и Символе веры», в которой между прочим говорится — «Вера эта неразлучна с уверенностью в постоянную помощь Божию для осуществления чаемого, т. е. уверенностью

в любви Бога-Отца, уверенностью в благодать Сына Божия» и т. д.²⁰⁴ И после этого В<ладимир> А<лександрови>ч все-таки говорит, что о благодати у Н. Ф-ча нет ничего, что по его мысли все будто совершается без благодати. Им непонятно требование *общей святости*, а не индивидуальной только, они не считают за благодать *постоянную помощь Божию*, им нужна помощь отдельному лицу, и только ярко проявившуюся такую помощь они считают за благодать. Разве все написанное Н. Ф-чем могло быть написано им без участия благодати. <...>

Н. П. ПЕТЕРСОН — В. В. РОЗАНОВУ

22 июня 1914. Зарайск

Многоуважаемый
Василий Васильевич!

Приношу Вам мою глубокую благодарность за возвращение моей рукописи и за любезности, которые Вы старались сказать мне в Вашем письме²⁰⁵. Вы говорите, что я иду, *высоко* подняв голову. Напрасно — я слишком удручен тем, что никто не слушает меня, что я лишен возможности даже высказаться. И Н. Ф-ч никогда не нес голову высоко, но он мог вынести невнимание к себе, потому что слишком был богат внутренне, а для меня невнимание несравненно тягостнее. Если бы не В. А. Кожевников, то все, оставшееся после Н. Ф-ча, должно бы было погибнуть; но и теперь, когда многое уже напечатано, будет напечатано и все остальное, все-таки все это может затеряться, потонуть в море печатной бумаги, потому что нет глашатая с довольно громким голосом, чтобы обратить на это внимание. Одна надежда на Бога, что Он не допустит заглухнуть делу истинного служителя своего. Вы пишете, что в идее Федорова Вам все представляется слишком машинным, внешним. Но для Федорова ничего не было противнее машинного, лабораторного, фабричного, ничего не было противнее «гомункулуса». И если Вам представляется идея Федорова машинною, то только потому, что Вы не ознакомились с нею. Вы говорите, что метод слишком застарел в *безбожии*; однако только идея Федорова меня, безбожника и революционера, обратила к Богу, освежила мое сердце, как и сердце В. А. Кожевникова, объезжавшего всегда, по его словам, до знакомства с Н. Ф-м Кремль, так как он ему был противен, — наполнила сердце Кожевникова любовью к этому самому Кремлю, к своей родине-отечеству. П. И. Бартенева благодарил Н. Ф-ча за то, что он отвлек его детей от безбожия и ненависти к своему отечеству, от революции. Известные Барсуковы, три брата, племянники Бартенева, *по крайней мере*, как мне несомненно известно, *двое из них* были направлены

на плодотворную деятельность Н. Ф. Федоровым²⁰⁶. Только идея Федорова может подействовать на нашу безбожную, революционизированную интеллигентную молодежь.

Вы спрашиваете, почему я не хочу поместить статью в «Вопросах»²⁰⁷? Я очень хочу поместить ее хоть где-нибудь, но не напечатать, не напечатает, конечно, и в «Вопросах», как не напечатали в «Богословском Вестнике», хотя Флоренский, прочитав мое письмо к Трубецкому в ответ на его возражение против моей заметки в «Вопросах», сам сказал и даже просил переделать письмо в статью, обещая напечатать ее в «Богословском Вестнике», а затем оказалось, что ректор академии воспротивился такому напечатанию. Тогда я и обратился к Вам, и если Вы внимательно прочтете мое письмо, при котором прислана статья, то увидите, что я просил Вас устроить ее хоть куда-нибудь, а не непременно в «Новое Время». «Новое Время» предпочтительнее других, как распространенная газета, но если бы Вы отправили мою статью в «Вопросы» или еще куда-нибудь, я одинаково был бы благодарен Вам, потому что Вами отправленная статья была бы напечатана, а отправлю ее я, она напечатана не будет. Вот и опять — Голованенко начал печатать свое большое произ<ве>дение о Философии Общ<его> Дела; 1-я статья была напечатана в апрельской книжке «Бог<ословского> Вестника», я прочитал ее и ничего особенного не заметил; а когда я стал читать 2-ю статью в майской книжке, меня сразу же поразила неверность передачи содержания книги, а когда я стал сравнивать тексты с выносками внизу страницы, то напал на многие искажения²⁰⁸. Теперь Голованенко только излагает произведения Федорова, а затем будет критиковать его, и С. Н. Булгаков говорит В. А. Кожевникову, что критика Голованенко уничтожающая. И вот я буду лишен возможности сказать и доказать, что Голованенко уничтожает себя, а не идею Федорова. Согласитесь, что положение тягостное. При таком положении не пойдешь, держа голову высоко. Попробую послать статью в «Вопросы», но не думаю, чтобы она была там помещена. Первая моя заметка была послана в «Вопросы» Трубецким с его уничтожающим возражением, а эту статью Трубецкой в «Вопросы» не пошлет.

Передайте мою глубокую благодарность Вашей дочери за ее ко мне внимание и поклонитесь ей от меня пониже²⁰⁹. Сами Вы обременены и отвечать мне на мои письма Вам некогда, почему Вы не поручите отвечать мне Вашей дочери; ничего зазорного тут нет, я старик, на 13-ть лет Вас старше, мне 71-й и у меня старшему сыну 46 лет.

Какое право я имею осуждать или сердиться на Вас, но я огорчен, с этим ничего уже не поделаешь, хотя все же и благодарен Вам за некоторое ко мне внимание. Простите за беспокойство, которое я причиняю Вам. Душевно Вам преданный Н. Петерсон.

Н. П. ПЕТЕРСОН — Ф. Д. САМАРИНУ²¹⁰

10 января 1915. Зарайск

Мил<остивый> Государь Ф<едор> Д<митриеви>ч!

После войны и, будем надеяться на милость Божию, войны победоносной, будет предстоять новое устройство Польши, Галиции, Угорской Руси — и при этом не могут не обратиться к Вам, за Вашим мнением. Мне же думается, что следовало бы выслушать и мнение автора «Философии Общего Дела», Н. Ф. Федорова, которого Вы хотя и не знали лично, но видели и не можете сомневаться в его совершенной искренности, в его горячей любви к людям, и особенно к людям русским, в его обширном уме и эрудиции. Поэтому я и решаюсь сделать мнение Н. Ф-ча чрез Вас известным, а для этого и посылаю Вам его обращение к генералу Кирееву²¹¹, которое в конце концов приняло такой тон, что никогда к Кирееву послано не было. Я надеюсь, что, посылая Вам эту статейку, я исполняю и волю покойного, который, как видно из примечания на первой странице статьи, не считал возможным обращаться с своими произведениями к обширной публике, а только к людям зрелых убеждений. Статья эта предназначается к напечатанию в 3-м томе «Философии Общего Дела». Я знаю, что Вам, по болезни глаз, трудно читать написанное, поэтому, если Вам будет угодно, я сам приеду в Москву, чтобы прочитать Вам посылаемую статью, а быть может, и побеседовать по поводу ее. У меня свободны от моих служебных обязанностей суббота и воскресенье. Пользуюсь случаем послать Вам вместе с сим заказною бандеролью и мою статейку, только что вышедшую из печати — «О религиозном характере учения Н. Ф. Федорова»²¹². Готов сам прочитать Вам и эту статью.

Примите уверение в глубоком почтении и совершенной преданности.

Ф. Д. САМАРИН — Н. П. ПЕТЕРСОНУ²¹³

22 мая 1915. Москва

Милостивый Государь
Николай Павлович!

Ваше письмо от 10 января с приложением копии с статьи Н. Ф. Федорова²¹⁴ лежит у меня на столе вот уже несколько месяцев, как явный укор и неопровержимое свидетельство моей несправности в переписке. Я бы мог привести некоторые облегчающие обстоятельства в свою пользу (болезнь моего зятя и моя собственная), но лучше не буду ни на что ссылаться в свое оправдание,

а просто принесу Вам повинную голову в надежде на ваше снисходительное отношение и затем прямо приступлю к делу.

Статью Николая Федоровича Вы посылаете мне ввиду предстоящего нового устройства Польши, Галиции и Угорской Руси, для чего, по вашему мнению, «не могут не обратиться» ко мне. По этому поводу прежде всего считаю нужным довести до вашего сведения, что я уже давно не принимаю никакого участия ни в государственных, ни в общественных делах и потому ко мне никто не обращается и, конечно, не обратится ни за каким советом по вопросу об устройстве названных Вами стран. От себя лично, а также от имени некоторых моих приятелей и друзей, думаю, может быть, высказать в форме статьи или записки некоторые соображения свои специально по вопросу о будущей судьбе Польши. Но если опубликование этой статьи или записки и состоится, то это будет совершенно частное предприятие.

Конечно, при исполнении этой заботы полезно выслушать всякий голос, тем более голос человека, пользующегося таким общим уважением, как Н. Ф. Федоров. К величайшему сожалению, однако, прочитав внимательно присланную Вами статью его, я не нашел в ней решительно никаких указаний, касающихся специально Польши. Предлагаемые им меры, может быть, необходимы и в Польше, но, во всяком случае, лишь тогда, когда они будут приняты и по мере возможности осуществлены в самой России. Да еще большой вопрос, применимы ли они без всяких изменений к Польше. Приспособление к местным условиям потребуется хотя бы потому, что Польша страна католическая, а предположения Николая Федоровича рассчитаны, по-видимому, на православную среду.

Таким образом, мне представляется не совсем понятным, что, собственно, можно бы было извлечь из присланной Вами статьи для нужд названных Вами стран. Если же Вы не преследуете в данном случае непосредственной практической цели, а только желаете, чтобы «мнение Николая Федоровича сделалось известным через меня», то, к величайшему сожалению, не могу принять на себя этой обязанности.

Николая Федоровича я чрезвычайно уважаю как личность высокого духовного строя и как человека, у которого слово никогда не расходилось с делом. Но я совершенно не могу разделять его воззрений и брать на себя ответственность за их распространение. Насколько я могу судить по тому немногому, что мне известно из писаний Николая Федоровича, у него были *стремления* истинно христианские. Но с этим совершенно вразрез шли предлагавшиеся им *способы* для осуществления намеченной им цели. На первый план выдвигались средства чисто внешние, не имеющие никакой цены с христианской точки зрения. Он искал *общего дела*, на кото-

ром могли бы объединиться все люди, желающие быть христианами не по имени только; это дело он находил в борьбе со смертоносными силами природы посредством объединенных сил науки и государства, и этими же средствами он надеялся достигнуть высшей окончательной цели человечества — воскрешения мертвых. Как бы мы не относились к этому воззрению по существу, мне представляется совершенно ясным, что оно не имеет ничего общего с христианством. В нем совершенно напрасно стали бы искать нравственного элемента, присущего христианству: нет речи о борьбе с грехом, о духовном возрождении человечества, и самое *воскресение мертвых* представляется каким-то механическим актом, совершаемым не силою Божьею, а самыми обыкновенными силами человеческими, лишь объединенными в своих стремлениях.

Может быть, я ошибаюсь в своем отношении к учению Н. Ф. Федорова, но Вы легко согласитесь, что распространять это учение я не могу. Поэтому не посетуйте на меня за то, что я не берусь исполнить ваше поручение.

Виноват я перед Вами, что так долго замедлил ответом, но Вы, может быть, поймете некоторую затруднительность моего положения. Я не хотел огорчать Вас и потому думал избежать объяснения по существу. Но, приступив к делу, убедился, что в такого рода уклонении была бы с моей стороны неискренность, которая никогда не может быть оправдана, а особенно в таком великом деле и по отношению к такому человеку, как Вы.

Закрываю письмо усерднейшею просьбою принять благосклонно мой ответ и верить неизменному чувству моего глубокого уважения.

P. S. Не откажитесь передать мой поклон Михаилу Николаевичу²¹⁵, если он с Вами.

Преданный Вам
Феодор Самарин.

22-го мая 1915 года
Москва, Поварская, 38.

М. Н. ПЕТЕРСОН — Н. П. ПЕТЕРСОНУ
25 июня 1915. Москва

<...> Насчет представительства интересов умерших, конечно, справедливо. Интересные рассуждения пришлось мне услышать от случайного человека: тяжело, говорит, смотреть на людей, недавно

еще совсем здоровых, а теперь — калек. С какой стати одно поколение жертвует собой ради того, чтобы другим жилось лучше? Когда же я его спросил, не следует ли сейчас же заключить с немцами мир и, т<аким> обр<азом>, самим себе и будущим поколениям накинуть на шею петлю, — он горячо ответил: «Ни в каком случае, но справедливость требует, чтобы все эти искалеченные снова как-нибудь возродились». На этом разговор прервался. Он говорил только о калеках, забыл о мертвых, но, во всяком случае, нельзя не видеть, что почва для принятия идей Н. Ф-ча создается самими событиями. <...>

В. Н. ХОМУТСКИЙ — Н. П. ПЕТЕРСОНУ

Дорогие мои Николай Павлович и Юлия Владимировна. Шлю я вам свой душевный привет; и как вы себя поживаете, надеюсь, живы и здоровы. Я живу, работаю, а мою работу ломает слепая сила природы, морозом побила табачную рассаду и огурцы. Дорогой мой Николай Павлович! Как прав Наш великий Гений Н. Ф. Федоров! указал нам глупым ребятишкам, с чем нужно нам всем бороться. Я когда читаю Федорова, то я чувствую себя глупым ребенком, а потому что я не могу один сделать ничего, а всем это нужно для хлеба насущного. Я недавно прочел Бердяева в «Русской Мысли»²¹⁶. Он называет великого Гения Русской земли Оригинальный чудак! Это Н. Ф. Федоров, кто же поверит Бердяеву, разве те люди, которые живут в кабинетах и не имеют никаких делов с природой; у меня язык не повернется обозвать Н. Ф. Федорова чудачком.... По всей вероятности, Бердяев сам большой руки оригинальный чудак! <...>

П. А. ФЛОРЕНСКИЙ — В. А. КОЖЕВНИКОВУ²¹⁷
15 июля 1915. Троицкое

Дорогой и глубокоуважаемый Владимир Александрович!

Из деревенской глуши приветствую Вас с Днем Вашего Ангела, в нынешнем году оказавшимся особенно торжественным и знаменательным. Желаю Вам бодрости и ясности от девятисотлетнего Вашего покровителя²¹⁸. Надеюсь, что Ваши домашние, которых поздравляю с дорогим именинником, находятся в благополучии и здравии.

Ваш Праздник застал меня в сельце Троицком Рязанской губернии. Только в деревне делается понятной безусловная необходимость Церкви. Богослужение здесь ощущается выросшим из духа

народного и служба церковная есть естественное увенчание жизни. Кроме того, в деревне все еще сколько-то сохраняется канонический строй. Всякий раз, когда я попадаю в деревню, меня вновь с неудержимой силой начинает влечь остаться в ней совсем.

Крещение, погребение, все обряды здесь исполнены таким глубоким смыслом и естественностью. Вся служба, в городе стоящая как укор всему, ее окружающему и, вместе, сама искусственная и, при всей своей внешней роскоши, часто весьма бедная и сухая, здесь звучит такою непосредственностью, что может казаться иногда вот сейчас только возникшей. И, попадая в деревню, я во многом начинаю иначе смотреть на Федорова, начинаю понимать его влечения.

П. А. ФЛОРЕНСКИЙ — Н. П. ПЕТЕРСОНУ

28 июля 1915. Сергиев Посад

Редакция
Богословского Вестника
Сергиев Посад
Московской губернии.
Июля 28 дня 1915 г.

Многоуважаемый Николай Петрович!²¹⁹

Вашего возражения г. Голованенко²²⁰ я до сих пор не читал и потому мне нечего было ответить Вам. Не читал ее потому, что я считал а priori невозможным печатать возражение на статью *неоконченную*. Исследование г. Голованенко разбито на отдельные статьи по моему требованию, в чисто технических целях; а о единстве всех статей формально заявляется в предисловии к 1-й из них. Теперь это исследование, принятое мною в журнал более двух лет тому назад, *окончено* и, следовательно, может быть поднят вопрос о возражениях г. Голованенко.

Говоря откровенно, я очень не сочувствую полемике, обыкновенно не выясняющей, а лишь затемняющей вопрос. Ввиду этого я уже не раз отклонял полемические статьи, хотя, бывало, я по существу стоял на их стороне. И в Вашем случае я с большой охотой напечатал бы положительное освещение учения и, в особенности, личности Н. Ф. Федорова. В очень многом я с г. Голованенко отнюдь не солидарен. Однако, думаю, что аберрация зрения, подобная его аберрации, *неизбежна*, доколе не будет дано Вами или Вл. А<лександрови>чем Кожевниковым *психологических и биографических красок* для возможности более жизненно разобраться в

личности, а затем — и учении Н. Ф-ча Федорова. Повторяю, пока не будет подробной биографии Федорова, учение его неизбежно будет подвергаться логическому форсированию: у Федорова многое неясно и многосмысленно; понять истинный смысл его высказываний можно лишь в связи с его личностью и биографией. А без них остается играть на отвлеченно выводимых следствиях из его *неточно-очерченных* формул.

Вместе с Вашей статьей против г. Голованенко у меня лежит и *обширная* его статья против Вас — против Вашей брошюры²²¹. Это-то меня и смущает, ибо, напечатав Ваше возражение, я лишюсь оснований не напечатать и его статьи. Но так как Вы настаиваете на печатании Вашего возражения, то я пришел к комбинации такой:

Как только будет в журнале свободное место, я помещаю Вашу статью; корректуру ее я посылаю г. Голованенко, с предложением написать Вам свои соображения возможно короче, в виде тезисов, и эти тезисы помещаю вместе с Вашей статьей. А затем предлагаю и Вам, и Голованенко дать, для дальнейшего, *положительный* материал к изучению Н. Ф. Федорова, если таковой имеется. Надеюсь, что эту комбинацию сумею осуществить в сентябрьской или в октябрьской книжке «Богословского Вестника»²²².

Ваш покорный слуга
священник Павел Флоренский.

P. S. Не будете ли Вы добры прислать мне лично Вашу брошюру против Голованенки?

П. Ф.

В. Н. ХОМУТСКИЙ — Н. П. ПЕТЕРСОНУ

15 сентября 1915. Пехлец

Дорогой мой
Николай Павлович

Я про вас нисколько не забыл. Шлю я вам свой душевный привет! И вашему семейству. Живу и думаю Мыслию Николая Федоровича. У нас в деревнях Мысль Николая Федоровича принимается вся целиком, по чистой Божеской душе, не как то городские блудные сыны, вроде Голованенка и Бердяева. Я прочел статью Бердяева, он писал в «Биржевых Ведомостях», как Николай Федорович предсказал настоящую войну с Германией²²³. Во-первых, Бердяев называет Николая Федоровича великим Мыслителем и в то же время называет утопистом; и выходит что же — эти разные Бердяевы двоедушники, одна душа у них белая, а другая черная; конечно, они более предпочтения отдадут черной душе, нежели бе-

лой; да им надлежало сознать свою ошибку и заблуждения и принять Истину Николая Федоровича: что и было с Толстым; и становится, временам смешно и горько, за этих людей Толстых и Бердяевых; и за всю Городскую интеллигенцию, которые христиане без Христа, как выразился Голованенка о Федорове. Я сейчас изучаю Триодь цветную, только очень трудно на первых порах, я никогда и в руки не брал славянские книги.

До свидания, дорогой мой Николай Павлович, и будьте здоровы!

Василий Николаев Хамуцкий.

С. М. СЕВЕРОВ — Н. П. ПЕТЕРСОНУ

23 октября 1915. Петроград

<...> Владимир Александрович писал мне к именинам, что он скоро выпустит в свет свой «Буддизм»²²⁴ и тогда уже можно будет взяться за окончание трудов Великого и издать III том. От души желаю конца его Буддизму. Кончится когда-нибудь и Великая война, а творения Ник. Ф-ча все еще не закончены из-за Буддизма. <...>

М. Н. ПЕТЕРСОН — Н. П. ПЕТЕРСОНУ

25 января 1916. Москва

<...> Читаю биографию С. М. Соловьева, старшего современника Н-я Ф-ча. Наметил еще целый ряд таких биографий, чтобы определить, какие вопросы в то время занимали молодое поколение. Несколько таких вопросов, которые занимали, несомненно, и Н-лая Ф-ча, нашел: 1) о законах, которым подчинены судьбы человечества, или, что то же, о смысле истории, на который Н. Ф. отвечает (I, 130): «Смысла в истории не будет, пока история... не есть наше действие»; 2) родовой быт у славян; 3) увлечение Гегелем. Может быть, таким образом можно будет получить историческую перспективу возникновения учения Н-лая Ф-ча. Этому же может, вероятно, помочь допросы — твой и Н-я Ф-ча — по Каразовскому делу. Я не теряю надежды когда-нибудь его достать²²⁵. Но это не насущная задача, а прежде всего, мне кажется, необходимо заняться историческими взглядами Н-я Ф-ча: на того, кто предсказал настоящие события, можно положиться при построении будущего, что сейчас же станет на очередь по заключении мира. <...>

М. Н. ПЕТЕРСОН — Н. П. ПЕТЕРСОНУ

23 февраля 1916. Москва

<...> У В<ладимира> А<лександрови>ча были два офицера. Один — бывший реалист, ученик Д. Ф. Попова*. Говорили, что в окопах читают только Н-я Ф-ча, и не только они, но даже и солдаты, устраивают также собеседования, и теперь, по их словам, уже многие знают, кто наш действительный враг, против которого следует обратиться после войны. У В<ладимира> А<лександрови>ча взяли книг для полкового командира и других офицеров. <...>

Н. С. СОЗОНТОВ — Н. П. ПЕТЕРСОНУ²²⁶

26 мая 1916

Глубокоуважаемый Николай Павлович!

Только что кончил возиться с своими искусственными ледниками. Хотел закончить свою статью²²⁷ в Туркестане, почему и Вас побеспокоил, но не мог этого сделать там и окончил только сегодня. Все я переделал и привел в систему. Посылаю вместе с сим письмом редакторам газет «Нового Времени» и «Русского Слова» с приложением краткого содержания статьи (оглавление) и прошу ответить, будут ли они ее печатать и на каких условиях. По получении ответов не премину Вас известить. Результатами своей работы я пока доволен, т<ак> к<ак> кто бы ни увидел или ни прочел ее, все выражают сочувствие моей идее и надежду на ее скорое осуществление. Это мне придает бодрости. <...>

25 марта я выехал в отпуск, а 12 мая вернулся. В Верный не рискнул ехать, потому что не успел бы в этот срок вернуться. Там по дорогам все старые порядки, но еще более ухудшилось, чем Вы знали. Почтовое сообщение невозможное. Но к великой радости семиреченца, как я, могу сказать, что железная дорога на Верный строится, земляные работы окончены до Пишпека, а рельсы недостает, т<ак> к<ак> забирают их на фронт. По Семиреченской железной дороге я проезжал от Араса и за г. Черняев (бывш<ий> Чимкент) одну станцию (больше 100 верст). Говорят, еще разрешено рельсы на 40 в<ерст>. Скоро, стало быть, мы будем ездить по железной дороге. Ввиду того, что не был я в Верном, не могу Вам сообщить оттуда и вестей.

* Анатолий Анатольевич Деменьтев, прапорщик 494 пехотного Вейсбургского полка.

В отпуске я как будто отдохнул и скопил сна лет на пять, но, вернувшись на службу, не далее как дня через два-три почувствовал себя опять по старому не важно.

Свой труд²²⁸ я Вам непременно вышлю в доказательство того, что идеи Н. Ф. Федорова в моей душе западали глубоко. Сейчас только прочел мою статью один господин и заявил: «В таком случае придется вооружиться всему миру для борьбы с природой!». Эта фраза радует меня тем, что я, стало быть, правильно провожу в жизнь учение Великого Николая Федоровича.

Глубоко преданный Вам

Н. Созонтов.

Адрес мой тот же: Действ<ующая> Армия, 240 этапное отделение
Н. Созонтов.

26 мая 1916.

В. А. КОЖЕВНИКОВ — П. А. ФЛОРЕНСКОМУ

31 июля 1916. Исар

<...> Ваше (чувствую, — не заслуженное в такой мере мною) внимание ко мне Вы распространили до пожелания, чтобы я занялся составлением «Воспоминаний» о себе. Совершенно отвергая мысль о том, чтобы побуждением к ним могло служить предположение о какой-то значительности меня самого, я, тем не менее, признаюсь, и сам не раз подумывал о нанесении на бумагу очерка моего внутреннего опыта, *только внутреннего*, ибо внешняя жизнь моя была слишком бледна и бессодержательна. Побуждением к такому искушению, как писанье своих «Воспоминаний», у меня было желание как бы утешить себя за то, не часто у людей встречающееся, длительное духовное одиночество, в котором мне суждено было провести большую часть моей жизни, причем, однако, интенсивность и разнообразие моих личных запросов, стремлений и переживаний были столь велики, что они постоянно усиленно просились вылиться наружу, и подавлять это желание было мучительно трудно. Сверх того, необычность хода моего умственного и нравственного развития, и прежде всего необходимость, в которую я был поставлен, всюду и во всем пробиваться вширь и вглубь одними своими личными силами заставляли меня иногда думать, что изложение *такого* процесса развития души, хотя бы и не выдающейся по достижениям и свершениям, все же может представлять некий психологический интерес. Вот мне и хотелось, не раз уже, присесть за такие автомеморалии, предназначая их прежде всего самому себе, как средство более точного учета о самом собою, а во-вторых, моим детям, как жизненный урок, для начинающих жизнь, бесспорно, поучительный. Но каждый раз останавли-

вался и за недосугом, и за сомнением, что правдивого отражения простых и все же мудреных переживаний и исканий не удастся создать, что ускользнет именно интимная сторона их; а она-то и есть то, что во всем этом было благоговейного, и (в этом смысле) ценного. Много я перечитал автобиографий, а искренних и «с подлинным верных» много ли из них можно найти?.. Вашу оговорку в этом направлении (о ненужности «Исповеди» и разоблачений того, в чем каяться надо одному Богу), я приемлю, конечно: она глубоко мудрая, но провести ее на деле едва ли возможно: есть неотделимое одно от другого, и если *не все* раскрыто в таких случаях, то окажется, что в этих-то существенных пунктах именно *главное* останется не раскрытым, а умолчание неизбежно рискует выродиться в искажение, в подмену действительности предполагаемым или сочиненным. Много и других препятствий отыскать бы можно, хотя *принципиально* я согласен с мнением Н. Ф-ча, что автобиография должна бы быть обязательна для *каждого* человека: по многим и важным соображениям.

И между тем как раз сам-то Николай Федорович и отступил перед этой обязанностью и, словно нарочно, закутал свою жизненную повесть в почти непроницаемую мглу. В III томе придется, с великим трудом, делать опыт хотя бы клочковатого восстановления сведений о нем. И я рад встретить у Вас, дорогой Павел Александрович, сочувствие к такому делу. Факсимилей можно приложить к книге сколько угодно, и это предусмотрено с самого начала. Изображений, как знаете, почти нет, что есть, будет воспроизведено. Мой приятель, Ник. Павл. Петерсон, чуть не отлучению меня подвергает за промедления. Но иначе нельзя было устроиться: каков ни на есть мой «Буддизм», а, забравшись в него (конечно, не ожидая, что трудности его окажутся столь велики), надо было его доработать хотя бы до того, очень несовершенного вида, в каком я Вам решился, краснея, послать свои два неуклюжих тома. <...>

П. А. ФЛОРЕНСКИЙ

Н. Ф. Федоров²²⁹

1916. IX. 6. Серг<иев> Пос<ад>

Сегодня был у меня Вл. Ал. Кожевников и на мой вопрос о происхождении *Н. Ф. Федорова* сообщил, что, несмотря на все его старания и даже помощь *П. Бартенева*, знатока генеалогических вопросов, удалось выяснить тут очень немного, т<ак> к<ак> Федоров («Старик», как выражается Вл. А-ч) не любил говорить об

этом и выражался всегда так, как если бы Вл. Ал-чу его прошлое было известно.

Он был сын кн. *Павла Гагарина*. Но кто такой этот Павел Гагарин, выяснить не удалось. Мать Федорова имела от него 4-х детей — 2-х сыновей и 2 дочери. Сначала думали, что она крестьянка, но потом оказалось, что она дочь мелкого чиновника — нечто вроде коллежского регистратора.

Один ее сын — Н. Ф. Федоров, а другой — директор (?) царско-сельской клас<ической> гимназии, переводчик сочинений *Вегнера* «Эллада» и «Рим»²³⁰.

Мать Федорова впоследствии вышла за Попова, директора одной из московских гимназий.

Сначала она жила у Гагарина. Но когда отец — старик Гагарин задумал женить сына, детей у нее отняли, тайком посадили в карету и увезли в другой уезд. Федоров запомнил, как она бежала за каретой и кричала...

Федоров редко посещал свою мать. Она плохо к нему относилась. Отца он, по-видимому, любил и хорошо о нем отзывался.

Вот все, что мне рассказал Вл. Ал. Кожевников.

Не трудно понять, какую глубокую связь имеет это прошлое Н. Ф-ча с его философией семьи, где есть отец, братья и сестры, но нет матери, где земное имеет столь специфический запах, где столь принижено начало женственное. С этим моим суждением охотно согласился и Вл. А-ч Кожевников.

А. А. МОЦАНСКИЙ — Н. П. ПЕТЕРСОНУ²³¹

26 сентября 1916. Нижний Новгород

26 сент<ября> 1916

Глубокоуважаемый
Николай Павлович.

Я пред Вами в большом долгу: до сих пор не ответил на письмо от 16 июля. Мне очень стыдно за свою неаккуратность, и в свое оправдание (далеко, конечно, неполное) могу сослаться лишь на все увеличивающееся количество казенной, служебной работы. К концу августа она так утомила меня, что я решил даже уехать в непродолжительный отпуск, в Ярославскую губ<ернию>, вглубь пошехонских лесов, и там забыть на время о службе, о войне (насколько это можно) и о всем сверлящем мозги и душу. Из этого отпуска я вернулся недавно, нашел у себя на столе Вашу статью о названии «крестьянин» и о русском мессианизме²³²; но так как

немедленно по приезде должен был погрузиться в кучу накопившихся дел, то статью прочел только сегодня. Большое, сердечное спасибо Вам, дорогой Николай Павлович, что не забываете меня при рассылке своих статей, которые я читаю с таким же интересом и удовольствием, как статьи самого Н. Ф. И очень жалею, что не могу Вам отплатить тем же: во-первых, пишу очень мало и редко и, во-вторых, — пока о вещах, не имеющих отношения к учению Н. Ф. и потому, вероятно, не интересных для Вас. <...>

С Вашими замечаниями на мою статью о Н. Ф. (рукопись, которую я Вам послал)²³³, я вполне согласен. Эти замечания еще более убеждают меня в том, что я еще не достаточно проникся Федоровым и потому легко могу исказить (в деталях) его учение. Вы говорите, что было бы полезно напечатать статью (конечно, с теми исправлениями, на необходимость которых Вы указываете). Но где напечатать? Подходящих для этого журналов я не знаю, а отдельной брошюрой — рискованно: она может безнадежно завалиться на складе. Статьи: когда и как Вы думаете издать 3-й том сочинений Н. Ф.? На какие средства? Если эти сочинения издавались до сих пор на средства почитателей Н. Ф. (напр<имер>, на Ваши и Кожевникова) и если Вы озабочены собиранием и накоплением этих средств, то, быть может, Вы и мне позволите принять участие в этом деле посильной лептой?

Вы спрашиваете, в чем я не согласен с Н. Ф. Пока я не совсем мирюсь с его учением о самодержавии и с его резким осуждением по адресу конституционализма. Собственно, против того идеального самодержавия, которое проповедует Федоров, ничего сказать не могу, но ведь это — не историческое самодержавие, и его никоим образом нельзя противопоставлять историческому конституционализму, как это делает Н. Ф. К сожалению, об этом пришлось бы писать слишком много и долго, вопрос же — не из самых важных (в особенности — что касается конституционализма), а потому подробности и спор по этому предмету отложим до другого раза. Я все надеюсь, что когда-нибудь судьба даст нам возможность познакомиться и побеседовать лично. Письма же — крайне неудачный способ для обмена мнениями.

Искренно преданный Вам

А. Мочанский.

Н. П. ПЕТЕРСОН — П. А. СЕРГЕЕНКО²³⁴

Лето 1917. Зарайск

Не отвечал Вам так долго, многоуважаемый Петр Алексеевич, потому что был в Москве, выбирал из бумаг В. А. Кожевникова все, относящееся до Н. Ф-ча, и оказалось всего очень много; увез

лишь то, что приготовлено для 3-го тома, а большую часть пришлось пока оставить в руках вдовы покойного. Я надеюсь, что все будет в сохранности. Очень вам благодарен за сообщение о Волынском²³⁵ и воспользуюсь предложением писать о Н. Ф-че в «Биржевых Ведомостях» и, по всей вероятности, очень скоро пришлю статейку. У меня есть большие статьи — ответ Бердяеву на его статью в июльской книжке «Русской мысли» 1915 г.; а также и по поводу статьи Е. Н. Трубецкого, напечатанной в «Вопросах философии и психологии» об отношениях Н. Ф-ча к Влад. Серг. Соловьеву. <...> Но обе эти статьи, я полагаю, слишком велики для газеты. <...>

Боюсь, что Н. Ф-ч не удовлетворит г-на Волынского, особенно статья «Самодержавие», вызвавшая самую жгучую ненависть к Н. Ф-чу в Мережковском. <...>

Н. П. ПЕТЕРСОН — С. М. СЕВЕРОВУ

Август 1917. Зарайск

Глубокоуважаемый и дорогой Сергей Михайлович!

Получили ли Вы мое письмо со статьею по поводу некролога Владимира Александровича и что Вы сделали с этою статьею? Если «Новое время» не хочет печатать моей статьи, то будьте так добры, отправьте ее к Акиму Львовичу Волынскому, заведующему литературным отделом «Биржевых Ведомостей». Он очень интересуется Н. Ф-чем и чрез общего нашего знакомого²³⁶ обращается ко мне с просьбой писать о Н. Ф-че все, что я найду нужным, и это будет помещено в «Биржевых Ведомостях». Очень сожалею, что статья против Булгакова вышла отдельной брошюрой²³⁷, а не прислана была в «Биржевые Ведомости». Обращаться к Волынскому нужно чрез Ред<акцию> «Биржевых Ведомостей» (Адмиралтейский канал, 15).

Н. П. ПЕТЕРСОН — М. Н. ПЕТЕРСОНУ

24 января 1918. Зарайск

<...> Так как ты бываешь теперь у Кожевниковых два раза в неделю, — спроси Анну Васильевну, когда она надеется добраться до стального ящика в Банке²³⁸. И нельзя ли тебе захватить от нее несколько экземпляров Философии как I, так и II-го тома. Когда они будут у тебя на квартире, то их легче будет достать, когда понадобятся. Получил письмо из Петрограда от Северова, в котором он сообщает, что познакомился с Волынским, о котором писал мне Сергиенко. Волынский готовит большую работу о Н. Ф-че,

горит к нему энтузиазмом, говорит, что в прессе все пути и дороги ему открыты и он может найти и средства и издателей для третьего тома; предлагает приступить к печатанию немедленно, и Северов приглашает меня к себе на время печатания, чтобы держать корректуру. Кроме того, Волынский предлагает тотчас по выходе 3-го тома приступить к переизданию всего произведения в нескольких компактных томах, чтобы всякий их мог купить. Я тотчас же отвечал Северову, в видах того, чтобы заручиться от Волынского чем-либо более надежным, чем разговоры. Если бы оказалось что-либо серьезное, я рискнул бы и поехать в Петроград. Северов пишет, что Волынский собирается писать мне. Посмотрим, что из этого выйдет²³⁹. <...>

Северов спрашивает, между прочим, попадет ли в 3-й том статья Н. Ф-ча, которая была когда-то прислана ему, Северову, для передачи Перцову для «Нового Пути», в который Николай II-й приравнивается к Алеше Карамазову²⁴⁰. Но я не видал этой статьи и прошу Северова помочь найти ее. <...>

Н. П. ПЕТЕРСОН — ПАТР. ТИХОНУ²⁴¹

20 марта — 2 апреля 1918. Зарайск

Ваше Святейшество и проч. как надлежит

Вашему Святейшеству представляю заметку по вопросу «Что такое православие» и всеусерднейше прошу передать ее на рассмотрение Всероссийского Собора. Молю Бога, чтобы вопрос этот, от решения коего будет зависеть многое, был разрешен еще до разъезда Собора пред праздником Пасхи. Если Собор согласится с определением православия, как оно делается в заметке, — этим будет положено начало преобразению православия, проникновению христианства в жизнь, тогда можно будет надеяться, что придет, наконец, время, когда жить и быть христианином будет значить одно, эти выражения будут тождесловием. При этом прилагаются статьи, на которые указывается в заметке: 1. «О цели и смысле нашего существования», 2. «Как создать национальную школу»²⁴².

Должен сказать, что определение православия, даваемое в заметке, сделано умершим 15 декабря 1903 года Н. Ф. Федоровым в его произведениях, вышедших после его смерти в 2-х томах под заглавием «Философия Общего Дела». Книга эта есть у членов собора Высокопреосвященных Евлогия — Волынского, Димитрия — Таврического, у графа П. Н. Апраксина, у профессоров С. Н. Булгакова, князя Е. Н. Трубецкого, Н. Д. Кузнецова — и я с огорчением должен сказать, что никто из них, кроме, быть может, гр. Ап-

раксина, книг этих надлежащим образом не прочитал, надлежащим образом никто их не понял, а потому и не получили они надлежащей оценки. А между тем познания Н. Ф. Федорова признаны многими столь глубокими, что писавший о нем в «Московских Ведомостях» в сороковой день со времени кончины Покровский²⁴³ говорит, что Н. Ф. Федоров знал содержание всех книг библиотеки Румянцевского Музея, что Н. Ф. Федоров, не будучи специалистом, шел впереди всех специалистов, и приводит в доказательство этого поразительные факты. И этот-то Федоров всею мыслию своею, всею душою отдавшийся в течение всей своей долгой жизни одному — исканию путей, которыми мы можем исполнить волю Божию, исканию того, что мы должны делать не каждый в отдельности, а все в совокупности, дабы молитва — «*да будет воля Твоя*» — не была только словом и мы соделались бы орудиями и исполнителями воли всеблагого Бога, смерти не создавшего и хотящего, чтобы все в разум истины пришли, — этот-то Федоров и сделал приведенное в заметке определение православия. Возражая В. С. Соловьеву, возводившему тяжкие обвинения против нынешнего христианства в реферате «О причинах упадка средневекового мировоззрения», — причем Соловьев называл нынешнее христианство, отождествляя его со средневековым мировоззрением, даже *не истинным*, — тот же Федоров на стр. 480-й I-го т<ома> «Фил<ософии> Общ<его> Дела» говорит: «Нынешнее христианство *неистинным* называть не должно; оно и не может быть так называемо, ибо оно истинно, но не завершено еще ни по объему, ни по содержанию, оно не перешло еще от слова к общему делу, от тайнодействия к явному делу»²⁴⁴. — Федоров хочет, чтобы все образование, вся наука поставили своею задачею изыскание путей к исполнению воли Божией, и причину незавершенности нынешнего христианства видит в том, что наука стала работою фабрики и торгова, что наука безучастна к бедствиям, которые *общии* всем людям. И именно возрождение науки, связанное с возрождением литературы древней Греции и Рима, литературы языческой, привело к тому, что современная наука стала только дальнейшим развитием дохристианской, т. е. языческой, литературы, стала не только чуждой, но и враждебной христианству; так что во всех учебных заведениях, не исключая духовных семинарий и духовных академий, все предметы противоречат закону Божию и большинство дошедших до пятого класса средних учебных заведений становятся неверующими. Громаднейшее большинство так называемых интеллигентов, все «образованные», за исключением ничтожно малого числа, суть неверующие, и для них отделение церкви от государства — положение вполне нормальное и даже единственно допустимое, а право не исповедывать никакой религии есть неотъемлемое право каждого. А между тем признать право не исповедывать никакой религии зна-

чит признать право на бессмысленное и бесцельное существование, потому что только религия дает цель, а следовательно, и смысл нашему существованию. Но бессмысленное существование может ли быть существованием нравственным — спрашивается в статьеке Федорова, напечатанной в № 8-м 1902 г. газеты «Асхабад»...²⁴⁵

Обвиняют Н. Ф. Федорова в рационализме. Да, он высоко ставит разум, отличительное свойство человека, но разум, воссиявший нам с Рождеством Христа и с Его воскресением, разум истины, ту премудрость, начало которой — страх Божий; а не тот разум, который стал безумием и о котором сказано — «погублю премудрость премудрых и разум разумных отвергну»²⁴⁶; не тот разум, который нашел свое выражение во всей философии, как древней, начиная с Сократа, так и новой, в которой возродилась древняя, сократовская — в философии Декарта, Канта и их продолжателей; не тот разум, или премудрость, начало которой не страх Божий, а критика, обращающаяся в хулу.

Есть обвиняющие Федорова и в социализме. Поводом к такому обвинению было такое выражение на 174 стр. I-го т<ома> «Философии Общего Дела»: «в то время еще не мучила мысль, что всякое даже необходимое пользование тем, чего лишены другие, есть уже нарушение христианской любви, единства человечества, нарушение самого первого основного догмата, догмата о Троице, рассматриваемого как заповедь. Ограничение, стеснение себя должно иметь место в наше время не для того, чтобы уподобиться богам, не имеющим потребностей, как говорил Сократ, а из чувства близости и подобия со всеми людьми». Но высказав это, Федоров на стр. 124 т. I-го, примеч. 20-е и на стр. 173-ей т<ома> II-го «Фил<ософии> Общ<его> Дела» говорит: «Коммунистические и социалистические построения, отвергающие родство, чтобы держаться, должны довести опеку до *taximum*'а, и зависть, наблюдающую, чтобы никто не воспользовался большим, чем следует, должны возвести в высшую добродетель. А из зависти, этого основного свойства сатаны, родится ненависть, злоба и все пороки; так что в большую ошибку впадают те, которые утверждают, — по недомыслию, конечно, будто самые идеальные построения социалистических обществ невозможны, неосуществимы потому, что люди не ангелы; нет, они не осуществимы потому, что люди не аггелы, т. е. не дьяволы».

В заключение должно сказать, что разум, воссиявший нам с Рождеством и Воскресением Христа, найдет свое выражение, только в школах, устраиваемых в храмах и при храмах, как это говорится в статье «Как создать национальную школу», напечатанной в «Миссионерском Сборнике» 1916 г. № 12-й²⁴⁷.

Что такое православие²⁴⁸

До сих пор христианство жи[ло] [серд]цем, сердечными воздыханиями, душе[вными] [поры]вами. Христианство отвергает необходимость [всеобщего] спасения, — к которому *призывает* нас Христос, [силами]²⁴⁹ разума, знания, науки и, кроме поста, молитвы и добрых дел, *совершаемых каждым в отдельности*, не признает нужною для спасения *общей планомерной деятельности*. И это находится в совершенном противоречии с учением о церкви, принадлежности к которой необходима для спасения. Но в чем же выражается наша принадлежность к церкви, в чем выражается то, что мы суть члены церкви? Неужели только в посещении храма и в пассивном, как это в настоящее время стало, присутствии при богослужениях, при которых хотя и присутствуют вместе с нами и другие, но весьма часто нам совсем незнакомые, и во всяком случае нам чуждые, настроения которых нам неизвестно, может не только не совпадать с нашим, но и находиться в прямом с ним противоречии. Представим себе рядом стоящими в храме хозяина и наемного работника, фабриканта и фабричного рабочего, купца-торговца и покупателя его товара, — интересы коих прямо противоположны... А приходской жизни нет, нет прихода, объединенного в союз; [приход мог] бы сделаться союзом родственным [обрыв листа], если бы у прихожан было *одно общее* [дело]. А что может быть общим, если не дело нашего [спасения]. Если же спастись можно в одиночку, то что же [остается от] значения церкви? В чем будет заключаться сл[ужение цер]кви и в чем будет выражаться жизнь ея? Поэтому прежде всего надо подумать о том, в чем должно состоять общее дело спасения? — Христос сходил с небес «нашего ради спасения», — Он не спас нас от греха и смерти, но, сойдя с небес *ради нашего спасения*, призвал нас самих к участию в деле нашего спасения, потому что, — как говорит блаженный Августин, — Бог мог создать нас без нас, но спасти нас без нас не может. Если бы спасение было возможно и без нас, то зачем бы Ему, в лице Христа, сходить на землю, облекаться в плоть человека, страдать, умереть и затем воскреснуть?!.. Спасение человека, рода человеческого может совершиться только чрез человека, чрез нас, людей. Наше спасение совершается Богом, но чрез нас же самих, при нашем участии в самом деле, в самом строительстве нашего спасения. Добрые дела, совершаемые каждым в отдельности, не есть еще спасение от греха и неразрывно связанной с грехом смерти. Совершая добрые дела, мы не перестаем грешить, а потому и умираем. Добрые дела содействуют нас *достойными* спасения, но *не строят* нашего спасения. В чем же должно выразиться самое строительство нашего спасения и наше участие в этом строительстве?

Христос заповедал — ищите прежде и наипаче Царства Божия (Мф. VI, 33; Луки XII, 31) и «*все приложится вам*». А этим и устанавливается необходимость нашего участия в самом созидании Царства Божия. Общее дело и есть участие наше в строительстве Царства Божия на земле. Когда на земле будет Царство Божие, когда и на земле имя Отца Небесного будет святиться и воля Его будет исполняться так же, как и на небе, тогда и на земле не будет, конечно, ни греха, ни смерти. Говорят, что Царство Божие внутри нас. Но Господь ответил — «Царствие Божие внутри вас есть», — на вопрос фарисеев, — «когда придет Царствие Божие» (Луки XVII, 20—21). Не хотел же Христос сказать этим, что Царство Божие внутри спрашивавших фарисеев?!.. Этими словами Христос хотел, очевидно, сказать, что когда Царствие Божие будет и на земле, то не придется спрашивать, когда оно придет и где оно, потому что тогда мы в себе, внутри себя почувствуем присутствие его. Что Царства Божия не было на земле, когда фарисеи спрашивали о пришествии его, это видно из того, что Сам Христос научил нас молиться — «*да приидет Царствие Твое*» и на землю так же, как оно есть на небе. Если бы оно уже было внутри нас, то зачем же заповедать «*ищите прежде Царства Божия*», и как можно было бы сказать, что Царство Божие «*нудится*», силою берется (Мф. XI, 12). Нет Царства Божия на земле и в настоящее время, в том нас убеждает все, совершающееся на наших глазах. Отвечая на вопрос фарисеев, Христос не сказал, что Царство Божие не придет, что оно уже есть, что оно внутри нас. Нет, Христос сказал, что Царство Божие придет, но неприметным образом, так что нельзя будет сказать — «*вот оно здесь или вот там*». Вопрос же — *когда* оно придет, — оставил без ответа, и это, конечно, потому же, что — как отвечал Христос на вопрос своих учеников о времени второго пришествия, — «о дне же том и часе никто же весть... Токмо Отец Мой един» (Мф. XXIV, 36; Мрк. XIII, 32). Второе пришествие Христа будет уже не ради нашего спасения, а ради суда над пренебрегшими призывом при первом пришествии — принять участие в устройении дела нашего спасения, в устройении Царства Божия на земле. Второе пришествие будет иметь целью тоже устройство Царства Божия на земле, но уже без нашего в том участия и не для тех, которые отказались принять участие в устройении его. При нашем участии Царство Божие водворится на земле не вдруг и незаметным образом, — мы ощутим его внутри нас. При нашем же противлении воле Божией Царство Божие будет установлено на земле не только явно, но и грозно для пренебрегших призывом Господа, для не захотевших принять участие в деле устройства нашего спасения, т. е. Царства Божия на земле, и тем обрекая и тех, кто пожелал принять участие в деле устройства Царства Божия, на спасение неполное, так как поже-

лавшие принять участие в строительстве Царства Божия и не по своей вине не исполнившие воли Божией обречены будут на созерцание того, на что будут осуждены противники воли Божией.

В чем же может выразиться наше участие в устройении Царства Божия на земле? Прежде всего нашим пастырям надо сделаться пастырями добрыми, знающими своих пасомых, чтобы и пасомые знали своих пастырей и слушались голоса их. Пастыри наши должны не только знать своих пасомых, но и полюбить их; а для этого пастырь должен войти в жизнь своих прихожан со всеми их нуждами, горестями и страданиями, должен принять участие и в их радостях. О нуждающихся и страждущих, — делая их нужды и страдания предметом общей молитвы, — пастырь должен извещать всех остальных прихожан, должен извещать о всех нуждающихся в помощи и побуждать не только молиться об избавлении от нужд и страданий своих сочленов, — но и приходить с действительной помощью, как духовною, так и материальною, приходить с помощью к нуждающимся в пище и одежде, к нуждающимся в уходе и призрении, по случаю ли то болезни, немощи или старости, приходить с утешением к огорченным, с поддержкою и вразумлением к впавшим в преступление.

На пастыре лежит и долг учительства, который заключается не в придумывании и сочинении проповедей — по-протестантски, а в простом, обыкновенном обучении детей прихожан. Что такое литургия оглашенных, что такое оглашение, как не научение? А учить надо именно детей, которые притом и крещены без оглашения; поэтому каждый храм и должен быть школою. Христос сказал: «Оставьте детей и не возбраняйте им приходить ко Мне» (Мф. XIX, 14; Мрк. X 14; Луки XVIII, 16). Следовательно, храм и есть самое приличное место для обучения детей. Храм есть и наилучшее пособие при обучении: сколько там предметов, которые должны знать все, знать их значение, их смысл, начиная с облачения, сосуды, иконы... Храм есть изображение мироздания бесконечно малое по сравнению с ним, но бесконечно высшее мироздания по смыслу, по величине в храм мысли, ибо он есть проект мира такого, каким он должен быть. Храм есть и изображение неба, свода небесного, с изображенными на нем поколениями умерших, как бы ожившими. На иконостасах, как в Московском Успенском Соборе, как и во всяком храме, — хотя в иных и сокращенно, — мы видим изображение всей истории, начиная от Адама, — праотцы допотопные, праотцы послепотопные, цари, пророки, Предтеча Господень, Христос, апостолы, святые и это до последних дней. И разве это не наилучшее пособие при изучении истории, если смотреть на историю как на предмет священный, отцом которой был пророк Даниил, истолковавший историю как деяние, завершение коего в рuce Божией, направляющей верных к созда-

нию Царства Божия на земле. Не одни пастыри будут учителями, но и весь причт; необходимо привлечь к учительству и прихожан. Причем обучение должно быть с расширением самого знания, с исследованием той местности, где находится храм, во всех отношениях, в естественно-историческом и в историко-археологическом, в видах управления слепыми силами природы, от коих зависит наша жизнь. — Это и приведет к устройству национальной школы, которая никакой вражды к другим народностям возбуждать не будет, напротив — приведет к объединению все народы в общем деле управления слепыми силами природы, которыми строится ныне наша жизнь, ими же и разрушается, жизнью жизнь попирается, отцы детьми вытесняются. Управление слепыми силами природы приведет нас к переходу от храмовой литургии к литургии внехрамовой, в самой природе [конец статьи утрачен].

Н. П. ПЕТЕРСОН М. Н. ПЕТЕРСОНУ²⁵⁰
17(30) июля 1918. Зарайск

Милый и дорогой наш! Должен тебе сказать, что я уволен от должности; завтра, 31/18 июля, сдаю должность и получу последние 250 руб. за вторую половину июля. Сейчас от Андрея Антоновича получено письмо из Москвы в прилагаемом конверте, на котором адрес отправителя, нами не разобранный. Андр<ей> Ант<онович> пишет, что приехать не может и даже не знает, в Зарайске ли мы; просит сам с матерью и передает просьбу Паши, чтобы все мы ехали к ним в Гомель и Звенигородку²⁵¹ и обещает выхлопотать нам разрешение на въезд в Украину, если мы можем и решимся ехать туда. Не можешь ли ты известить Андр<ея> Ант<оновича>, что мы желали бы перебраться к ним как можно скорее и просим похлопотать о разрешении нам въезда в Украину. Нельзя ли это сделать чрез студента Дашкевича, адрес которого мы не разобрали и которым письмо А. А. сдано в Москве, если же не удастся тебе разыскать Дашкевича, не можешь ли сделать это каким-либо другим путем? Просим тебя также узнать — нужно ли разрешение на проезд в Гомель и от кого это разрешение получить? Не можешь ли помочь нам рассчитать, сколько будет стоить проезд троих с двумя маленькими на руках. Будем стараться как можно скорее все распродать и поскорее уезжать из Зарайска, где берут на учет молоко и будут давать лишь по стакану на человека. Оставаться нам здесь нет никакого смысла, в Москве мы тоже не думаем оставаться, хорошо бы проехать Москву, даже не высаживаясь, если это можно. Разрешение на въезд в Украину нужно будет только в Гомеле, следовательно, ждать его мы не будем.

Вот в каком положении мы очутились. Хорошо было бы, если бы к нашему отъезду ты приехал в Зарайск и помог нам выехать. Я бы передал тебе два портфеля с материалом для 3-го тома; эти портфели и остались бы на твоих руках. Но вот что открылось. Последнее время я занялся составлением статьи, в которой хочу дать систематическое и возможно краткое изложение учения. Стал читать статью *Музей*²⁵², и вот оказалось, что она напечатана не вся. Между прочим, к статье *Музей* 33 примечания, но в тексте есть ссылки только на 30 примечаний, на остальные три нет ссылки. К счастью, у меня сохранился подлинник статьи, и оказалось, что остались ненапечатанными десять четверок ($2\frac{1}{2}$ листа), кругом исписанных моею рукою. Все напечатанное на 65 страницах у меня было написано на 83 четверках, приблизительно $1\frac{1}{3}$ четверка на странице, оставалось, следовательно, напечатать страниц 6—7; на этих страницах и были бы указания на три последние примечания. Поэтому 3-й том надо начать окончанием статьи *Музей*, помещенной последней во 2-м томе.

О том, когда мы соберемся выезжать из Зарайска, поговорим по телефону. Не лучше ли и тебе на наше это письмо ответить по телефону, — можешь вызвать нас к определенному часу чрез нашу телефонную станцию при почтовой конторе. Нам надо знать, главным образом, нужно ли и от кого получить разрешение на выезд в Гомель — не от германского ли посольства: жена едет к мужу (домовладельцу гомельскому) с двумя детьми и при них отец и мать жены гомельского домовладельца. Недавно получили открытку от Елиз<аветы> Павл<овны>²⁵³, Алексей Никол<евич> выслан как контр-революционер и где он — неизвестно, Екат<ерина> Иван<овна> в Пензе в больнице, Елиз<авета> Павл<овна> одна с внучатами.

Все мы, мама, Люба²⁵⁴ с детьми и я крепко тебя обнимаем.

Горячо любящий Н. Петерсон.

17/30 июля. Зарайск.

